W 111/46

№ III/46 9661

ЗАПИСКИ
Княгини Маріи Николаевны
ВОЛКОНСКОЙ

съ предисловіемъ и приложеніями издателя
князя М. С. Волконскаго.

MÉMOIRES
de
La Princesse Marie Wolkonsky

préface et appendices par l'éditeur
prince Michel Wolkonsky.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Экспедиція Заготовленія Государств. Бумагъ.

St-PÉTERSBOURG.
Expédition pour la confection des papiers d'État.

1904.

№ III/46

ЗАПИСКИ
Княгини Маріи Николаевны Волконской.

MÉMOIRES
de
La Princesse Marie Wolkonsky.

N 46 9 вкм 90 1-82 / 12826

ЗАПИСКИ
Княгини Маріи Николаевны
ВОЛКОНСКОЙ

съ предисловіемъ и приложеніями издателя
князя М. С. Волконскаго.

MÉMOIRES
de
La Princesse Marie Wolkonsky

préface et appendices par l'éditeur
prince Michel Wolkonsky.

Ист-896 Публич. и Румянцов. Библіотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Экспедиція Заготовленія Государств. Бумагъ.

St-PÉTERSBOURG.
Expédition pour la confection des papiers d'État.

1904.

Библіотека Ѳ. П. Рябушинскаго.

№ 1335.

Съ посмертнаго портрета раб. Н. Гордиджіани 1860 г.
Грав. В. Унгеръ въ Вѣнѣ.

D'après un portrait posthume par N. Gordigiani.
Gravé par W. Unger à Vienne.

Княгиня Марія Николаевна Волконская.

La princesse Marie Wolkonsky.

PRÉFACE DE L'ÉDITEUR.

Ces «Mémoires»,—si l'on peut nommer ainsi ce court et simple récit, adressé par une mère à son fils,—furent écrits par la princesse Marie Wolkonsky à Moscou, après son retour de Sibérie, à la fin des années cinquante. Destinés exclusivement à la famille, ils sont écrits en français, langue qu'elle avait coutume de parler à ses enfants jusqu'à leur adolescence. Nous reproduisons le texte original intact. Pour le lecteur peu familiarisé avec le français nous joignons une traduction russe aussi fidèle que possible, faite par la princesse Marie Wolkonsky, petite-fille de l'auteur. Toutes les annotations, de même que les appendices sont de l'éditeur; les appendices ont trait aux personnes dont les mémoires parlent d'une manière plus détaillée.

La presse russe qui a faït un accueil si sympathique aux «Mémoires du prince Serge Grigoriévitch Wolkonsky» (St-Pétersbourg, 1902, 2e éd.) exprimait le regret de ce que la postface dont nous avons fait suivre les «Mémoires» fut trop courte. Nous tenons à répondre à ce reproche, plutôt flatteur pour l'éditeur, que cette brièveté était voulue. La postface n'avait d'autre but que de réunir en un récit objectif les documents indiscutables, officiels pour la plupart, que nous avons puisés dans les archives de la IIIe Section de la Chancellerie Particulière de Sa Majesté, dans celles des usines de Nertchinsk et de Petrovsk et dans celles d'Irkoutsk. Allonger le récit, ne serait-ce pas sortir du cadre de notre programme

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

«Записки» княгини Маріи Николаевны Волконской,— если можно назвать записками это краткое и простое повѣствованіе, обращенное матерью къ сыну, — были написаны въ Москвѣ, по возвращеніи ея изъ Сибири, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Предназначенныя исключительно для семьи, онѣ написаны на французскомъ языкѣ, — языкѣ, на которомъ она постоянно говорила со своими дѣтьми въ ихъ дѣтствѣ и отрочествѣ. Французскій текстъ издается безъ всякихъ въ немъ измѣненій. Для читателей, мало знакомыхъ съ этимъ языкомъ, мы прилагаемъ русскій переводъ, возможно близкій къ подлиннику, сдѣланный внукою автора, княжною Маріею Михайловною Волконскою. Всѣ подстрочныя примѣчанія, равно и приложенія, принадлежатъ издателю. Приложенія касаются лицъ, о которыхъ говорится въ «Запискахъ» наиболѣе подробно.

Русская печать, принявъ съ большимъ сочувствіемъ изданіе «Записокъ С. Г. Волконскаго», высказывала сожалѣніе о томъ, что наше послѣсловіе къ нимъ было слишкомъ кратко. Считаемъ нужнымъ отвѣтить на этотъ упрекъ, скорѣе лестный для издателя, что эта краткость была намѣренная. Цѣлью послѣсловія было лишь связать объективнымъ повѣствованіемъ тѣ безспорные, большею частью, офиціальные документы, которые были нами почерпнуты въ архивахъ: III Отдѣленія Собственной

et devenir conteur de nos propres souvenirs? Les «Mémoires de la princesse M. Wolkonsky» forment une suite naturelle aux mémoires de son mari qu'elles complètent directement. Ceux-ci s'arrêtent à son arrestation en 1825, ceux-là comprennent la période de leur existence commune principalement pendant l'exil et jusqu'à leur retour après un séjour de trente et un ans en Sibérie.

Devant le désir de l'auteur que ces «Mémoires» ne sortent pas du cercle de la famille, mon hésitation à les publier sera facilement comprise: d'un côté, le souci de me conformer à une volonté sacrée pour moi, d'un autre, le désir de ne pas laisser dans l'ombre un récit qui, d'après moi, a du prix non seulement pour la famille, mais pour la société, voire même pour l'histoire de l'époque. Il fut un temps, où l'on ne parlait des choses et des hommes de cette époque qu'à mi-voix, chaque ligne les concernant ou appartenant à l'un d'eux était comme un secret jalousement gardé et frappé d'interdiction. C'est bien cela que la princesse Wolkonsky avait en vue lorsqu'elle formulait son désir. Mais loin est ce temps, à l'heure qu'il est ce passé est discuté en toute liberté. De son vivant, ma mère ne m'avait pas lu ses «Mémoires», mais souvent elle me disait que cela la troublait d'avoir parlé trop franchement des mesures prises par son père et son frère afin de l'empêcher de suivre son mari en Sibérie. Elle avait adoré son père et aimé son frère jusqu'à la fin de ses jours: son trouble est tout naturel. Mais tout aussi naturel, d'un autre côté, est le sentiment qui faisait agir sa famille. La séparation se présentait comme devant durer toute la vie,

Е. И. В. Канцеляріи, Нерчинскаго и Петровскаго заводовъ и въ Иркутскомъ. Удлинить повѣствованіе значило бы выйти изъ рамокъ задачи и сдѣлаться авторомъ собственныхъ воспоминаній. «Записки» княгини М. Н. Волконской являются прямымъ пополненіемъ «Записокъ» ея мужа. Послѣднія останавливаются на его арестѣ въ 1825 году, эти же обнимаютъ періодъ ихъ общей жизни, преимущественно, во время ссылки и до возвращенія ихъ чрезъ тридцать одинъ годъ пребыванія въ Сибири.

Въ виду желанія автора, чтобы «Записки» не выходили за предѣлы семьи, будетъ понятно каждому чувство колебанія, мучившее меня въ этомъ случаѣ при желаніи, съ одной стороны, остаться вѣрнымъ дорогой для меня волѣ, а съ другой, не оставить подъ спудомъ разсказъ, имѣющій, по моему мнѣнію, цѣну не для одной семьи, а для общества и, быть-можетъ, для исторіи того времени. Было время, когда о событіяхъ и людяхъ этой эпохи говорилось въ полъ-голоса, когда каждая строка о нихъ, или имъ самимъ принадлежащая, считалась тайною и была воспрещаема. Конечно, княгиня Волконская имѣла это въ виду, выражая свое желаніе. Но далеко то время; теперь говорятъ и пишутъ объ этомъ прошломъ свободно. При жизни, мать не читала мнѣ своихъ «Записокъ», но неразъ говорила, что смущаетъ ее то, что она откровенно разсказываетъ о мѣрахъ, предпринимавшихся ея отцомъ и братомъ съ цѣлью помѣшать ей слѣдовать за мужемъ въ Сибирь. Она боготворила отца и любила брата до конца своей жизни: понятно ея смущеніе. Но, понятно,

et l'avenir n'offrait que de l'inconnu: que représentaient ces usines vers lesquelles elle partait? Quelle sorte d'existence l'y attendait? Quel refuge y trouverait-t-elle, et où? Quel traitement de la part des autorités locales? La Sibérie d'alors n'était pas celle d'aujourd'hui; les communications étaient difficiles, la poste, en Transbaïkalie, arrivait une fois par mois et mettait environ huit semaines de Pétersbourg; des récits pleins d'horreur circulaient sur les usines et les lieux de déportation de Nertchinsk. Dans de pareilles conditions l'exil aux yeux de la famille paraissait une mort lente. Mais ceux que concerne cette partie des «Mémoires», la plus pénible pour l'auteur, ont disparu depuis longtemps, disparue la seconde génération, même la troisième... Une autre raison du désir exprimé par ma mère c'est sa modestie, qui se faisait jour en toute chose, l'aversion qu'elle éprouvait à ce qu'on parlât d'elle et s'occupât de sa personne. Je me rappelle les paroles, maintes fois entendues dans mon enfance, par lesquelles elle répondait à l'étonnement qu'on lui exprimait de ce qu'elle avait pu volontairement se priver de tout ce qu'elle avait, tout laisser et suivre son mari: «Quoi d'étonnant?» disait-elle—«cinq mille femmes chaque année font la même chose». Son sentiment de modestie lui appartient, mais il m'appartient à moi, je pense, après que près d'un demi-siècle s'est écoulé depuis,—il m'appartient le droit d'aborder la question par un autre côté sans blesser une mémoire qui m'est chère. D'aucuns me blâmeront, il s'en trouvera d'autres qui, je l'espère, justifieront ma manière d'agir.

Elevée dans l'atmosphère éclairée de la maison du général Nicolas Raïévsky, son père, la princesse Marie Nicolaïevna demeura toute sa vie fidèle aux principes de religion et de morale qu'elle y avait puisés. Elle porta en Sibérie l'in-

съ другой стороны, и чувство, руководившее ея семьею. Разлука съ нею предстояла на всю жизнь, и впереди было одно неизвѣстное: что представляли изъ себя рудники, въ которые она ѣхала? какая готовилась ей тамъ жизнь? гдѣ и какой пріютъ ожидалъ ее, какое обхожденіе съ нею мѣстныхъ властей? Сама Сибирь того времени не была теперешнею: сообщенія были затруднительны, почта получалась въ Забайкальѣ разъ въ мѣсяцъ и шла отъ Петербурга около восьми недѣль; о Нерчинскихъ заводахъ и поселеніяхъ разсказывались ужасы. Въ такихъ обстоятельствахъ эта ссылка представлялась семьѣ медленною смертью. Но всѣхъ тѣхъ, кого касается эта часть воспоминаній, наиболѣе тяжелая для автора, давно нѣтъ на свѣтѣ, нѣтъ уже второго, нѣтъ и третьяго поколѣнія.... Другая причина высказанному моей матерью желанію, — это ея собственная скромность, всегда и во всемъ проявлявшаяся, нежеланіе, чтобы ею занимались и о ней говорили. Припоминаю слова, неразъ слышанныя мною въ дѣтствѣ, въ отвѣтъ на высказываемое ей удивленіе по поводу того, что она могла добровольно лишить себя всего, что имѣла, и все покинуть, чтобы слѣдовать за своимъ мужемъ: «Что же тутъ удивительнаго?» говорила она, «пять тысячъ женщинъ каждый годъ дѣлаютъ добровольно то же самое». Чувство скромности составляетъ ея собственность, но мнѣ, полагаю, принадлежитъ право послѣ того, что прошло съ тѣхъ поръ около полувѣка, отнестись къ вопросу иначе, не оскорбляя тѣмъ священной для меня памяти. Найдутся люди, которые обвинятъ меня, но найдутся, надѣюсь, и такіе, которые оправдаютъ мое рѣшеніе.

Воспитанная въ строго-нравственной и просвѣщенной семьѣ Н. Н. Раевскаго, княгиня Марія Николаевна

struction reçue dans sa famille. Possédant le français et l'anglais comme sa propre langue, elle passait ses heures de solitude à lire, et le cercle de ses connaissances dépassait le niveau ordinaire. L'histoire et la littérature l'attiraient particulièrement; jamais je ne lui ai vu un livre frivole entre les mains. Douée d'une voix remarquable, qu'elle avait eu le temps de bien développer en Russie, ayant étudié la musique à fond, elle put, ainsi qu'elle le raconte elle-même, exercer son talent d'abord pour elle toute seule, plus tard en famille. Tout cela qui lui venait de Dieu et de la maison paternelle lui aida dans les premiers temps à supporter la solitude, ensuite—«les privations et les souffrances» auxquelles, d'après ses propres paroles, les exilés s'étaient «si bien habitués, qu'ils avaient trouvé moyen d'être gais et même heureux en exil».

Ferme et persévérante dans ses résolutions, elle était en même temps d'un caractère doux et facile à vivre, toujours gaie, ne perdant jamais courage. L'amour du prochain dont débordait son cœur se répandait sur tout ce qui l'entourait, les exilés, les familles indigentes des paysans, surtout les enfants. Mais le centre de cet amour c'était ses propres enfants: en eux se résumaient ses rêves, ses désirs, ses craintes, ses aspirations. Et de fait, tout, à commencer par les modiques moyens assurant leur existence et jusqu'aux modestes connaissances avec lesquelles ils quittèrent la Sibérie, ses enfants le doivent à elle. Elle ne les perdait jamais de vue, dirigeait leurs leçons, suivait de loin les voyages de son fils, qu'elle sauva plus d'une fois par ses soins en temps de maladie et ne détourna jamais des dangers inévitables mais nécessaires dans l'existence d'un homme.

A son retour de Sibérie en 1855, la princesse s'établit à Moscou, où l'année suivante elle fut rejointe par son mari

всю жизнь осталась вѣрной началамъ вѣры и добродѣтели, въ ней почерпнутымъ. Она перенесла съ собой въ Сибирь полученное ею въ семьѣ образованіе. Зная французскій и англійскій языки, какъ свой родной, она проводила время уединенія за чтеніемъ, и кругъ ея знаній выходилъ за предѣлы обычнаго уровня. Историческія науки и литература ее всего болѣе привлекали; ни разу не видалъ я въ ея рукахъ, что называется, пустой книги. Одаренная замѣчательнымъ голосомъ, который она успѣла обработать еще въ Россіи, и изучившая прекрасно музыку, она имѣла возможность, какъ и сама разсказываетъ, примѣнять свой талантъ сначала въ одиночествѣ, а потомъ въ своемъ семейномъ кругу. Все это, Богомъ и отцовскимъ кровомъ ей данное, помогло ей переносить на первыхъ порахъ одиночество, а впослѣдствіи «лишенія и страданія, съ которыми», по ея словамъ, сосланные «свыклись настолько, что сумѣли быть и веселы, и даже счастливы».

Твердая и настойчивая въ своихъ главныхъ рѣшеніяхъ, она, въ то же время, была характера мягкаго и уживчиваго, всегда веселая и никогда не падавшая духомъ. Ея любвеобиліе широко разливалось на всѣхъ окружающихъ, особенно на ссыльныхъ, на крестьянскія нуждающіяся семьи и на дѣтей. Но центромъ этой любви были ея собственныя дѣти: къ нимъ сводились всѣ ея мечты, ея желанія, опасенія, стремленія. И дѣйствительно, всѣмъ, что они получили, начиная съ матеріальнаго обезпеченія и до тѣхъ, хотя и ограниченныхъ, знаній, съ которыми они вышли изъ Сибири, они обязаны ей. Она слѣдила за каждымъ ихъ шагомъ, за ихъ ученіемъ, за путешествіями сына, никогда не отклоняя его отъ опасностей, неизбѣжныхъ и въ то же время необходимыхъ

qui venait d'être gracié. A Moscou elle vécut entourée de considération par la société d'alors; mais, à partir de l'année 1857, de fréquentes maladies, ainsi que l'état de santé de son mari, les obligeant tous deux à l'emploi des eaux minérales, chaque année ils faisaient un voyage à l'étranger. Les hivers de 1859 et 1860 furent passés en famille, partie à Rome, partie à Paris. Retour de l'étranger, elle n'alla plus à Moscou, elle s'installa définitivement dans une campagne de la Petite Russie, Voronky, bien de son beau-fils N. Kotchoubey. En attendant sa santé s'ébranlait de plus en plus, ses forces déclinaient. Au milieu de l'été 1863, je fus subitement appelé de l'Esthonie, où je laissai mon père cloué au lit par la maladie. Les forces de ma mère, minées par tant d'épreuves, cédèrent devant un nouveau mal — maladie du foie; consumée par une fièvre constante, au bout de six semaines elle passa à meilleure vie d'une mort chrétienne dans les bras de son fils et de sa fille le 10 août 1863, à l'âge de 56 ans.

Elle repose à côté de son mari au village de Voronky sous l'église érigée sur leurs tombes. Sur la porte du caveau on lit: «Salut! Consolatrice Infatigable de ceux qui gémissent dans les fers et les cachots». (Acathiste à l'Intercession de la S-te Vierge, Ikos 10) [1]).

Je crois devoir dire quelques mots sur la façon dont la presse a parlé des épouses, exilées volontaires. Je m'arrêterai avant tout

[1]) Le mot «Acathiste» (Ἀκάθιστος) signifie: prière dont le chant et la lecture doivent être faits et écoutés debout; le mot «Ikos»: maison ou recueil de cantiques. La composition de l'Acathiste à la Sainte-Vierge remonte à l'année 626. (Père Serge Weriguine. Pau, 1902).

въ жизни человѣка, и неразъ спасла ему жизнь, ухаживая за нимъ во время болѣзней.

По возвращеніи изъ Сибири въ 1855 году — время, на которомъ останавливаются «Записки», — княгиня Марія Николаевна поселилась въ Москвѣ, куда въ слѣдующемъ году прибылъ и возвращенный изъ ссылки ея мужъ. Въ Москвѣ она пользовалась вниманіемъ и уваженіемъ тогдашняго общества, но съ 1857 года болѣзни ея и мужа заставляли ихъ уѣзжать ежегодно на минеральныя воды за границу. Зимы 1859 и 1860 гг. были проведены ею частью въ Римѣ, частью въ Парижѣ, вмѣстѣ съ семьею. Изъ-за границы она уже не возвращалась въ Москву, а проѣхала прямо въ малороссійскую деревню Воронки, имѣніе своего зятя, Н. А. Кочубея. Между тѣмъ, здоровье ея все болѣе и болѣе расшатывалось, силы уходили. Лѣтомъ 1863 года я былъ внезапно вызванъ къ ней изъ Эстляндіи, гдѣ отецъ лежалъ, прикованный болѣзнью къ своей кровати. Подточенныя долгими испытаніями, ея силы не выдержали новыхъ страданій — болѣзни печени, и, изнуряемая постоянною лихорадкою, она черезъ шесть недѣль скончалась христіанскою смертью на рукахъ сына и дочери, 10 августа 1863 года, 56 лѣтъ отъ роду.

Она погребена рядомъ съ мужемъ, въ селеніи Воронкахъ Черниговской губерніи, подъ зданіемъ церкви, возведенной надъ ихъ прахомъ. Надъ сводомъ склепа вырѣзанъ текстъ: «Радуйся, неусыпающая попечительнице во узахъ и темницѣ сѣдящихъ». (Акаѳистъ Покрову, Икосъ 10).

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи печати къ добровольнымъ изгнанникамъ и,

au poème de Nékrassoff «Femmes Russes», vu sa très grande affinité avec les «Mémoires» de la princesse Wolkonsky.

Je connaissais Nékrassoff depuis de longues années. Ce qui nous rapprocha c'était mon goût pour la poésie et de fréquentes chasses d'hiver pendant lesquelles nous causions longuement. Dans nos entretiens toutefois j'évitais de toucher à la question des exilés de Sibérie, craignant les indiscrétions et jugeant toute publication prématurée. Un jour m'ayant rencontré au théâtre, Nékrassoff me dit qu'il venait d'écrire un poème sur la princesse E. Troubetskoy, me pria de le lire et de lui faire part de mes remarques. Je lui répondis que j'étais en rapport d'étroite amitié avec les membres de la famille Troubetskoy et que, si plus tard, il se trouvait dans le poème des passages désagréables à la famille, les Troubetskoy, sachant que cette œuvre m'avait été préalablement communiquée, pourraient avec raison m'en vouloir; que par conséquent j'étais tout disposé à lui faire part de mes observations, mais dans le seul cas où elles seraient acceptées par l'auteur. J'eus son consentement et le lendemain je fus en possession des épreuves du poème. Je le lus de suite et le portai à l'auteur avec mes annotations; elles avaient trait surtout au caractère des personnages. Dans certains endroits, en soignant la beauté de l'expression et du vers le poète altéra le caractère de cette noble femme, humble et douce, et je le signalai à son attention. Il accepta un grand nombre de mes observations, mais en rejeta d'autres; ainsi il ne voulut jamais sacrifier un quatrain dans lequel la princesse profère des invectives contre la haute société de Pétersbourg à laquelle appartenaient ses parents et ses plus proches amis et vers laquelle, en réalité, du fond de son loin-

прежде всего, остановиться на поэмѣ Некрасова: «Русскія женщины», въ виду чрезвычайной близости ея къ «Запискамъ» княгини Волконской.

Съ Некрасовымъ я былъ знакомъ долгіе годы. Насъ сблизила любовь моя къ поэзіи и частыя зимнія охоты, во время которыхъ мы много бесѣдовали, причемъ я, онъ также, обходилъ разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не желая, чтобъ они проскользнули несвоевременно въ печать. Однажды, встрѣтивъ меня въ театрѣ, Некрасовъ сказалъ мнѣ, что написалъ поэму: «Княгиня Е. И. Трубецкая», и просилъ меня ее прочесть и сдѣлать свои замѣчанія. Я ему отвѣтилъ, что нахожусь въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею Трубецкихъ и что, если впослѣдствіи найдутся въ поэмѣ мѣста, для семьи непріятныя, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мнѣ, Трубецкіе могутъ меня, весьма основательно, подвергнуть укору; поэтому я готовъ сообщить свои замѣчанія въ томъ лишь случаѣ, если авторъ ихъ приметъ. Получивъ на это утвердительный отвѣтъ Николая Алексѣевича, а на другой день и самую поэму въ корректурномъ еще видѣ, я тотчасъ ее прочелъ и свезъ автору съ своими замѣтками, касавшимися, преимущественно, характеровъ описываемыхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для красоты мысли и стиха, онъ измѣнилъ характеръ этой высокодобродѣтельной и кроткой сердцемъ женщины, на что я и обратилъ его вниманіе. Многія замѣчанія онъ принялъ, но отъ нѣкоторыхъ отказался и, между прочимъ, отказался выпустить четырехстишіе, въ которомъ княгиня бросаетъ кускомъ грязи въ только-что покинутое ею высшее петербургское общество, къ которому принадлежали ея родные и близкіе друзья, и къ которому она, въ дѣйствительности, стре-

tain exil et jusqu'à la fin de ses jours tendaient son cœur et son âme.

Le poème eut un succès retentissant, et Nékrassoff en conçut un autre. Un jour il arriva chez moi, m'annonça qu'il était en train d'écrire sur ma mère et me pria de lui donner ses «Mémoires» l'existence desquels lui était connue; je lui refusai net, n'ayant jusque-là montré ces «Mémoires» à personne, pas même aux plus proches. «Alors», dit-il, «faites-m'en lecture». Je refusai encore. Il parla longuement pour me persuader, me dit qu'il était moins bien documenté sur la princesse Wolkonsky que sur la princesse Troubetskoy, que son image risquait d'être altérée, ainsi que les faits mêmes, qu'après tout je serais le premier à en souffrir tandis que la réfutation me serait difficile. Il me promettait en même temps de tenir compte de toutes mes observations et de ne pas mettre sous presse avant que je n'eusse approuvé tous les détails du poème. Je lui demandai quelques jours de réflexion, je relus encore une fois le manuscrit de ma mère et enfin je consentis, bien que l'idée me fut excessivement désagréable de l'apparition de ce poème d'un caractère si intime et basé sur un récit qu'à cette époque j'étais bien loin de vouloir livrer à la publicité.

Nékrassoff ne savait pas le français, du moins pas assez pour suivre une lecture, et je dus traduire tout en lisant; lui, prenait de temps en temps des notes au crayon dans un cahier qu'il avait apporté. En trois séances la lecture fut achevée. Je me rappelle comme à plusieurs reprises, durant la même soirée, il bondissait en s'écriant: «Assez, je n'en peux plus», courait vers la cheminée, s'asseyait devant le feu et, prenant la tête dans ses mains, se mettait à sangloter

милась душою изъ далекой ссылки до конца своихъ дней....

Поэма имѣла громадный успѣхъ, и Некрасовъ задумалъ другую. Разъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что пишетъ о моей матери, и просилъ меня дать ему ея «Записки», о существованіи которыхъ ему было извѣстно; отъ этого я отказался наотрѣзъ, такъ какъ не сообщалъ до тѣхъ поръ этихъ «Записокъ» никому, даже людямъ, мнѣ наиболѣе близкимъ. «Ну, такъ прочтите мнѣ ихъ», сказалъ онъ мнѣ. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталъ меня убѣждать, говоря, что данныхъ о княгинѣ Волконской у него гораздо меньше, чѣмъ было о княгинѣ Трубецкой, что образъ ея выйдетъ искаженнымъ, невѣрными явятся и факты, и что мнѣ первому это будетъ непріятно и тяжело, а опроверженіе будетъ для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мнѣ слово принять всѣ мои замѣчанія и не выпускать поэмы безъ моего согласія на всѣ ея подробности. Я просилъ дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе, еще разъ перечелъ «Записки» моей матери и, въ концѣ концовъ, согласился, несмотря на то, что мнѣ была крайне непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго характера и основанной на разсказѣ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати.

Некрасовъ по-французски не зналъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи, и я долженъ былъ читать, переводя по-русски, при чемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашемъ въ принесенной имъ тетради. Въ три вечера чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ и съ словами: «Довольно, не могу», бѣжалъ къ камину, садился къ нему и,

comme un enfant. C'est là que je vis combien notre poète vivait de nerfs, et quelle place ceux-ci devaient tenir dans sa production.

Quand le poème fut fini, il accepta mes remarques, me demanda seulement la permission de maintenir la scène de la première entrevue entre la princesse et son mari: il la place dans le puits de mine, tandis que d'après les «Mémoires» elle eut lieu à la prison. «Qu'est-ce que cela vous fait? n'est-il pas indifférent avec qui la princesse s'y est rencontrée — son mari ou son oncle Davidoff; tous deux travaillaient sous terre, et cette rencontre m'a réussie si belle?» Je cédai, mais en quittant Pétersbourg je le priai de m'envoyer encore les dernières épreuves. Le poète ne le fit pas, et je reçus, accompagné d'une lettre pleine d'excuses, le poème tout imprimé. («Otétchestvenniya Zapiski» — Journal de la Patrie, janvier 1873). C'est ce qui explique comment quelques expressions ne répondant pas au caractère de l'héroïne ont pu se glisser dans le poème.

J'ai cru devoir m'étendre sur ce point pour expliquer la similitude entre le poème de Nékrassoff et les «Mémoires».

Je ne puis laisser ici sans réplique la critique que fait du poème de Nékrassoff le Vte Melchior de Vogüé. Dans son livre «Regards historiques et littéraires» (3e éd., pp. 282 et 283) il dit sur le poème «Femmes Russes» ce qui suit:

«Le sujet est celui qu'a traité Alfred de Vigny dans un «de ses poèmes posthumes, *Vanda;* c'est la glorification des «exilées volontaires qui suivirent leurs maris déportés en «Sibérie, après la tentative révolutionnaire de 1825. Mais, «quand Nékrassoff peint avec amour les deux martyres, quand

схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ. Тутъ я видѣлъ, насколько нашъ поэтъ жилъ нервами, и какое мѣсто они должны были занимать въ его творчествѣ.

Когда поэма была кончена, онъ принялъ мои замѣчанія и просилъ лишь оставить ему сцену встрѣчи княгини Волконской съ мужемъ не въ тюрьмѣ, какъ изложено въ «Запискахъ», а въ шахтѣ: «Не все ли вамъ равно, съ кѣмъ встрѣтилась тамъ княгиня: съ мужемъ ли или съ дядею Давыдовымъ; они оба работали подъ землею, а эта встрѣча у меня такъ красиво выходитъ». Я уступилъ, но, уѣзжая изъ Петербурга, просилъ выслать мнѣ, для просмотра, еще послѣднюю корректуру. Поэтъ этого не исполнилъ, и я получилъ отъ него при письмѣ, полномъ извиненій, поэму, уже выпущенную («Отечественныя Записки», Генварь 1873 года). Этимъ объясняется то, что въ поэмѣ проскользнуло нѣсколько выраженій, не отвѣчающихъ характеру воспѣтой имъ женщины.

Я нашелъ необходимымъ изложить подробно предшествующее, чтобы выяснить, почему поэма Некрасова оказывается такою близкою къ подлиннымъ «Запискамъ».

Не могу оставить здѣсь безъ возраженія критики на эту поэму Некрасова виконта Мельхіора де-Вогюэ. Въ своей книгѣ «Взгляды историческіе и литературные» («Regards historiques et littéraires, 3-me édition, pp. 282 et 283») онъ говоритъ о поэмѣ «Русскія женщины» слѣдующее: «Сюжетъ поэмы тотъ же, на который написалъ Альфредъ де-Виньи одну изъ своихъ посмертныхъ «поэмъ «Ванда»: прославленіе добровольныхъ изгнанницъ, «которыя послѣдовали за мужьями, сосланными въ Сибирь «послѣ революціонной попытки 1825 года. Но когда Некрасовъ съ любовью описываетъ двухъ мученицъ, когда

«il leur prodigue les traits les plus touchants, son dessein est «trop visible; il ne nous attendrit sur elles que pour mieux «servir ses haines politiques; toute la poésie qu'il leur prête «fait balle contre l'Empereur Nicolas. Aiguillonné par ce sti-«mulant, l'écrivain déploie toutes les ressources de son art; «on lira avec admiration ces histoires émouvantes, la seconde «surtout, le douloureux voyage de la princesse Wolkonsky, «sa descente dans la mine, sa rencontre avec son mari, autant «de tableaux qu'on ne peut oublier. Et le lecteur m'en voudra, «si je l'avertis que ces belles fictions n'ont rien de commun «avec la froide vérité. Celle-ci, telle que je la tiens des sur-«vivants de cette époque, laisse peu de matière au mélodrame. «*Liprandi, le délégué du tsar auprès des proscrits de Décembre,* «*avait ordre de ne rien épargner pour adoucir leur peine. Leurs* «*femmes ne purent les rejoindre dans la mine, par cette bonne* «*raison qu'ils n'y descendirent jamais. Ces dames retrouvèrent* «*sur les bords de la Léna le luxe de vie élégante et les agré-*«*ments de société auxquels elles étaient habituées.* Les ban-«nis revinrent de cette épreuve sans mauvais souvenirs; on «rencontrait naguère quelques-uns d'entre eux, parve-«nus à un grand âge, *et les récits qu'ils faisaient de* «*leur exil ne s'accordaient guère avec les épisodes imaginés par* «*Nékrassoff*».

L'opinion du Vte de Vogüé sur les poésies de Nékrassoff ne nous regarde pas, seuls les faits qu'il cite nous regardent. Nous ignorons qui sont les «survivants de cette époque» dont il tient tout ce qui vient d'être cité, mais il est certain que le court passage souligné contient en huit lignes cinq altérations de noms et de faits.

Avant tout il n'y a pas d'invention dans Nékrassoff, et cela se confirme par les «Mémoires» mêmes de

«онъ имъ придаетъ черты, самыя трогательныя, его цѣль «слишкомъ явная: онъ насъ трогаетъ по отношенію къ «нимъ для того только, чтобы лучше служить своей «политической ненависти; вся поэзія, которою онъ ихъ «окружаетъ, обращается въ оружіе противъ Императора «Николая; возбуждаемый этимъ чувствомъ, писатель упо- «требляетъ всѣ пріемы своего искусства; съ восторгомъ «будутъ читаться эти трогательныя повѣствованія, второе— «въ особенности: тяжкое путешествіе княгини Волкон- «ской, ея спускъ въ подземныя шахты, ея встрѣча съ «мужемъ — все это незабываемыя картины. Но читатель «будетъ мною недоволенъ, если я его предварю, что эти «красивыя видѣнія не имѣютъ ничего общаго съ холодной «дѣйствительностью. Эта послѣдняя, въ томъ видѣ, въ «какомъ она мнѣ передана лицами, пережившими эту «эпоху, далека отъ мелодрамы. *Липранди, приставленный «Царемъ къ декабрьскимъ сосланнымъ, получилъ приказаніе ни- «чего не жалѣть для смягченія ихъ участи. Ихъ жены не «могли сойтись съ ними въ подземной шахтѣ по той про- «стой причинѣ, что они сами никогда туда не спускались. «Эти дамы нашли вновь на берегахъ Лены роскошь элегантной «жизни и свѣтскихъ удовольствій, къ которымъ онѣ были «пріучены.* Сосланные вернулись изъ этого испытанія безъ «дурныхъ воспоминаній; нѣкоторые изъ нихъ дожили «до глубокой старости, и, кому случалось встрѣтиться «съ ними, слышали *разсказы ихъ объ изгнаніи, которые «вовсе не согласовались съ миѳами, измышленными Некра- «совымъ».*

Насъ не касаются воззрѣнія виконта де-Вогюэ на поэзію Некрасова, а касаются лишь приводимые имъ факты. Мы не знаемъ, отъ какихъ именно лицъ, «пере- жившихъ эту эпоху», онъ могъ почерпнуть все выше-

la princesse Wolkonsky. Cela se confirme de plus par de nombreux mémoires de dékabristes [1]) (Rosen, Troubetskoy, Yakouchkine, Bassarguine, Obolensky, Gorbatchewsky et d'autres).

Il n'y a jamais eu aucun Liprandi en Sibérie; la directrice d'une pension de demoiselles à Irkoutsk, trente ans plus tard, répondait à ce nom. Quant au général Liprandi, il se fit connaître surtout sous les murs de Sébastopol, où il commanda un corps d'armée; il n'eut rien de commun avec la Sibérie.

Huit parmi les déportés, le prince S. Wolkonsky, le prince S. Troubetskoy, B. Davidoff, A. Mouravieff, A. Yakoubovitch et les frères A. et P. Borissoff travaillaient dans les usines de Blagodatsk sous terre pendant environ 11 mois [2]), après quoi leurs travaux, de même que ceux de leurs camarades, continuèrent à Tchita et aux usines de Pétrovsk sous d'autres formes (car dans ces endroits il n'y avait pas de puits de mines) pendant une durée, variant de 6 à 10 ans.

Il n'y a eu aucune femme de dékabriste *«sur les bords de la Léna»;* y furent déportés pour un laps de temps très court quelques-uns des dékabristes [3]), sans leurs femmes, ou

---

[1]) Nous préférons cette transcription du mot russe (Dékabr = Décembre) à la forme francisée de «décembristes» — appellation que nous avons quelquefois entendu appliquer aux auteurs du coup d'état du 2 Décembre, généralement appelés «décembreurs» (ironiquement «décembraillards»).

[2]) Du 25 Octobre 1826 au 13 Septembre 1827. Voir Appendice XIII.

[3]) Savoir: à Yakoutsk, Z. Tchernicheff (sans sa femme) et notre écrivain A. Béstougeff, connu sous le nom de Marlinsky, qui, après un très court séjour, furent transférés tous les deux comme soldats au Caucase, où Béstougeff trouva la mort dans un combat avec les montagnards; à Olekminsk — N. Tchigeff et A. Andréeff, et à Kirensk — A. Védéniapine et Galitzine.

приведенное, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ четырехъ, подчеркнутыхъ нами, краткихъ періодахъ, заключается пять извращеній именъ и событій.

Прежде всего, вымысла въ поэмѣ Некрасова нѣтъ, что доказывается самыми «Записками» княгини Волконской. Доказывается и многочисленными Записками декабристовъ (Розена, Трубецкого, Якушкина, Басаргина, Оболенскаго, Горбачевскаго и другихъ).

Никакого Липранди въ Сибири не было, а была этого имени лишь начальница Иркутскаго женскаго института, Екатерина Петровна Липранди, лѣтъ черезъ тридцать послѣ описываемыхъ событій. Генералъ же Липранди извѣстенъ, въ особенности, какъ одинъ изъ защитниковъ Севастополя, подъ стѣнами котораго онъ командовалъ корпусомъ, и ничего общаго съ Сибирью не имѣетъ.

Восьмеро изъ сосланныхъ — князь С. Г. Волконскій, князь С. П. Трубецкой, В. Л. Давыдовъ, А. З. Муравьевъ, А. И. Якубовичъ и братья А. И. и П. И. Борисовы работали въ Благодатскомъ рудникѣ подъ землею около одиннадцати мѣсяцевъ [1]), а затѣмъ ихъ работы, а равно и всѣхъ ихъ товарищей, продолжались въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ въ другомъ видѣ (такъ какъ рудниковъ тамъ не было) въ теченіе различныхъ сроковъ, отъ 6 до 10 лѣтъ.

На берегахъ Лены женъ декабристовъ не было ни одной. Тамъ были поселены на весьма короткій срокъ лишь нѣсколько декабристовъ [2]), или холостыхъ, или

---

[1]) Съ 25 октября 1826 г. по 13 сентября 1827 г. (См. Приложен. XIII).

[2]) А именно: въ Якутскѣ, З. Г. Чернышевъ (безъ своей жены) и нашъ извѣстный писатель А. А. Бестужевъ (Марлинскій); оба, черезъ короткій срокъ, были переведены рядовыми на Кавказъ, гдѣ Бестужевъ былъ убитъ въ дѣлѣ съ горцами; въ Олёкминскѣ — Н. Чижовъ и А. Андреевъ; въ Киренскѣ — А. Веденяпинъ и Голицынъ.

célibataires; le gouvernement lui-même évitait d'exiler les gens sur les bords sauvages et dépeuplés de la Léna.

Arrivées dans les lieux de déportation, les femmes des dékabristes au début vivaient dans des cabanes de paysans, puis dans de petites maisons leur appartenant, dans des villages d'abord, plus tard dans diverses villes de la Sibérie, mais toujours dans la plus grande gêne. La liberté est laissée à chacun de juger comment, en de pareilles conditions, elles pouvaient *«jouir du luxe de vie élégante et des agréments de société auxquels elles étaient habituées»*.

Si, comme le fait remarquer Mr de Vogüé, les dékabristes revenus d'exil parlaient de leur passé dans des termes qui prouvaient qu'ils lui gardaient un bon souvenir, cela s'explique par cette disposition d'âme, si justement comprise par un écrivain russe (J. Aksakoff), lorsque parlant d'eux il disait: *«Pleins d'une foi inébranlable en l'avenir de la Russie, pleins «d'amour pour leur pays, d'une sublime simplicité d'âme, ils «frappaient par l'absence de toute irritation, de tout désir «de se glorifier, de se parer de leur passé; au contraire, «éprouvés par la douleur et par la douleur amenés à Dieu, «se jugeant soi-mêmes et leur passé avec impartialité et sévérité, «ils répandaient autour d'eux une bienfaisante atmosphère d'amour chrétien»...* [1]).

Ne voulant pas entrer dans d'autres détails, nous ne pouvons cependant nous empêcher d'exprimer notre étonnement de voir un écrivain de l'importance de Mr de Vogüé, membre de l'Académie Française, traiter avec une pareille légèreté et autant d'inexactitude des événements passés dans

[1]) «Diène» («Le Jour»), 1865, № 51.

безъ своихъ женъ, и само правительство избѣгало ссылать людей въ пустынныя при-Ленскія трущобы.

Выпедши на поселеніе, жены декабристовъ жили сначала въ крестьянскихъ избахъ, потомъ въ небольшихъ собственныхъ домахъ, сначала въ деревняхъ, потомъ въ городахъ Сибири, при весьма скудныхъ матеріальныхъ средствахъ. Судить о томъ, какъ при такихъ условіяхъ онѣ могли пользоваться «роскошью элегантной жизни и свѣтскихъ удовольствій, къ которымъ онѣ были пріучены», предоставляется каждому.

Если же, вернувшись изъ ссылки, декабристы, какъ указываетъ виконтъ де-Вогюэ, говорили о своемъ прошломъ, поминая его добромъ, то это объясняется тѣмъ душевнымъ ихъ состояніемъ, которое такъ вѣрно было понято русскимъ писателемъ (И. С. Аксаковымъ), сказавшимъ о нихъ: «Полные незыблемой вѣры въ Россію «и любви къ ней и высокой внутренней простоты.... они «поражали отсутствіемъ всякаго раздраженія, всякаго же«ланія порисоваться и покрасоваться своимъ прошлымъ; «напротивъ, искушенные горемъ и чрезъ горе приведенные «къ Богу, судя безпристрастно и строго самихъ себя и «свое прошлое, они разливали вокругъ себя теплый свѣтъ «христіанской любви....» [1]).

Не входя въ дальнѣйшія разъясненія, мы не можемъ не удивиться, какъ о событіяхъ, сдѣлавшихся достояніемъ исторіи того времени, можетъ такой крупный писатель, какъ виконтъ де-Вогюэ, членъ французской Академіи, говорить такъ легко и невѣрно, разсчитывая на незнаніе иноземныхъ читателей, далекихъ отъ времени и страны, которыхъ онъ касается. Русскіе люди знаютъ истину, но

---

[1]) «День», 1865 г., № 51.

le domaine de l'histoire. S'il comptait sur l'ignorance du lecteur étranger éloigné de l'époque et du pays dont il parle, les russes savent la vérité. Nous avons jugé opportun toutefois de joindre aux «Mémoires de S. G. Wolkonsky» les documents officiels que nous avions trouvés dans les archives mis à notre disposition, surtout ceux de la IIIe Section de la Chancellerie de Sa Majesté qui jusque-là étaient demeurés inconnus [1]).

Une vaste littérature s'est formée autour de cette époque, et partout, dans les mémoires des dékabristes, mentionnés plus haut, dans les nombreux articles de revues, dans les mémoires de N. Bélogolovy et dans d'autres écrits nous trouvons les appréciations les plus enthousiastes sur ces femmes qui de leur propre gré suivirent leurs maris dans le bagne. Il est donc superflu de nous y attarder. Disons seulement que dans son sympathique ouvrage N. Bélogolovy s'est trop fié à sa mémoire et à ses impressions d'enfant de 11 ans, par suite de quoi les images de Serge Grigoriévitch et de la princesse Marie Nicolaïevna ne sont pas exactement rendues.

Reproduisons quelques mots sur les femmes des dékabristes tirés des «Mémoires» de A. Rosen [2]): «Pendant «la période de travaux forcés» — raconte-t-il — «plusieurs «de nos camarades furent complètement oubliés et abandonnés «par leurs parents; le même aurait pu être le sort de bien «d'autres si nos dames n'étaient venues rejoindre leurs maris, «n'avaient entretenu une correspondance suivie avec leurs

---

[1]) «Mémoires de S. G. Wolkonsky», pp. 447—511.

[2]) Edition de 1870, pp. 223, 225—227.

мы сочли полезнымъ, при «Запискахъ С. Г. Волконскаго», напечатать добытые нами документы, въ особенности документы Архива III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, остававшіеся до сихъ поръ неизвѣстными читающей публикѣ [1]).

Этой эпохи касаются указанныя нами выше Записки декабристовъ, масса статей, помѣщавшихся въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, Записки Н. А. Бѣлоголоваго и другіе труды. Всюду мы встрѣчаемъ восторженные отзывы о женахъ, добровольно послѣдовавшихъ за сосланными, и останавливаться на этомъ не будемъ. Скажемъ только, что въ весьма симпатичномъ своемъ трудѣ Н. А. Бѣлоголовый слишкомъ довѣрился своей дѣтской памяти и впечатлѣніямъ 11-лѣтняго ребенка, отчего образы Сергія Григорьевича и княгини Маріи Николаевны Волконскихъ вышли у него невѣрны.

Приведемъ еще нѣсколько словъ о женахъ декабристовъ изъ Записокъ А. Е. Розена [2]): «Во время «нахожденія нашего въ каторжной работѣ», говоритъ онъ, «нѣсколько нашихъ товарищей были совершенно «забыты и покинуты родными; можетъ-быть, таковъ «былъ бы жребій и многихъ, если бы наши дамы не «пріѣхали къ мужьямъ своимъ, не переписывались бы «съ нашими родными и письмами своими, и вліяніемъ, и «родствомъ не поддерживали бы памятованія о многихъ. «Онѣ были нашими ангелами-хранителями и въ самомъ «мѣстѣ заточенія: для всѣхъ нуждающихся открыты были «ихъ кошельки; для больныхъ просили онѣ устроить «больницу; А. Г. Муравьева, чрезъ свекровь свою, Ека«терину Ѳедоровну Муравьеву, получила отличную ан-

[1]) «Записки С. Г. Волконскаго», стр. 447—511.

[2]) Изданіе 1870 г., стр. 223, 225—227.

«parents et, par leurs lettres et leur influence, n'avaient arraché «à l'oubli un grand nombre d'entre nous. Elles furent égale-«ment nos anges gardiens dans les lieux d'exil; leurs bourses «étaient ouvertes à tous les indigents. Elles obtinrent que «l'on établit un hôpital pour les malades. Mme A. Mouravieff «reçut, par l'intermédiaire de sa belle-mère Mme Catherine Mou-«ravieff, une excellente pharmacie et des instruments de chirur-«gie; mon ancien camarade F. Wolff, chirurgien-major, de-«meurait dans cet hôpital et y traitait les malades avec succès. «Il ne nous était pas même donné de remercier de vive voix «nos bienfaitrices, car nous ne les voyions que rarement et de loin, «à travers les fentes de la clôture (palissade) de notre prison, ou «bien quand elles passaient devant l'endroit où nous tra-«vaillions, ou se promenaient sur les collines environnantes».

Ce passage se rapporte au séjour des exilés dans la prison de Tchita. Plus loin, parlant de la princesse Wolkonsky, Rosen continue: «Après le départ de la princesse Troubetskoy «de Pétersbourg, ce fut la princesse Wolkonsky, née Raïévsky, «qui se mit en route. Son père, le célèbre héros de 1812, «N. N. Raïévsky, ne voulait pas consentir au départ de sa «fille. Il savait que toute jeune, à peine mariée, elle avait lié «son sort à celui du prince Serge Wolkonsky qui, à la ba-«taille de Leipzig, avait reçu le grade de général et par son «âge pouvait être son père; il savait aussi que ce n'était pas «par amour, ni de son propre gré qu'elle se maria, mais «uniquement par amour et obéissance filials; son fils premier-«né, nourrisson, réclamant la présence de sa mère, pouvait «encore la retenir. Mais elle résolut d'accomplir celui des de-«voirs qui exigeait le plus de sacrifices, le plus de dévouement; «elle dit au père, âgé et malade, qu'elle adorait pourtant,

«теку и хирургическіе инструменты; мой бывшій това-«рищъ, штабъ-лѣкарь Ф. Б. Вольфъ жилъ въ этой боль-«ницѣ и всегда успѣшно помогалъ больнымъ. Мы даже «изустно не могли благодарить нашихъ благодѣтельницъ «отъ того, что только издали и изрѣдка видѣли ихъ «сквозь щели частокола, или когда онѣ проходили мимо «нашихъ работъ, или прогуливались по гористымъ окрест-«ностямъ».

Этотъ отрывокъ касается пребыванія заключенныхъ въ Читинскомъ острогѣ. Затѣмъ, переходя къ княгинѣ Волконской, Розенъ продолжаетъ: «Послѣ отъѣзда кня-«гини Трубецкой изъ Петербурга, выѣхала княгиня Марья «Николаевна Волконская, рожденная Раевская. Отецъ ея, «знаменитый герой 1812 года, Н. Н. Раевскій, не согла-«шался на отъѣздъ дочери. Онъ зналъ, что дочь его, «юная, недавно замужемъ, соединила судьбу свою съ кня-«земъ С. Г. Волконскимъ, который, за сраженіе подъ «Лейпцигомъ, произведенъ былъ въ генералы и по лѣ-«тамъ своимъ могъ быть отцемъ ея; онъ зналъ, что «она не по личной страсти, не по своей волѣ вышла «замужъ, но только изъ любви и послушанія къ отцу; «кромѣ этого, могъ ее удержать грудной младенецъ, «первородный сынъ, требовавшій присутствія матери. Она «рѣшилась исполнить тотъ долгъ свой, ту обязанность, «которая требовала болѣе жертвы, болѣе самоотверженія; «сказала больному престарѣлому отцу, нѣжно любимому, «что ѣдетъ только на время для свиданія съ мужемъ; «сына оставила у бабушки, статсъ-дамы, въ Зимнемъ «дворцѣ и немедленно уѣхала въ Сибирь. Въ Иркутскѣ «она дала подписку въ добровольномъ отреченіи отъ «всѣхъ правъ состоянія и имуществъ; такая подписка «была взята отъ всѣхъ нашихъ дамъ, слѣдовавшихъ за

«qu'elle ne partait que pour quelque temps, que pour une «entrevue avec son mari; elle confia son fils aux soins de sa «belle-mère, dame d'honneur au Palais d'Hiver, et partit sans «autre retard pour la Sibérie. A Irkoutsk elle dut signer une «renonciation à tous ses droits de fortune et de bien; une «pareille signature plus tard était imposée à toutes nos dames «qui avaient suivi leurs maris en Sibérie»..... «Marie Nicolaïevna «Wolkonsky, jeune, élancée, d'une taille plutôt grande que «moyenne, une brune aux yeux ardents, au teint demi-basané, «avec un nez légèrement retroussé et une démarche altière «et soutenue, avait été surnommée par nous autres «la fille «du Gange» [1]); jamais elle ne laissait voir de la tristesse; «aimable avec les camarades de son mari, elle était fière et «exigeante avec le commandant et les chefs de la prison. «Les princesses Troubetskoy et Wolkonsky furent les pre-«mières arrivées parmi les femmes de dékabristes, à destination «de Nertchinsk; elles avaient eu une route plus longue, plus «périlleuse, plus ardue que celle des autres. Leur situation «était effrayante; les autorités au début, manquant d'in-«structions exactes et détaillées, redoutaient les blâmes d'en «haut et les délations d'en bas. La correspondance, étant «donnée la distance de 7000 verstes, marchait lentement; «les parents au début ne savaient à qui s'adresser pour «les envois d'argent, à Potapoff, général de service, ou à «A. C. Benckendorff, aussi les premiers temps elles éprouvè-

---

[1]) Ce surnom semble lui avoir été donné bien avant son départ pour la Sibérie. La princesse Zénéide Wolkonsky sa belle-sœur, dit en parlant d'elle: «Tu as les yeux, la chevelure et le teint d'une fille du Gange, et ta vie, comme la sienne, porte le sceau du devoir et du sacrifice». («A la princesse Marie Wolkonsky, née Raïévsky» dans les «Oeuvres choisies» de la princesse Zénéide Wolkonsky, née princesse Bélosselsky, Paris, 1865, pp. 253 et 254. Voir Appendice XXVIII).

«мужьями въ Сибирь»... «М. Н. Волконская, молодая, строй-«ная, болѣе высокаго, чѣмъ средняго роста, брюнетка, съ «горящими глазами, съ полусмуглымъ лицомъ, съ немного «вздернутымъ носомъ, съ гордою, но плавною походкою, «получила у насъ прозванье «la fille du Gange» — дѣва «Ганга [1]); она никогда не выказывала грусти, была любезна «съ товарищами мужа, но горда и взыскательна съ комен-«дантомъ и начальниками острога. Княгини Трубецкая и «Волконская были первыя изъ прибывшихъ женъ къ «мужьямъ своимъ, онѣ должны были ѣхать и дальше, и «опаснѣе, и труднѣе—въ Нерчинскъ. Положеніе ихъ было «страшное; сначала еще не было подробной инструкціи «начальникамъ, которые боялись запросовъ свыше и до-«носовъ снизу. Собственныя ихъ переписки при разстояніи «7000 верстъ шли медленно; родственники сначала не «знали, куда обратиться для высылки денегъ, къ дежур-«ному ли генералу Потапову, или къ А. Х. Бенкендорфу, «оттого онѣ въ первое время терпѣли недостатокъ и подвер-«гались многимъ лишеніямъ, не только отъ мѣстной ску-«дости, но и отъ недостатка въ деньгахъ; довольно ска-«зать, что онѣ терпѣли зимою 1826 года и отъ холода «и голода. Страннымъ показалось бы, если бы я вздумалъ «подробно описать, какъ онѣ сами стирали бѣлье, мыли «полы, питались хлѣбомъ и квасомъ, когда страданія ихъ «были гораздо важнѣе и другого рода, когда онѣ видѣли «мужей своихъ за работою въ подземельѣ, подъ властью «грубаго и дерзкаго начальства».

---

[1]) Повидимому, это прозваніе было дано ей еще до отъѣзда ея въ Сибирь. Княгиня Зинаида Александровна такъ отзывается о своей невѣсткѣ: «У тебя глаза, волосы, цвѣтъ лица—какъ у дѣвы Ганга, и, подобно ей, жизнь твоя запечатлѣна долгомъ и жертвою». («A la princesse Marie Wolkonsky, née Raïévsky» въ «Oeuvres choisies» de la princesse Zénéide Wolkonsky, née princesse Bélosselsky, Paris, 1865, pp. 253 et 254. См. Приложеніе XXVIII).

«rent la gêne et toute espèce de privations; pour tout dire, «pendant l'hiver de 1826 elles avaient souffert et du froid et «de la faim. Il serait étrange que la fantaisie me prenne de «décrire en détail comment elles lavaient elles-mêmes leur «linge, lavaient elles-mêmes les planchers, se nourrissaient «de pain et de *kvas,* quand leurs souffrances étaient bien «plus graves et d'une bien autre nature à la vue de leurs «maris travaillant dans les souterrains sous les ordres d'un «inspecteur grossier et insolent».

Citons, avant de finir, un fragment tiré de la «Rousskaïa Starina» (1875, t. XII) qui contient une curieuse description, faite par un témoin oculaire—notre poète Vénévitinow—de la soirée musicale, donnée à Moscou par la princesse Zénéide Wolkonsky lors du passage de la princesse Marie Nikolaïevna, se rendant en Sibérie (elle en parle dans ses «Mémoires» — pp. 17 et 19). Ce fragment (nous n'en reproduisons qu'une partie), si bien daté de l'époque du romantisme et si précieux pour la caractéristique de celle qu'il dépeint, fut trouvé parmi les papiers du poète écrit sur une feuille déchirée en morceaux.

27 Décembre 1826.

«J'ai passé hier une soirée inoubliable. Je vis pour la deuxième fois et connus de plus près l'infortunée princesse Marie Wolkonsky dont le mari est exilé en Sibérie et qui part le 6 Janvier pour l'y rejoindre»...

«Pendant toute la soirée elle écouta le chant, quand un morceau était fini, elle en demandait un autre. Jusqu'à minuit elle ne vint pas au salon, car la princesse Z. *(princesse Zénéide Wolkonsky)* avait beaucoup de monde, elle resta dans la pièce

Заключимъ наше предисловіе отрывкомъ, заимствуемымъ изъ «Русской Старины» (1875 г., т. XII) и заключающимъ въ себѣ любопытное описаніе однимъ изъ очевидцевъ—нашимъ поэтомъ Веневитиновымъ—музыкальнаго вечера, устроеннаго княгиней Зинаидой Александровной Волконской при проѣздѣ княгини Маріи Николаевны черезъ Москву, на пути въ Сибирь. Объ этомъ вечерѣ авторъ «Записокъ», съ своей стороны, разсказываетъ на стр. 20 и 22. Заимствуемый отрывокъ (мы приводимъ его не весь), столь характерный для романтической эпохи и столь драгоцѣнный для характеристики той, кого онъ описываетъ, сохранился въ бумагахъ покойнаго поэта, писанный на листѣ, разорванномъ въ клочки.

27 Декабря 1826 г.

«Вчера провелъ я вечеръ, незабвенный для меня. Я видѣлъ во второй разъ и еще болѣе узналъ несчастную княгиню Марію Волконскую, коей мужъ сосланъ въ Сибирь, и которая 6-го Января сама отправляется въ путь, вслѣдъ за нимъ...»

«Она въ продолженіе цѣлаго вечера все слушала, какъ пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, то она просила другого. До двѣнадцати часовъ ночи она не входила въ гостиную, потому что у К. З. *(княгини Зинаиды)* много было *(гостей)*, но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывокъ изъ «Agnès» del maestro Paër былъ пресѣченъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное сближеніе злосчастія Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей ро-

voisine, assise derrière la porte, où à tout moment la maîtresse de maison allait la retrouver, tout occupée d'elle, désireuse de lui être agréable. Le duo d'«Agnès» du maître Paër fut interrompu au moment où la malheureuse fille implore son père, plus malheureux encore, de la pardonner. Le rapprochement involontaire des infortunes d'Agnès et de son père avec la situation actuelle de celle qui était là, invisiblement présente, coupa la voix et les forces de la princesse Z.; sa pauvre sœur fut forcée de quitter la chambre, car elle éclatait en sanglots et ne voulait pas que du salon on s'en aperçût: dans ce cas on l'aurait entourée, et elle craint, elle fuit le monde, et c'est bien naturel. Le reste de la soirée fut triste, — les personnes frivoles, sans doute, la trouvèrent même ennuyeuse, malgré les quelques duos-bouffes par lesquels on a tâché de briser le profond et sinistre silence. Mais quelqu'un qui a du sentiment, qui a l'habitude, ne fût-ce que rarement, de faire des retours sur lui-même et de ramener à lui-même les choses qui l'environnent, ne pouvait faire autrement que de méditer, de méditer longuement. Je désirais à ce moment que tous ceux qui étaient bons, fussent heureux, et mes propres impressions de cette soirée, je cherchais à les perpétuer en moi-même. De pareilles dispositions d'âme d'ailleurs ne se perdent pas.

«Lorsque la plupart du monde fut partie, et ne restèrent que les plus intimes de la princesse Z., elle entra dans le salon; elle s'assit dans un coin écoutant la musique que pour elle on continuait toujours et qui toujours continuait à la charmer, puis timidement elle s'approcha du clavecin, osa regarder ceux qui s'étaient groupés autour, prit place sur le canapé; elle parla, d'une voix douce, très peu et très rare-

ственницы своей отняло голосъ и силу у К. З., а бѣдная сестра ея по сердцу должна была выйти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы это примѣтили въ другой комнатѣ, ибо въ такомъ случаѣ всѣ бы ее окружили, а она страшится, чуждается свѣта, и это понятно. Остатокъ вечера былъ печаленъ. Легкомысленнымъ, безъ сомнѣнія, показался онъ скучнымъ, какъ ни старались прерывать глубокое, мрачное молчаніе нѣкоторыми шутливыми дуэтами. Но человѣкъ съ чувствомъ, который хоть изрѣдка уже привыкъ обращать на самого себя и относить къ себѣ все, что его окружаетъ, необходимо долженъ былъ думать, много думать. Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливцами, а собственное впечатлѣніе сего вечера старался я увѣковѣчить въ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ.

«Когда всѣ разъѣхались и осталось только очень мало самыхъ близкихъ и вхожихъ къ К. З., она вошла сперва въ гостиную, сѣла въ уголъ, все слушала музыку, которая для нея не переставала, восхищалась ею, потомъ робко приблизилась къ клавикордамъ, смѣла уже глядѣть на тѣхъ, которые возлѣ нихъ стояли, сѣла на диванъ, говорила тихимъ голосомъ, очень мало, изрѣдка улыбалась; иногда облако воспоминаній и ожиданій затмѣвало ея глаза, но она обѣими руками закрывала тогда свое лицо и старалась побѣдить свое чувство. Она всѣхъ просила ей спѣть что-нибудь, простодушно увѣряя, что память этого участія, которое принимаютъ въ ея положеніи, облегчитъ ей трудный путь въ Сибирь. И до меня очередь дошла. Я пѣть не умѣю, но отказать ей не смѣлъ и кой-какъ проворчалъ ей дуэтъ изъ «Донъ-Жуана». Одному пѣть у меня бы тогда голоса недостало. Она

ment elle souriait; parfois un nuage de souvenirs ou d'appréhensions obscurcissait son regard, de ses deux mains alors elle se couvrait le visage cherchant à vaincre son émotion. Elle demandait à chacun de lui chanter un morceau, en toute simplicité, assurant que le souvenir de l'intérêt que de cette façon on lui témoignait lui allègerait le voyage ardu de la Sibérie. Mon tour vint. Je ne sais pas chanter, mais n'eus pas la force de lui refuser et tant bien que mal je murmurai le duo de «Don Juan». Pour chanter seul ce soir-là, la voix m'aurait fait défaut. Elle me remercia comme les autres, et l'on voyait que ce n'était pas par convenance, car elle ne disait pas beaucoup de paroles, mais chacune de ses paroles lui ressemblait, était conforme à l'expression de son visage. A son intention la princesse Z. fit servir le souper, car il se faisait tard, et visiblement elle était fatiguée, bien qu'elle ne voulut en convenir. Pendant le souper elle ne pleura pas, au contraire — elle chercha à détourner notre attention de sa personne, parlant peu, mais parlant de choses indifférentes. A peine levée de table elle se retira dans sa chambre. Il était deux heures passées lorsque nous partîmes. Je rentrai chez moi l'âme remplie d'émotion et jamais, je crois, je n'oublierai cette soirée»...

C'est ainsi que parlent de la princesse Marie Wolkonsky ceux qui l'ont vue et connue. Laissons-lui maintenant la parole.

меня благодарила, какъ и всѣхъ; видно, что это не изъ приличія, потому что она не тратила много словъ, но каждое слово было похоже на нее самое, согласовалось съ выраженіемъ ея лица. Для нея велѣла К. З. приготовить ужинъ, ибо становилось уже очень поздно, и примѣтно было, что она устала, хотя она сама въ этомъ не сознавалась. Во время ужина она не плакала, не рыдала, но старалась отвлечь отъ себя наше вниманіе, говоря вообще очень мало и только о предметахъ постороннихъ. Когда встали изъ-за стола, она тотчасъ ушла въ свою комнату. А мы уѣхали уже послѣ 2-хъ часовъ. Я возвратился домой съ душой полною, и никогда, мнѣ кажется, не забуду этого вечера»...

Такъ говорятъ о княгинѣ Маріи Николаевнѣ Волконской лица, ее видѣвшія и знавшія. Передадимъ теперь слово ей самой.

Господь рѣшитъ окованныя...
Господь возводитъ низверженныя... [1]
(Пс. 145 и 144).

Micha мой [2]), tu m'engages à mettre par écrit les récits dont je berçais ton enfance et celle de Nelly [3]), à faire mes mémoires en un mot. Il faut commencer par savoir écrire avant de s'arroger le droit de le faire, or ce talent ne m'appartient pas, et puis notre existence de Sibérie ne peut offrir d'intérêt qu'à un enfant de l'exil comme toi; je le ferai donc pour toi, pour ta sœur et pour Serge [4]), sous la condition expresse de ne les communiquer à personne, hors tes enfants quand tu en auras, qui ouvriront de grands yeux, se serreront contre toi en écoutant le récit de nos privations et de nos souffrances, auxquelles cependant nous nous sommes si bien habitués, que nous avons trouvé moyen d'être gais et même heureux en exil.

J'abrégerai ce qui vous charmait tant dans votre enfance, le récit du bonheur que j'avais goûté sous le toit paternel, celui de mes voyages, de ma part de joie et de plaisir dans

[1]) Le Seigneur délivre les enchaînés...
Le Seigneur élève ceux qui ont été précipités...
(Ps. 145 et 144. Traduction textuelle du slavon).

[2]) Micha moï—mon Micha (diminutif de Michel).

[3]) Mme Hélène Rachmanoff, fille de l'auteur, née en Sibérie, mariée en premières noces à Dmitry Moltchanoff, puis à Nicolas Kotchoubey et, en troisièmes noces, à Alexandre Rachmanoff.

[4]) Serge Moltchanoff, petit-fils de l'auteur.

Съ акварели Соколова 1826 г.
Грав. В. Унгеръ въ Вѣнѣ.

D'après une aquarelle par Sokoloff (1826)
Gravé par W. Unger à Vienne

Княгиня Марія Николаевна Волконская
съ сыномъ Николаемъ.

La princesse Marie Wolkonsky
avec son fils Nicolas

Господь рѣшитъ окованныя...
Господь возводитъ низверженныя...
(Псалмы 145, 144).

Миша мой, ты меня просишь записать разсказы, которыми я развлекала тебя и Нелли [1]), въ дни вашего дѣтства, словомъ — написать свои воспоминанія. Но, прежде чѣмъ присвоить себѣ право писать, надо быть увѣреннымъ, что обладаешь даромъ повѣствованія, я же его не имѣю; кромѣ того, описаніе нашей жизни въ Сибири можетъ имѣть значеніе только для тебя, какъ сына изгнанія; для тебя я и буду писать, для твоей сестры и для Сережи [2]), съ условіемъ, чтобы эти воспоминанія не сообщались никому, кромѣ твоихъ дѣтей, когда они у тебя будутъ; они прижмутся къ тебѣ, широко раскрывая глаза при разсказахъ о нашихъ лишеніяхъ и страданіяхъ, съ которыми, однакоже, мы свыклись настолько, что сумѣли быть и веселы, и даже счастливы въ изгнаніи.

Я здѣсь сокращу то, что такъ васъ забавляло, когда вы были дѣтьми: разсказы о счастливомъ времени, проведенномъ мною подъ родительскимъ кровомъ, о моихъ путешествіяхъ, о моей долѣ радостей и удовольствій на этомъ свѣтѣ. Скажу только, что я вышла замужъ въ

[1]) Елена Сергѣевна Рахманова, дочь автора, род. въ Сибири, была замужемъ: первымъ бракомъ — за Дм. Вас. Молчановымъ, вторымъ — за Николаемъ Аркадіевичемъ Кочубеемъ, третьимъ — за Александромъ Алексѣевичемъ Рахмановымъ.

[2]) Сергѣй Дмитріевичъ Молчановъ, внукъ автора.

ce monde. Je vous dirai seulement que c'est l'année 1825 que j'ai été mariée au Prince Serge Wolkonsky [1]), votre père, le plus digne et le plus respectable des hommes; mes parents croyaient m'avoir assuré un sort brillant selon le monde.— J'étais triste de les quitter: on dirait qu'à travers mon voile de mariée j'apercevais vaguement le sort qui nous attendait. Peu après, étant tombée malade, on m'envoya avec Maman [2]), ma sœur Sophie et mon anglaise, à Odessa pour les bains de mer. Serge ne pouvait nous accompagner, devant rester dans sa division pour affaires de service. Je ne le connaissais presque pas avant mon mariage. Je restai tout l'été à Odessa, de sorte que je n'ai passé que trois mois de cette première année avec lui; je ne me suis jamais douté de l'existence de la Société secrète dont il était membre. Il avait près de vingt ans de plus que moi, par là même ne pouvait avoir dans un cas aussi grave sa confiance en moi.

Il vint me chercher vers la fin de l'automne, m'emmena à Oumane où se trouvait sa division et partit pour Toultchine, quartier général de la seconde armée. Au bout d'une semaine, il revint au milieu de la nuit: je suis réveillée en sursaut, il m'appelle: «Вставай скорѣй» [3]). Je me lève toute tremblante. J'étais avancée dans ma grossesse, et ce retour bruyant m'avait effrayée. Je le vois faisant faire un grand feu de cheminée pour y brûler des papiers. Je l'aidais de mon mieux tout en lui demandant ce que cela voulait dire. «Pestel est arrêté»!—«Pourquoi»?—Pas de réponse. Tout ce mystère m'inquiétait. Je le voyais triste, préoccupé. Enfin il me dit avoir promis à mon père de m'emmener chez lui pour y faire mes couches. Et nous voilà en route pour les biens de papa; il m'y confia aux soins de ma mère et repartit de

---

[1]) Voir Appendice I.
[2]) Voir Appendice II sur la famille Raïévsky.
[3]) «Lève-toi vite».

Князь Сергій Григорьевичъ Волконскій.
Съ портрета Г. Дау, находящагося въ Зимнемъ дворцѣ, 1820 г.

Le prince Serge Wolkonsky.
D'après un portrait de G. Dawe, R. A., se trouvant au Palais d'hiver, 1820.

1825 году за князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго [1]), вашего отца, достойнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ людей; мои родители думали, что обезпечили мнѣ блестящую, по свѣтскимъ воззрѣніямъ, будущность. Мнѣ было грустно съ ними разставаться: словно, сквозь подвѣнечный вуаль, мнѣ смутно виднѣлась ожидавшая насъ судьба. Вскорѣ послѣ свадьбы я заболѣла, и меня отправили, вмѣстѣ съ матерью [2]), съ сестрой Софьей и моей англичанкой въ Одессу, на морскія купанья. Сергѣй не могъ насъ сопровождать, такъ какъ долженъ былъ, по служебнымъ обязанностямъ, остаться при своей дивизіи. До свадьбы я его почти не знала. Я пробыла въ Одессѣ все лѣто и, такимъ образомъ, провела съ нимъ только три мѣсяца въ первый годъ нашего супружества; я не имѣла понятія о существованіи Тайнаго общества, котораго онъ былъ членомъ. Онъ былъ старше меня лѣтъ на двадцать и потому не могъ имѣть ко мнѣ довѣрія въ столь важномъ дѣлѣ.

Онъ пріѣхалъ за мной къ концу осени, отвезъ меня въ Умань, гдѣ стояла его дивизія, и уѣхалъ въ Тульчинъ, главную квартиру второй арміи. Черезъ недѣлю онъ вернулся среди ночи; онъ меня будитъ, зоветъ: «Вставай скорѣй»; я встаю, дрожа отъ страха. Моя беременность приближалась къ концу, и это возвращеніе, этотъ шумъ меня испугали. Онъ сталъ растапливать каминъ и сжигать какія-то бумаги. Я ему помогала, какъ умѣла, спрашивая, въ чемъ дѣло? «Пестель арестованъ». — «За что»? — Нѣтъ отвѣта. Вся эта таинственность меня тревожила. Я видѣла, что онъ былъ грустенъ, озабоченъ. Наконецъ, онъ мнѣ объявилъ, что обѣщалъ моему отцу отвезти меня къ нему въ деревню на время родовъ, — и вотъ мы отправились. Онъ меня сдалъ на попеченіе моей матери

[1]) См. Приложеніе I.
[2]) См. Приложеніе II.

suite; à peine rentré chez lui, il fut arrêté et emmené à Pétersbourg. C'est ainsi que se passa la première année de notre mariage, elle n'était pas révolue encore, que Serge était déjà sous les verrous de la forteresse au ravelin Alexis.

Mes couches furent très pénibles, sans sage-femme (elle n'est arrivée que le lendemain). Papa insistait pour que je me misse sur un fauteuil, Maman, avec son expérience de mère de famille, me disait de me mettre au lit de peur de prendre froid. Les voilà qui se disputent, et moi de souffrir. Enfin, comme toujours, la volonté de l'homme prévalut; on m'installa dans un grand fauteuil, pour y souffrir mort et martyre sans aucun secours de l'art. Notre médecin était absent chez un malade à 15 verstes de nous; une paysanne du village se disant sage-femme était venue, mais n'osant m'approcher elle se tenait à genoux, dans un coin de la chambre, priant pour moi. Enfin le docteur arriva vers le matin, et je mis au monde mon petit Nicolas, dont plus tard j'ai dû me séparer à jamais. J'eus la force d'aller nu-pieds jusqu'à mon lit, qui était froid et me parut glacé, et l'instant d'après, une fièvre violente me saisit, fièvre cérébrale qui me fit garder le lit pendant 2 mois. Quand je revenais à moi, je demandais des nouvelles de mon mari, on me répondait qu'il était en Moldavie, tandis qu'il se trouvait déjà au secret et subissait toutes les tortures morales d'une enquête. On l'avait emmené d'abord, comme tous les autres, et conduit en présence de l'Empereur Nicolas qui s'était précipité vers lui en le menaçant du doigt et en l'injuriant, se fâchant de ce qu'il ne voulait nommer aucun de ses camarades. Plus tard, comme il persistait dans ce mutisme vis-à-vis des juges d'instruction, Tchernicheff, ministre de la guerre, lui dit: «Ayez honte, prince: de petits officiers en disent plus que vous» (Стыдитесь, князь, прапорщики больше васъ показываютъ). Du reste tous étaient connus: les faux-frères

и немедленно уѣхалъ; тотчасъ по возвращеніи, онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ. Такъ прошелъ первый годъ нашего супружества; онъ былъ еще на исходѣ, когда Сергѣй уже сидѣлъ подъ затворами крѣпости въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Роды были очень тяжелы, безъ повивальной бабки (она пріѣхала только на другой день). Отецъ требовалъ, чтобы я сидѣла въ креслѣ, мать, какъ опытная мать семейства, хотѣла, чтобы я легла въ постель во избѣжаніе простуды, и вотъ начинается споръ, а я страдаю; наконецъ, воля мужчины, какъ всегда, взяла верхъ; меня помѣстили въ большомъ креслѣ, въ которомъ я жестоко промучилась безъ всякой медицинской помощи. Нашъ докторъ былъ въ отсутствіи, находясь при больномъ въ пятнадцати верстахъ отъ насъ; пришла какая-то крестьянка изъ нашей деревни, выдававшая себя за бабку, но не смѣла ко мнѣ подойти и, ставъ на колѣни въ углу комнаты, молилась за меня. Наконецъ, къ утру пріѣхалъ докторъ, и я родила своего маленькаго Николая, съ которымъ впослѣдствіи мнѣ было суждено разстаться навсегда. У меня хватило силъ дойти босикомъ до постели, которая не была согрѣта, и показалась мнѣ холодной, какъ ледъ; меня сейчасъ же бросило въ сильный жаръ, и сдѣлалось воспаленіе мозга, которое продержало меня въ постели въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Когда я приходила въ себя, я спрашивала о мужѣ; мнѣ отвѣчали, что онъ въ Молдавіи, между тѣмъ, какъ онъ былъ уже въ заключеніи и проходилъ черезъ всѣ нравственныя пытки допросовъ. Сначала его привели, какъ приводили и всѣхъ остальныхъ, къ Императору Николаю, который накинулся на него, грозя пальцемъ и браня его за то, что онъ не хотѣлъ выдать ни одного изъ своихъ товарищей. Позже, когда онъ продолжалъ упорствовать въ этомъ молчаніи передъ слѣдователями,

Chervood [1]), Maïborada [2]) et.... [3]) avaient livré la liste des membres de la Société secrète, en suite de quoi les arrestations avaient commencé. Je n'ai pas la présomption d'écrire l'histoire de ces temps-là, ces événements sont trop récents et de trop haute portée pour moi; d'autres le feront, et c'est à la postérité de juger ce premier élan de patriotisme pur et désintéressé. L'histoire de Russie n'a présenté jusqu'ici que des conspirations de palais, favorisées par ceux qui y trouvaient leur intérêt.

Un beau matin je rassemblai mes idées et me dis: «Cette absence de mon mari n'est pas naturelle, je n'ai pas de lettres de lui». J'insiste pour savoir la vérité, on me dit que Serge est arrêté, ainsi que B. Davidoff, Lihareff et Poggio. Je déclare à Maman que je vais à Pétersbourg; papa y était déjà, tout est prêt pour le lendemain, et au moment de me lever je sens une forte douleur à la jambe; j'envoie vite chercher la bonne femme qui avait si bien prié le bon Dieu pour moi; elle me dit que c'est un érysipèle, m'entortille le pied de drap rouge et de craie, et me voilà partie avec ma bonne sœur et mon enfant, que je laisse en passant chez la comtesse Branicka, une tante à papa. Elle avait de bons médecins et vivait en riche et puissante châtelaine.

C'était au mois d'Avril. Des chemins impraticables. J'allais nuit et jour, et j'arrivai enfin chez ma belle-mère [4]), dame de Cour s'il en fut. Personne pour me donner un conseil: mon frère Alexandre, qui prévoyait l'issue de l'affaire, mon père, qui la redoutait, m'avaient circonvenue entièrement. Alexandre le faisait avec tant de ruse que je ne l'ai compris que bien plus tard, en Sibérie, lorsque mes compagnes me dirent qu'elles

---

[1]) Voir les Mémoires de Serge Wolkonsky, 2-me édition, pages 425, 427—431 et 438.

[2]) Ibid., pages 425—427, 430 et 431.

[3]) Le nom n'est pas indiqué dans l'original. Il faut mettre celui de Boschniak. Voir Appendice III; voir les Mémoires précités, pages 423, 424, 425, 430 et 431.

[4]) Voir Appendice IV.

Чернышевъ, военный министръ, сказалъ ему: «Стыдитесь, князь, прапорщики больше васъ показываютъ». Впрочемъ, всѣ заговорщики были уже извѣстны: предатели Шервудъ [1]), Майборода [2]) и ..... [3]) выдали списокъ именъ всѣхъ членовъ Тайнаго общества, вслѣдствіе чего и начались аресты. Я не дерзну излагать исторію событій этого времени: они слишкомъ еще къ намъ близки и для меня недосягаемы; это сдѣлаютъ другіе, а судъ произнесетъ потомство. До сихъ поръ исторія Россіи представляла примѣры лишь дворцовыхъ заговоровъ, участники которыхъ находили въ томъ личную для себя пользу.

Наконецъ, однажды, собравшись съ мыслями, я сказала себѣ: «Это отсутствіе мужа неестественно, такъ какъ писемъ отъ него я не получаю», и я стала настоятельно требовать, чтобы мнѣ сказали правду. Мнѣ отвѣчали, что Сергѣй арестованъ, равно какъ и В. Давыдовъ, Лихаревъ и Поджіо. Я объявила матери, что уѣзжаю въ Петербургъ, гдѣ уже находился мой отецъ. На слѣдующее утро все было готово къ отъѣзду; когда пришлось вставать, я вдругъ почувствовала сильную боль въ ногѣ. Посылаю за женщиной, которая тогда такъ усердно молилась за меня Богу; она объявляетъ, что это рожа, обвертываетъ мнѣ ногу въ красное сукно съ мѣломъ, и я пускаюсь въ путь съ своей доброй сестрой и ребенкомъ, котораго, по дорогѣ, оставляю у графини Браницкой, тетки моего отца: у нея были хорошіе врачи; она жила богатой и вліятельной помѣщицей.

Былъ апрѣль мѣсяцъ и полная распутица. Я путешествовала день и ночь и пріѣхала, наконецъ, къ своей

---

[1]) См. Записки С. Г. Волконскаго, изд. 2-е, стр. 425, 427, 428, 429, 430, 431 и 438.

[2]) Тамъ же, стр. 425, 426, 427, 430 и 431.

[3]) Имя пропущено въ подлинникѣ. Слѣдуетъ вставить имя: Бошнякъ. См. Приложеніе III и «Записки С. Г. Волконскаго», изд. 2-е, стр. 423, 424, 425, 430 и 431.

trouvaient ma porte toujours fermée lorsqu'elles venaient me voir à Pétersbourg. Il craignait leur influence sur moi, et malgré ses précautions j'ai été la première avec Catache Troubetskoy [1]) dans les mines de Nertchinsk.

J'étais bien malade encore et d'une grande faiblesse. J'obtins la permission d'aller voir mon mari à la forteresse. L'Empereur, qui saisissait toutes les occasions pour faire preuve de grandeur d'âme (dans les petites choses), me sachant si faible, ordonna que je fusse accompagnée d'un médecin, *craignant tout saisissement pour moi.* Le comte Alexis Orloff me conduisit lui-même à la forteresse. En approchant de cette prison redoutable, je levais les yeux, et pendant que l'on ouvrait les portes cochères je vis un appartement au-dessus de l'entrée avec de grandes fenêtres ouvertes, et Michel Orloff [2]) en robe de chambre, tenant une pipe, souriant et examinant ceux qui arrivaient.

Nous descendîmes chez le commandant; l'instant d'après, mon mari fut amené sous escorte. Cette entrevue devant témoins fut bien pénible, nous nous donnions du courage mutuellement, sans conviction intime. Je n'osais le questionner: tous les regards étaient fixés sur nous; il changea de mouchoir avec moi. En rentrant je m'empressai de voir ce qu'il y avait mis, et ne trouvai rien que quelques mots de consolation presque indéchiffrables, écrits sur le coin du mouchoir.

Ma belle-mère me fit des questions sur son fils, ajoutant qu'elle ne pouvait se décider à aller le voir, que cette entrevue la tuerait, et elle partit le lendemain avec l'Impératrice-mère pour Moscou, où l'on commençait déjà les préparatifs pour la célébration du Couronnement. Ma belle-sœur Sophie Wolkonsky [3]) devait arriver sous peu: elle accompagnait le corps de feu l'Impératrice Elisabeth, que l'on amenait à Pétersbourg. J'étais

[1]) La princesse Catherine Troubetskoy, née C^sse de Laval.
[2]) Voir Appendice V.
[3]) Voir Appendice VI.

свекрови [1]). Это была въ полномъ смыслѣ слова приворная дама. Некому было дать мнѣ добраго совѣта: братъ Александръ, предвидѣвшій исходъ дѣла, и отецъ, его опасавшійся, меня окончательно обошли. Александръ дѣйствовалъ такъ ловко, что я все поняла лишь гораздо позже, уже въ Сибири, гдѣ узнала отъ своихъ подругъ, что онѣ постоянно находили мою дверь запертою, когда ко мнѣ пріѣзжали. Онъ боялся ихъ вліянія на меня; а несмотря, однако, на его предосторожности, я первая съ Каташей Трубецкой [2]) пріѣхала въ Нерчинскіе рудники.

Я была еще очень больна и чрезвычайно слаба. Я выпросила разрѣшеніе навѣстить мужа въ крѣпости. Государь, который пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выказать свое великодушіе (въ вопросахъ второстепенныхъ), и которому было извѣстно слабое состояніе моего здоровья, приказалъ, чтобы меня сопровождалъ врачъ, *боясь для меня всякаго потрясенія*. Графъ Алексѣй Орловъ самъ повезъ меня въ крѣпость. Когда мы приближались къ этой грозной тюрьмѣ, я подняла глаза и, пока открывали ворота, увидѣла помѣщеніе надъ въѣздомъ, съ настежь открытыми окнами, и Михаила Орлова [3]) въ халатѣ, съ трубкою въ рукахъ, наблюдающаго съ улыбкой за въѣзжающими.

Мы вошли къ коменданту; сейчасъ же привели подъ стражей моего мужа. Это свиданіе при постороннихъ было очень тягостно. Мы старались обнадежить другъ друга, но дѣлали это безъ убѣжденія. Я не смѣла его разспрашивать: всѣ взоры были обращены на насъ; мы обмѣнялись платками. Вернувшись домой, я поспѣшила узнать, что онъ мнѣ передалъ, но нашла лишь нѣсколько словъ утѣшенія, написанныхъ на одномъ углу платка, и которыя едва можно было разобрать.

---

[1]) См. Приложеніе IV.

[2]) Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, рожд. графиня Лаваль.

[3]) См. Приложеніе V.

très impatiente de la connaître, cette sœur; mon mari l'adorait, j'espérais beaucoup de son arrivée. Mon frère entendait la chose autrement; il se mit à me donner des inquiétudes pour mon enfant, m'assurant que le procès durerait longtemps (ce qui du reste était vrai), qu'il fallait m'assurer par moi-même si le cher petit était bien soigné, et que je rencontrerais indubitablement la princesse en route. Ne soupçonnant rien, je me décidai à partir, avec l'idée de ramener mon enfant avec moi. Je passai par Moscou afin d'y voir ma sœur Orloff. Ma belle-mère y était déjà installée dans ses fonctions de dame d'honneur. Elle me dit que Sa Majesté désirait me voir, qu'elle s'intéressait beaucoup à moi. Je pensais que c'était pour me parler de mon mari, car, dans des circonstances aussi graves, je ne comprenais l'intérêt pour moi qu'autant qu'il concernait mon mari. Pas du tout: on me parle de ma santé, de celle de mon père, de la pluie et du beau temps.....

Je me remis aussitôt en route. Mon frère avait arrangé les choses de manière que je me croisasse avec ma belle-sœur; elle qui était au fait de tout aurait pu m'instruire de la marche que prenait l'affaire. Je trouvai mon enfant assez pâle et chétif; on le fit vacciner, il tomba malade. Je ne recevais aucune nouvelle, l'on ne me remettait que les lettres les plus insignifiantes, les autres étaient détruites. J'attendais avec impatience le moment de partir; enfin mon frère m'apporte les journaux, et m'apprend la condamnation de mon mari. Il avait été dégradé avec ses camarades sur le glacis de la forteresse. Voici comment la chose s'était passée. C'était au petit jour, le 13 Juillet; on les rassembla tous pour les placer par catégories sur le glacis, en face de 5 potences. Serge, à peine arrivé, mit bas son surtout d'uniforme et le jeta dans le bûcher, ne voulant pas qu'on le lui arrachât. On avait dressé et allumé plusieurs bûchers pour consumer les uniformes et décorations de ces messieurs, ensuite on leur dit de se mettre tous à genoux, et des gendarmes venaient rompre une épée

Свекровь разспрашивала меня о своемъ сынѣ, говоря при этомъ, что не можетъ рѣшиться съѣздить къ нему, такъ какъ это свиданіе убило бы ее, — и уѣхала на другой день со вдовствующей Императрицей въ Москву, гдѣ уже начались приготовленія къ коронаціи. Моя золовка, Софья Волконская [1]), должна была пріѣхать въ скоромъ времени; она сопровождала тѣло покойной Императрицы Елизаветы Алексѣевны, которое везли въ Петербургъ. Я нетерпѣливо желала познакомиться съ этой сестрой, которую мужъ мой обожалъ. Я много ожидала отъ ея пріѣзда. Мой братъ смотрѣлъ на дѣло иначе; онъ сталъ внушать мнѣ опасенія относительно моего ребенка, увѣряя меня, что слѣдствіе продлится долго (что, впрочемъ, было и справедливо), что я должна бы лично удостовѣриться въ уходѣ за моимъ дорогимъ ребенкомъ, и что я, навѣрное, встрѣчусь съ княгиней въ дорогѣ. Не подозрѣвая ничего, я рѣшилась ѣхать съ мыслью привезти сюда сына. Я направилась на Москву, чтобы повидать сестру Орлову. Моя свекровь была уже тамъ въ качествѣ оберъ-гофмейстерины. Она мнѣ сказала, что Ея Величеству угодно меня видѣть, и что она принимаетъ во мнѣ большое участіе. Я думала, что Императрица хочетъ со мной говорить о моемъ мужѣ, ибо въ столь важныхъ обстоятельствахъ я понимала участіе къ себѣ лишь по скольку оно касалось моего мужа; вмѣсто того, со мной бесѣдуютъ о моемъ здоровьѣ, о здоровьѣ отца, о погодѣ....

Вслѣдъ затѣмъ я немедленно выѣхала. Братъ устроилъ такъ, чтобъ я разъѣхалась съ золовкой, которая, будучи въ курсѣ всего, могла бы меня посвятить въ направленіе, принятое дѣломъ. Я нашла своего ребенка блѣднымъ и хилымъ; ему привили оспу, онъ заболѣлъ. Я не получала никакихъ извѣстій; мнѣ передавались только самыя

---

[1]) См. Приложеніе VI.

au-dessus de chaque tête en signe de dégradation; on s'y prenait maladroitement: plusieurs de ces messieurs furent blessés à la tête. Ramenés en prison, ils ne reçurent plus leur nourriture habituelle, mais celle des forçats, ainsi que le costume: une veste et des pantalons de gros drap gris.

Cette scène fut suivie d'une autre bien plus cruelle à voir. Les cinq condamnés à mort furent amenés. Pestel, Serge Mouravieff, Riléieff, Bestougeff-Rumine (Michel) et Kahovsky furent exécutés, mais avec une maladresse affreuse: trois d'entre eux tombèrent et furent traînés de nouveau au pied de l'échafaud..... Leurs corps furent mis dans deux grandes caisses remplies de chaux vive, et enterrés au Голодаевъ островъ [1]). Une sentinelle en défendait l'approche. Je ne puis dépeindre cette scène, elle me bouleverse, elle me rend malade. Je ne me charge pas de la décrire. Le général Tchernicheff [2]) (qui fut fait comte et prince depuis) caracolait autour des cinq échafauds, lorgnant les cinq victimes et ricanant.

Mon mari fut privé de ses titres, biens, droits, condamné à 20 ans de travaux forcés et à l'exil perpétuel. Il fut expédié le 26 Juillet en Sibérie avec les princes Troubetskoy et Obolensky, Davidoff, Artamon Mouravieff, les frères Borissoff et Yakoubovitch [3]). Quand mon frère me l'apprit, je déclarai que j'allais le rejoindre; mon frère, devant aller à Odessa, me dit de ne pas bouger jusqu'à son retour, mais dès le lendemain de son départ, je pris un passeport et partis pour Pétersbourg. On me boudait dans la famille de mon mari parce que je n'avais pas répondu à leurs lettres. Je ne pouvais pas leur dire que mon frère les avait interceptées. On me disait des choses blessantes, mais pas un mot d'argent. Je ne pouvais leur dire non plus tout ce que je

[1]) «A l'île de Golodaï», à l'embouchure de la Néva.

[2]) Voir Appendice VII.

[3]) Voir Appendice VIII, *tiré des Archives* de la IIIme section de la Chancellerie de Sa Majesté.

безсодержательныя письма, остальныя уничтожались. Я съ нетерпѣніемъ ждала минуты своего отъѣзда; наконецъ, братъ приноситъ мнѣ газеты и объявляетъ, что мой мужъ приговоренъ. Его разжаловали одновременно съ товарищами на гласисѣ крѣпости. Вотъ какъ это произошло: 13-го іюля, на зарѣ, ихъ всѣхъ собрали и размѣстили по категоріямъ на гласисѣ противъ пяти висѣлицъ. Сергѣй, какъ только пришелъ, снялъ съ себя военный сюртукъ и бросилъ его въ костеръ: онъ не хотѣлъ, чтобъ его сорвали съ него. Было разложено и зажжено нѣсколько костровъ для уничтоженія мундировъ и орденовъ приговоренныхъ; затѣмъ имъ всѣмъ приказали стать на колѣни, при чемъ жандармы подходили и переламывали саблю надъ головой каждаго въ знакъ разжалованія; дѣлалось это неловко: нѣсколькимъ изъ нихъ поранили голову. По возвращеніи въ тюрьму, они стали получать не обыденную свою пищу, а положеніе каторжниковъ; также получили и ихъ одежду — куртку и штаны изъ грубаго сѣраго сукна.

За этой сценой послѣдовала другая, гораздо болѣе тяжелая. Привели пятерыхъ приговоренныхъ къ смертной казни. Пестель, Сергѣй Муравьевъ, Рылѣевъ, Бестужевъ-Рюминъ (Михаилъ) и Каховскій были повѣшены, но съ такой ужасной неловкостью, что трое изъ нихъ сорвались, и ихъ снова ввели на эшафотъ..... Ихъ тѣла были положены въ два большихъ ящика, наполненныхъ негашеной известью, и погребены на Голодаевомъ островѣ. Часовой не допускалъ до могилъ. Я не могу останавливаться на этой сценѣ: она меня разстраиваетъ, мнѣ больно ее вспоминать. Не берусь подробно ее описывать. Генералъ Чернышевъ [1]) (впослѣдствіи графъ и князь) гарцовалъ вокругъ пяти висѣлицъ, глядя въ лорнетъ на жертвы и посмѣиваясь.

---

[1]) См. Приложеніе VII.

souffrais de la part de mon père, qui ne voulait pas me laisser partir. J'engageai mes diamants, je payai quelques dettes de mon mari et écrivis une lettre à l'Empereur pour obtenir la permission d'aller le rejoindre. J'appuyais sur l'intérêt que Sa Majesté avait témoigné à toutes les femmes d'exilés, et le priais de mettre le comble à ses bontés en me permettant de partir. Voici sa réponse [1]):

«J'ai reçu, Princesse, la lettre que vous m'avez écrite du 15 de ce mois, j'y ai vu avec plaisir l'expression des sentiments que vous me témoignez pour l'intérêt que je vous porte, mais c'est à cause de cet intérêt même que je prends à vous que je crois devoir renouveler ici les avertissements que je vous ai déjà communiqués sur ce qui vous attend une fois passé Irkoutsk. Au reste, j'abandonne entièrement à votre propre conviction, Madame, de vous décider à tel parti que vous jugerez le plus convenable dans votre situation.

Votre affectionné

1826, (Signé) Nicolas».
le 21 Décembre.

Ici je dois vous raconter une scène dont je me souviendrai jusqu'à mon dernier souffle. Mon père était sombre, inabordable. Il fallait cependant lui dire que j'allais le quitter et que je le nommais tuteur de mon pauvre enfant, que l'on ne me permettait pas d'emmener. Je lui communiquai la réponse de Sa Majesté, alors mon pauvre père, ne se possédant plus, lève ses deux poings au-dessus de ma tête et s'écrie: «Je te maudis si tu ne reviens pas dans un an». Je ne répondis rien, je me jetai sur une couchette, j'enfonçai mon visage dans un coussin qui se trouvait là.

Mon père, ce héros de l'année 1812, ce caractère si ferme, si élevé, ce patriote, qui voyant ses troupes faiblir

[1]) Cette lettre de S. M. est écrite en français.

Моего мужа лишили титула, состоянія и гражданскихъ правъ и приговорили къ двадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ и къ пожизненной ссылкѣ. 26-го іюля его отправили въ Сибирь съ князьями Трубецкимъ и Оболенскимъ, Давыдовымъ, Артамономъ Муравьевымъ, братьями Борисовыми и Якубовичемъ [1]). Когда я узнала объ этомъ отъ брата, я ему объявила, что послѣдую за мужемъ; братъ, который долженъ былъ ѣхать въ Одессу, сказалъ мнѣ, чтобъ я не трогалась съ мѣста до его возвращенія, но на другой же день послѣ его отъѣзда я взяла паспортъ и уѣхала въ Петербургъ. Въ семьѣ мужа на меня сердились за то, что я не отвѣчала на ихъ письма. Не могла же я имъ сказать, что мой братъ ихъ перехватывалъ. Мнѣ говорили колкости, а о деньгахъ ни слова. Не могла я также говорить съ ними о томъ, что мнѣ приходилось переносить отъ отца, который не хотѣлъ отпускать меня. Я заложила свои брильянты, заплатила нѣкоторые долги мужа и написала письмо Государю, прося разрѣшенія слѣдовать за мужемъ. Я особенно опиралась на участіе, которое Его Величество оказывалъ къ женамъ сосланныхъ, и просила его завершить свои милости разрѣшеніемъ мнѣ отъѣзда. Вотъ его отвѣтъ [2]):

«Я получилъ, Княгиня, ваше письмо отъ 15 числа сего мѣсяца; я прочелъ въ немъ съ удовольствіемъ выраженіе чувствъ благодарности ко мнѣ за то участіе, которое я въ васъ принимаю; но, во имя этого участія къ вамъ, я и считаю себя обязаннымъ еще разъ повторить здѣсь предостереженія, мною уже вамъ высказанныя, относительно того, что васъ ожидаетъ, лишь только вы проѣдете далѣе Иркутска. Впрочемъ, предоставляю вполнѣ

---

[1]) См. Приложеніе VIII.

[2]) Письмо Государя написано по-французски.

à Dashkovka, saisit ses deux enfants, des adolescents encore, et se précipite dans le feu des ennemis -avait le cœur le plus tendre en famille; il ne pouvait supporter l'idée de mon exil, mon départ lui semblait quelque chose d'atroce.

Mon beau-frère, le prince Pierre Wolkonsky, ministre de la Maison de l'Empereur [1]), vint me prendre dans sa voiture pour dîner avec lui; chemin faisant il me disait: «Etes-vous sûre de revenir?»—«Je ne le désire même pas, à moins que cela ne soit avec Serge, mais, au nom de Dieu, ne le dites pas à mon père». Ces paroles me revinrent ensuite à l'esprit, et je compris le sens des assurances paternelles de la lettre de Sa Majesté. Je partis dans la nuit même, mes adieux avec papa furent muets: il me bénit et se détourna de moi, ne pouvant articuler une syllabe. Je me disais en le regardant: «C'est fini, je ne le reverrai plus, je suis morte pour ma famille». J'allai embrasser ma belle-mère, qui me fit remettre juste ce qu'il me fallait d'argent pour payer les chevaux jusqu'à Irkoutsk. J'avais fait acheter un kibitka [2]), mes paquets se firent en un instant: c'était un peu de linge, trois robes et la capote ouatée que j'avais sur moi. Je gardai le restant de mon argent pour la Sibérie, je l'avais cousu dans mon habit. Au moment de partir, j'allai m'agenouiller auprès du berceau de mon enfant, je priai longtemps. Il avait passé la soirée à jouer auprès de moi avec l'empreinte du cachet de la lettre qui m'autorisait à partir, à le quitter à jamais. Ce grand placard de cire rouge lui plaisait. Je recommandai mon pauvre enfant aux soins de ma belle-mère et de mes belles-sœurs, je m'arrachai d'auprès de lui et je sortis.

A Moscou je m'arrêtai chez Zénéide Wolkonsky [3]), ma troisième belle-sœur, qui m'accueillit avec une tendresse et une bonté que je n'ai j'amais oubliées: elle me combla de

---

[1]) Voir Appendice IX.

[2]) Traineau de poste à capote.

[3]) Voir Appendice X.

вашему усмотрѣнію избрать тотъ образъ дѣйствій, который покажется вамъ наиболѣе соотвѣтствующимъ вашему настоящему положенію.

Благорасположенный къ вамъ
1826. (подпись) Николай».
21 Декабря.

Теперь я должна вамъ разсказать сцену, которую я буду помнить до послѣдняго своего издыханія. Мой отецъ былъ все это время мраченъ и недоступенъ. Необходимо было, однакоже, ему сказать, что я его покидаю и назначаю его опекуномъ своего бѣднаго ребенка, котораго мнѣ не позволяли взять съ собою. Я показала ему письмо Его Величества; тогда мой бѣдный отецъ, не владѣя болѣе собой, поднялъ кулаки надъ моей головой и вскричалъ: «Я тебя прокляну, если ты черезъ годъ не вернешься». Я ничего не отвѣтила, бросилась на кушетку и спрятала лицо въ подушку.

Мой отецъ, этотъ герой 1812 года, съ твердымъ и возвышеннымъ характеромъ, — этотъ патріотъ, который, при Дашковкѣ, видя, что войска его поколебались, схватилъ двоихъ своихъ сыновей, еще отроковъ, и бросился съ ними въ огонь непріятеля, — нѣжно любилъ свою семью; онъ не могъ вынести мысли о моемъ изгнаніи, мой отъѣздъ представлялся ему чѣмъ-то ужаснымъ.

Мой шуринъ, князь Петръ Волконскій, министръ Двора [1]), заѣхалъ за мной, чтобы вести къ себѣ обѣдать, и дорогой спросилъ: «Увѣрены ли вы въ томъ, что вернетесь»? — «Я и не желаю возвращаться, развѣ лишь съ Сергѣемъ, но, Бога ради, не говорите этого моему отцу». Позже мнѣ припомнились эти слова, и я поняла смыслъ отеческихъ предостереженій, заключав-

[1]) См. Приложеніе IX.

soins et d'attentions. Elle était tout cœur et compassion pour moi: connaissant ma passion pour la musique, elle fit venir tout ce qu'il y avait de chanteurs italiens à Moscou et de jolis talents parmi les demoiselles. J'étais transportée d'admiration pour ce beau chant italien, et la pensée que je l'entendais pour la dernière fois m'exaltait encore plus. J'avais pris froid en route, j'avais une extinction de voix complète, et tout ce que l'on chantait était des morceaux que j'avais le mieux étudiés: j'étais tourmentée de ne pouvoir y participer. Je leur disais: «Encore, encore, songez que je n'entendrai jamais plus de musique»[1]. Pouchkine, notre grand poète, était là, je le connaissais depuis longtemps. Il avait été accueilli par mon père lors des persécutions de l'Empereur Alexandre I contre lui pour des poésies jugées incendiaires. Papa s'intéressa à ce pauvre jeune homme doué d'un si grand talent, et le prit dans le temps avec nous aux eaux du Caucase, sa santé étant fortement ébranlée. Pouchkine ne l'a jamais oublié: lié d'amitié avec mes frères, il nous portait à tous un sentiment de dévouement profond.

Comme poète, il croyait de son devoir d'être amoureux de toutes les jolies femmes et jeunes demoiselles qu'il rencontrait. Je me souviens que pendant ce voyage, non loin de Taganrog, j'étais en voiture avec Sophie[2], notre anglaise, une bonne russe, une demoiselle de compagnie. En apercevant la mer, nous fîmes arrêter, et voilà que toute la fournée sort du carrosse et se précipite pour la contempler. Elle était couverte de vagues, et ne me doutant pas que le poète nous suivait, je m'amusais à courir après la vague et à la fuir quand elle venait sur moi; elle finit par me baigner les pieds. Je me gardai bien de le dire et je rentrai en voiture. Pouchkine trouva ce tableau si gracieux qu'il en fit de charmants vers poétisant un jeu d'enfant; je n'avais que 15 ans alors:

---

[1]) Une description de cette soirée a été retrouvée dans les papiers du poète Vénévitinoff; nous la donnons à fin de notre Préface (XXX).

[2]) Sophie Raïevsky, sœur cadette de l'auteur.

шихся въ письмѣ Его Величества. Въ ту же ночь я выѣхала; съ отцомъ мы разстались молча; онъ меня благословилъ и отвернулся, не будучи въ силахъ выговорить ни слова. Я смотрѣла на него и говорила себѣ: «Все кончено, больше я его не увижу, я умерла для семьи». Я заѣхала обнять свекровь, которая велѣла мнѣ вручить какъ разъ столько денегъ, сколько нужно было заплатить за лошадей до Иркутска. У меня была куплена кибитка; я уложилась въ одну минуту, взяла съ собой немного бѣлья и три платья, да ватошный капотъ, который надѣла. Остальныя свои деньги я берегла для Сибири, зашивъ ихъ въ свое платье. Передъ отъѣздомъ, я стала на колѣни у люльки моего ребенка; я молилась долго. Весь этотъ вечеръ онъ провелъ около меня, играя печатью письма, которымъ мнѣ разрѣшалось ѣхать и покинуть его навсегда. Его забавлялъ большой красный сургучъ этой печати. — Я поручила своего бѣднаго малютку попеченію свекрови и невѣстокъ, и, съ трудомъ оторвавшись отъ него, вышла.

Въ Москвѣ я остановилась у Зинаиды Волконской [1]), моей третьей невѣстки; она меня приняла съ нѣжностью и добротой, которыя остались мнѣ памятны навсегда; окружила меня вниманіемъ и заботами, полная любви и состраданія ко мнѣ. Зная мою страсть къ музыкѣ, она пригласила всѣхъ итальянскихъ пѣвцовъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ, и нѣсколькихъ талантливыхъ дѣвицъ московскаго общества. Я была въ восторгѣ отъ чуднаго итальянскаго пѣнія, а мысль, что я слышу его въ послѣдній разъ, еще усиливала мой восторгъ. Въ дорогѣ я простудилась и совершенно потеряла голосъ, а пѣли именно тѣ вещи, которыя я лучше всего знала; меня мучила невозможность принять участіе въ пѣніи.

---

[1]) См. Приложеніе X.

Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами [1])!

Plus tard, dans le poëme: «La Fontaine de Bachtchi-saraï», il dit:

...ея очи
Яснѣе дня,
Темнѣе ночи [2]).

Dans le fait il n'adorait que sa Muse, et prêtait de la poésie à tout ce qu'il voyait. Mais à l'époque de l'exil volontaire des femmes des détenus en Sibérie, il était plein d'enthousiasme réel: il voulait me confier son «Посланіе къ узникамъ» [3]) pour le remettre à ces Messieurs, mais je partis dans la nuit, il le confia à Alexandrine Mouravieff, et le voici:

«Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье.
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

* * *

Несчастью вѣрная сестра —
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора!

---

[1]) Combien j'enviais les vagues
Qui venaient, l'une après l'autre,
Se coucher avec amour à ses pieds!
Combien je désirais, avec les vagues,
Toucher de mes lèvres ses pieds charmants!
(Eugène Onéguine, chap. I, chant XXXIII).

[2]) ... Ses yeux
Plus clairs que le jour,
Plus sombres que la nuit.

[3]) «Epître aux détenus».

Я говорила имъ: «Еще, еще, подумайте, вѣдь я никогда больше не услышу музыки» [1]). Тутъ былъ и Пушкинъ, нашъ великій поэтъ; я его давно знала; мой отецъ пріютилъ его въ то время, когда онъ былъ преслѣдуемъ Императоромъ Александромъ I за стихотворенія, считавшіяся революціонными. Отецъ принялъ участіе въ бѣдномъ молодомъ человѣкѣ, одаренномъ такимъ громаднымъ талантомъ, и взялъ его съ собой, когда мы ѣздили на Кавказскія воды, такъ какъ здоровье его было сильно расшатано. Пушкинъ этого никогда не забылъ; онъ былъ связанъ дружбою съ моими братьями и ко всѣмъ намъ питалъ чувство глубокой преданности.

Въ качествѣ поэта, онъ считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ встрѣчалъ. Я помню, какъ во время этого путешествія, недалеко отъ Таганрога, я ѣхала въ каретѣ съ Софьей [2]), нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя изъ кареты, бросилась къ морю любоваться имъ. Оно было покрыто волнами, и, не подозрѣвая, что поэтъ шелъ за нами, я стала, для забавы, бѣгать за волной и вновь убѣгать отъ нея, когда она меня настигала; подъ конецъ у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась въ карету. Пушкинъ нашелъ эту картину такой красивой, что воспѣлъ ее въ прелестныхъ стихахъ, поэтизируя дѣтскую шалость; мнѣ было только 15 лѣтъ.

Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами [3])!

---

[1]) Въ бумагахъ поэта Веневитинова найдено описаніе этого вечера. Помѣщаемъ его въ концѣ нашего Предисловія къ этой книгѣ (стр. XXXI).

[2]) Софья Николаевна Раевская, сестра автора.

[3]) Евгеній Онѣгинъ, гл. I, пѣснь XXXIII.

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы —
Доходитъ мой свободный гласъ.

* * *

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ» [1]).

Réponse du prince Odoïevsky, détenu politique, condamné aux travaux forcés:

«Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
Къ мечамъ рванулись наши руки
И лишь оковы обрѣли.

* * *

Но будь спокоенъ, Бардъ,—цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,

---

[1]) Dans les profondeurs des mines de la Sibérie
Gardez votre patience altière,
Votre labeur si triste ne sera pas perdu,
Ni les aspirations élevées de vos âmes.

* * *

Sœur fidèle de l'infortune,
L'espérance descendra dans vos sombres souterrains
Pour réveiller le courage et la joie,
Et le moment désiré viendra!

* * *

L'amour et l'amitié
Arriveront à vous forçant les sombres verrous
Comme dans les souterrains de vos travaux forcés
Parvient l'appel de ma voix.

* * *

Vos fers pesants tomberont,
Les prisons crouleront, et la liberté
Vous recevra, joyeuse, à la sortie,—
Et vos frères vous rendront votre glaive.

Позже, въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», онъ сказалъ:

...ея очи
Яснѣе дня,
Темнѣе ночи.

Въ сущности, онъ любилъ лишь свою музу и облекалъ въ поэзію все, что видѣлъ. Но во время добровольнаго изгнанія въ Сибирь женъ декабристовъ, онъ былъ полонъ искренняго восторга; онъ хотѣлъ мнѣ поручить свое «Посланіе къ узникамъ», для передачи сосланнымъ, но я уѣхала въ ту же ночь, и онъ его передалъ Александрѣ Муравьевой. Вотъ оно:

«Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

* * *

Несчастью вѣрная сестра —
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора!

* * *

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

* * *

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ».

Отвѣтъ князя Одоевскаго, государственнаго преступника, приговореннаго къ каторжнымъ работамъ:

«Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

И за затворами тюрьмы
Обѣтъ святой пребудетъ съ нами.

* * *

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ,
Изъ искры возгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя» [1]).

* * *

. . . . . .

Pouchkine me disait: «J'ai le projet de faire un ouvrage sur Pougatcheff. J'irai sur les lieux, je passerai l'Oural, je pousserai plus loin et viendrai vous demander asile dans les mines de Nertchinsk». Il fit son bel ouvrage admiré de tous, mais il ne vint pas dans nos régions.

Ma sœur Orloff était venue pour me dire adieu à Moscou; son mari, l'un des chefs de la Société, était pour lors tranquillement établi à la campagne: le comte Orloff, son frère,

---

[1]) Les sons vibrants de la lyre prophétique
Sont parvenus à notre oreille,
Nos mains se sont jetées vers les glaives
Et n'ont saisi que des fers.

* * *

Mais sois sans crainte, ô Barde!
Nous sommes fiers de nos chaînes et de notre sort,
Et sous les verrous de la prison
Nous garderons notre vœu sacré.

* * *

Notre sombre labeur ne sera pas perdu,
De l'étincelle naîtra la flamme,
Et notre peuple, éclairé,
Se groupera sous le saint étendard.

* * *

. . . . . .

Но будь спокоенъ, Бардъ, — цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Обѣтъ святой пребудетъ съ нами.

* * *

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ;
Изъ искры возгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

* * *

. . . . . .

Пушкинъ мнѣ говорилъ: «Я намѣренъ написать книгу о Пугачевѣ. Я поѣду на мѣсто, переѣду черезъ Уралъ, поѣду дальше и явлюсь къ вамъ просить пристанища въ Нерчинскихъ рудникахъ». Онъ написалъ свое великолѣпное сочиненіе, всѣми восхваляемое, но до насъ не доѣхалъ.

Сестра Орлова пріѣхала въ Москву проститься со мной. Ея мужъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей Общества, проживалъ тогда спокойно въ деревнѣ: его спасъ братъ его, графъ Орловъ, какъ при помощи отвѣтовъ, которые онъ помогалъ ему давать на запросы, присылаемые въ тюрьму, такъ и въ силу благосклонности, которою онъ пользовался у Его Величества. Я забросала сестру вопросами о дѣлѣ, она отвѣчала уклончиво. Что меня больше всего мучило, это то, что я прочла въ напечатанномъ приговорѣ, будто мой мужъ поддѣлалъ фальшивую печать, съ цѣлью вскрытія правительственныхъ бумагъ. Я спросила сестру со слезами на глазахъ: «Ужели правда, что Сергѣй былъ поддѣльщикомъ»? Она мнѣ отвѣтила, что это вздоръ, и старалась меня успокоить, но ничего мнѣ не объяснила; вѣроятно, она боялась, какъ бы я не стала объ этомъ разсказывать до своего

l'avait sauvé, tant par les réponses qu'il lui faisait faire aux papiers qu'il recevait en prison, que par la faveur dont il jouissait auprès de Sa Majesté. Je faisais mille questions sur l'affaire à ma sœur, elle me répondait évasivement; ce qui me tourmentait le plus, c'était que j'avais lu dans l'imprimé de la condamnation que mon mari avait fabriqué un faux cachet pour ouvrir les paquets du Gouvernement. Je demandais à ma sœur les larmes aux yeux: «Est-il vrai que Serge ait été faussaire»? Elle me répondit que c'étaient des bêtises et tâcha de me calmer, mais ne m'expliqua rien; elle craignait probablement que je n'en parlasse avant mon départ, et m'a avoué que c'était pour sauver son mari que Serge avait ouvert, non pas un papier, mais une lettre, y étant presque autorisé par Kisséleff [1]), auquel elle était adressée. Voici comment la chose s'est passée. L'année 1822 il y avait eu des désordres dans la 16 division commandée par Michel Orloff, dont l'entourage était peu prudent dans ses discours aux élèves des écoles, d'après la méthode de Lancastre, que Michel avait introduite en Russie. Toutes ces paroles imprudentes et intempestives se transmettaient aux sous-officiers et soldats, il en résulta un acte d'insubordination dont on fit un rapport à l'Empereur Alexandre I, qui ordonna de faire une enquête. Le général Kisséleff, chef d'Etat-Major de la 2me armée, était très lié avec Michel et Serge; devant partir pour l'étranger à cause de l'état de santé de sa femme, il dit à mon mari: «Je suis fâché de ne pouvoir rester quelques jours de plus. J'attends une lettre concernant l'affaire de Michel. Je vous l'aurais communiquée afin de le prévenir de ce qui arrive». Cette lettre fut remise dès le lendemain à mon mari qui en prit connaissance, la recacheta avec le premier cachet venu et donna à Michel le moyen de préparer ses réponses. Ce trait, non seulement n'est point une action coupable,

---

[1]) Voir Appendice XI.

отъѣзда; но подъ конецъ созналась мнѣ въ томъ, что Сергѣй для того, чтобы спасти ея мужа, распечаталъ не казенную бумагу, а письмо, будучи къ тому почти уполномоченнымъ Киселевымъ, къ которому оно было адресовано. Вотъ какъ было дѣло: въ 1822 году произошли безпорядки въ 16-й дивизіи, которою командовалъ Михаилъ Орловъ; его окружающіе были мало сдержанны въ своихъ словахъ къ ученикамъ школъ, устроенныхъ по методу Ланкастера, введенному въ Россіи Михаиломъ *(Орловымъ)*. Всѣ эти неосторожныя и несвоевременныя слова передавались унтеръ-офицерамъ и рядовымъ; они повели къ нарушенію порядка подчиненія, о чемъ было доведено до Императора Александра I, который приказалъ назначить слѣдствіе. Генералъ Киселевъ [1]), начальникъ штаба 2-й арміи, былъ очень друженъ съ Михаиломъ и Сергѣемъ; будучи вынужденъ ѣхать за границу, по нездоровью своей жены, онъ сказалъ моему мужу: «Мнѣ досадно, что я не могу остаться еще нѣсколько дней: я жду письма относительно дѣла Михаила, я бы его сообщилъ вамъ, дабы вы могли предупредить его о томъ, что дѣлается». На другой же день это письмо было получено моимъ мужемъ, который его прочелъ, запечаталъ первой попавшейся печатью и, такимъ образомъ, далъ Михаилу возможность приготовить свои отвѣты. Такой поступокъ не только не предосудителенъ, но даже не представляетъ злоупотребленія довѣріемъ, такъ какъ Киселевъ желалъ, чтобы это письмо было извѣстно Орлову.

Но возвратимся къ моему путешествію. Сестра, видя, что я уѣзжаю безъ шубы, испугалась за меня и, снявъ съ своихъ плечъ салопъ на мѣху, надѣла его на меня. Кромѣ того, она снабдила меня книгами, шерстями для рукодѣлья и рисунками. Я должна была провести два дня

---

[1]) См. Приложеніе XI.

mais n'est pas même un abus de confiance, vu que Kisséleff tenait à en instruire Orloff.

Mais revenons à mon voyage; ma sœur, me voyant partir sans pelisse, s'en effraya, et, ôtant son manteau fourré de dessus ses épaules, elle le mit sur les miennes, de plus elle me donna des livres, des laines, des dessins. J'ai dû rester deux jours à Moscou, ne pouvant me refuser à voir les parents de nos exilés, qui m'apportaient des lettres pour eux et tant d'envois, que je dus prendre un second kibitka pour les emporter avec moi. Je quittai Moscou le cœur serré, mais non découragé. Je n'avais avec moi qu'un domestique et une femme de chambre prise la veille, которая все «по паспорту ходила» [1]), et s'est trouvée être fort peu recommandable. J'allais nuit et jour, ne m'arrêtant et ne dînant nulle part, je prenais tout simplement du thé là, où je trouvais le samovar tout prêt, l'on me donnait un morceau de pain ou de n'importe quoi en équipage, ou bien un verre de lait, et tout était fini. Je dépassai un jour une chaîne de forçats dans une forêt; ils étaient dans la neige jusqu'à la ceinture, le chemin d'hiver n'étant pas frayé encore; leurs figures étaient repoussantes de malpropreté et de misère. Je me disais: «Est-ce que Serge est aussi exténué, aussi barbu et les cheveux en désordre»?

J'arrivai à Kazan dans la soirée: c'était la veille de l'an. On me fit descendre, je ne sais pas pourquoi, dans un hôtel; la maison de la Noblesse était dans la même cour, les salons en étaient brillamment éclairés, et je voyais les masques entrer pour le bal. Je me disais: quel contraste! ici l'on va danser, s'amuser, et moi je vais dans un gouffre. Tout est fini pour moi: plus de chant, plus de danse. Cet enfantillage

---

[1]) «Qui, munie d'un passeport, passait de place en place».—Les paysans, serfs jusqu'à l'émancipation de 1861, devaient, pour avoir le droit de servir ailleurs, être munis d'un passeport délivré par le propriétaire des terres auxquelles ils appartenaient.

въ Москвѣ, такъ какъ не могла не повидать родственниковъ нашихъ сосланныхъ; они мнѣ принесли письма для нихъ и столько посылокъ, что мнѣ пришлось взять вторую кибитку, чтобы везти ихъ. Я покидала Москву, скрѣпя сердце, но не падая духомъ; со мной были только человѣкъ и горничная, которая все «по паспорту ходила» и оказалась очень ненадежной. Я ѣхала день и ночь, не останавливаясь и не обѣдая нигдѣ; я просто пила чай тамъ, гдѣ находила поставленный самоваръ; мнѣ подавали въ кибитку кусокъ хлѣба, или что попало, или же стаканъ молока, и этимъ все ограничивалось. Однажды въ лѣсу я обогнала цѣпь каторжниковъ; они шли по поясъ въ снѣгу, такъ какъ зимній путь еще не былъ проложенъ; они производили отталкивающее впечатлѣніе своей грязью и нищетой. Я себя спрашивала: «Неужели Сергѣй такой же истощенный, обросшій бородой и съ нечесаными волосами»?

Я пріѣхала въ Казань вечеромъ; былъ канунъ Новаго года; меня высадили, не знаю почему, въ гостиницѣ; дворянское собраніе было на томъ же дворѣ, залы его были ярко освѣщены, и я видѣла входящія на балъ маски. Я говорила себѣ: «Какая разница! Здѣсь собираются танцовать, веселиться, а я, я ѣду въ пропасть: для меня все кончено, нѣтъ больше ни пѣсенъ, ни танцевъ». Это ребячество было простительно въ моемъ возрастѣ: мнѣ только что минулъ 21 годъ. Мои мысли были прерваны появленіемъ чиновника военнаго губернатора; онъ меня предупреждалъ, что я лучше сдѣлаю, если вернусь обратно, такъ какъ княгиня Трубецкая, которая проѣхала раньше меня, должна была остановиться въ Иркутскѣ (ее не пустили дальше), а вещи ея подвергли обыску. Я ему отвѣтила, что всѣ предосторожности мною приняты, и что меня пропустятъ, такъ какъ у меня есть на то разрѣшеніе Государя Императора. Это мнѣ напоминаетъ, какъ сестра

de ma part est pardonnable à mon âge, je venais à peine d'avoir 21 ans. Je fus troublée dans mes pensées par l'entrée d'un agent du gouverneur militaire, qui m'avertissait que je ferais mieux de retourner sur mes pas, vu que la princesse Troubetskoy, qui me précédait, avait dû s'arrêter à Irkoutsk (on ne la laissait pas aller plus loin), et que ses effets avaient été visités. Je lui répondis que j'avais pris mes précautions et qu'on me laisserait passer, vu que j'en avais la permission de S. M. l'Empereur. Cela me fait souvenir que pour m'empêcher de partir ma sœur Orloff me disait: «Qu'allez-vous faire? votre mari s'est peut-être adonné à la boisson, il s'est abruti»! — «Raison de plus pour moi de partir», lui ai-je répondu.

Je me remis en route: le temps était affreux, l'aubergiste me dit qu'il serait plus prudent d'attendre, que le chasse-neige [1]) allait venir.

Je pensai que j'aurais bien autre chose à braver en Sibérie. Je fis baisser la рогожа [2]) attachée au bout du kibitka, et me voilà partie. Mais je ne connaissais pas les chasse-neige des steppes; la neige s'amoncelait sur notre couverture, nous avions une montagne entre le cocher et nous. Je fis sonner ma montre: il était minuit: *mon nouvel an, mon réveillon!* Je me tournai vers ma femme de chambre pour lui souhaiter la bonne année, n'ayant personne d'autre à qui le dire, mais elle était de si mauvaise humeur, je trouvai sa mine si repoussante que je m'adressai au ямщикъ (postillon): «Съ новымъ годомъ тебя поздравляю!» [3]); et ma pensée se reporta vers mes parents, ma jeunesse, mon enfance. Combien ce jour était fêté de tout temps chez nous, que de joies, que de plaisirs! Et mon pauvre Serge, que fait-il? La triste réalité m'apparut dans toute sa gravité, je ne pensais plus

---

[1]) Tourmente de neige.

[2]) Capote.

[3]) «Je te souhaite la bonne année».

Орлова, чтобъ помѣшать мнѣ ѣхать, говорила: «Что ты дѣлаешь? Твой мужъ, можетъ-быть, запилъ, опустился»! «Тѣмъ болѣе мнѣ надо ѣхать», отвѣчала я.

Я продолжала путь; погода была ужасная; хозяинъ гостиницы мнѣ сказалъ, что было бы осторожнѣе обождать, потому что будетъ метель.

Я подумала, что не съ тѣмъ еще мнѣ придется бороться въ Сибири, велѣла опустить рогожу съ верха кибитки и поѣхала. Но я не знала степныхъ метелей: снѣгъ скоплялся на полости кибитки, между нами и ямщикомъ образовалась цѣлая снѣжная гора. Я заставила прозвонить свои часы, они пробили полночь — *мой Новый годъ, моя встрѣча Новаго года!* Я повернулась къ своей горничной, чтобы пожелать ей хорошаго года, не имѣя никого другого, кого поздравить; но она была такъ не въ духѣ, я нашла ея выраженіе лица такимъ отталкивающимъ, что обратилась къ ямщику: «Съ Новымъ годомъ тебя поздравляю»! И моя мысль перенеслась къ моимъ родителямъ, къ моей молодости, моему дѣтству. Какъ этотъ день всегда у насъ праздновался, сколько радостей, сколько удовольствій! А мой бѣдный Сергѣй, что съ нимъ? Тяжелая дѣйствительность представилась мнѣ во всей своей силѣ; я продолжала думать только о мужѣ. Лошади стали; ямщикъ мнѣ объявилъ, что мы сбились съ дороги, и что надо выйти и искать убѣжища. Къ счастью, неподалёку оказалось зимовье дровосѣка, мы вошли въ него; я велѣла затопить печь, заварила чай для людей и дождалась утра, чтобы продолжать путь. Такъ ѣхала я въ продолженіе 15 дней, то пѣла, то говорила стихи, не встрѣтивъ на пути ничего примѣчательнаго; я не видѣла мѣстности, черезъ которую проѣзжала: холодъ стоялъ сильный, и кибитка была закрыта. Однажды вечеромъ слуга сказалъ мнѣ, что мы подъѣзжаемъ къ станціи; я приказала поднять рогожу и увидѣла большіе

qu'à mon mari. Les chevaux n'allaient plus, le cocher me dit que nous avions perdu notre chemin, qu'il fallait descendre pour trouver un asile. Fort heureusement la cabane (зимовье) d'un bûcheron était à côté, nous y entrâmes; je fis faire un grand feu, du thé pour les gens, et j'attendis le jour pour suivre ma route. J'allai ainsi pendant 15 jours, tantôt chantant, tantôt récitant des vers, sans rien rencontrer d'intéressant; je ne voyais rien du pays que je traversais, le froid était intense et le kibitka couvert. Un soir mon domestique me dit que nous approchions d'une station, je fis ouvrir et je vis de grands feux au milieu d'un village, c'était des bûchers (костры) que l'on entretenait pour donner la possibilité à une foule de gens de se réchauffer; femmes, enfants, soldats, paysans, tous se groupaient autour. Je demandai: «Qu'est-ce»? — «C'est la caravane d'argent (серебрянка) qui arrive de Nertchinsk». Me voilà enchantée, j'aurai des nouvelles de mon mari. Je vais à la maison de poste et me fais donner du thé pour avoir une contenance; je vois entrer l'officier qui conduisait la caravane; il n'ôte pas son bonnet, ne quitte point sa pipe et lance des bouffées d'un tabac détestable; son sac à tabac graisseux était pendu au bouton de son surtout. Malgré son apparence grossière, je lui demande où se trouvent les prisonniers d'Etat? il me toise du regard et me dit en se détournant pour sortir: «Je ne les connais pas et ne veux pas les connaître». (C'était un nommé Fitinhoff, enfermé plus tard pour mœurs infâmes au couvent de Solovetsky). Alors un de ses soldats, confus pour son chef, s'approche de moi et me dit à voix basse: «Je les ai vus, ils se portent bien et sont dans le pays de Nertchinsk, dans les mines de Blagodatsk». Le brave homme s'est montré plus humain et plus délicat que son chef. Mon voyage n'offrit plus aucun incident, si ce n'est que les chevaux s'emportèrent à la descente de la plus haute montagne de l'Altaï. Je sautai dans la neige sans me faire le moindre mal.

костры, разложенные среди деревни; ихъ поддерживали, чтобъ дать возможность толпѣ народа обогрѣться: женщины, дѣти, солдаты, крестьяне — всѣ стояли вокругъ огней. Я спросила: «Что это»? — «Это Серебрянка изъ Нерчинска». Я въ восторгѣ: получу извѣстіе о мужѣ. Иду на почтовую станцію и, для вида, спрашиваю себѣ чаю. Входитъ офицеръ, провожающій Серебрянку; онъ не снимаетъ фуражки и продолжаетъ курить, выпуская клубы дыма отъ отвратительнаго табака; засаленный кисетъ съ табакомъ висѣлъ у него на пуговицѣ сюртука. Несмотря на его грубый видъ, я у него спрашиваю, гдѣ находятся государственные преступники? Онъ взглянулъ на меня въ упоръ и сказалъ, повернувшись спиной и уходя: «Я ихъ не знаю и знать не хочу». (Это былъ нѣкто Фитингофъ, заключенный впослѣдствіи въ Соловецкій монастырь за безнравственную жизнь). Тогда одинъ изъ его солдатъ, стыдясь за своего начальника, подходитъ ко мнѣ и говоритъ въ полъ-голоса: «Я ихъ видѣлъ, они здоровы, они въ Нерчинскомъ округѣ, въ Благодатскомъ рудникѣ». Этотъ добрякъ показалъ себя болѣе человѣчнымъ и вѣжливымъ, чѣмъ его начальникъ. Мое путешествіе не имѣло больше никакихъ приключеній, если не считать, что лошади меня понесли съ самой высокой горы Алтая; я выпрыгнула въ снѣгъ, не сдѣлавъ себѣ ни малѣйшаго вреда.

Иркутскъ.

Пріѣхавъ въ Иркутскъ, главный городъ Восточной Сибири, я нашла его красивымъ, мѣстность чрезвычайно живописною, рѣку великолѣпною, хотя она и была покрыта льдомъ. Я пошла прежде всего въ первую церковь, которая мнѣ встрѣтилась, чтобы отслужить благодарственный молебенъ; служившій священникъ оказался

Irkoutsk.

Arrivée à Irkoutsk, capitale de la Sibérie Orientale, je trouvai la ville jolie, le site fort beau, la rivière superbe [1]), quoique couverte de glaces. J'allai avant tout à la première église qui se présenta à mon regard, pour y faire dire un Te Deum d'actions de grâces. Le prêtre qui officiait était justement celui qui plus tard devint le chapelain de notre prison [2]). Rentrée chez moi, ma surprise, mon ravissement étaient au comble. Je vis un piano que ma chère Zénéïde Wolkonsky avait fait attacher derrière mon kibitka à mon insu. Cette surprise m'était précieuse, car il n'y avait qu'un seul piano à cette époque à Irkoutsk, et c'est au gouverneur qu'il appartenait. Je me mis à jouer, à chanter, je ne me sentais plus si seule. Le logement où je me trouvais était justement celui que Catache avait quitté le jour même pour aller au Transbaïkal. Le gouverneur civil, Mr Zeidler, vieil allemand, vint me voir de suite pour m'endoctriner, m'engager à retourner en Russie. Il en avait reçu l'ordre. Sa Majesté voyait d'un mauvais œil le départ de nous autres jeunes femmes, cela jetait trop d'intérêt sur les pauvres exilés. Comme il leur était défendu d'écrire à leurs parents, on espérait que ces pauvres gens seraient bientôt oubliés en Russie, tandis qu'il était impossible de nous défendre, à nous, d'écrire, et par là même d'entretenir les relations de parenté.

Le gouverneur, me voyant bien décidée à partir, me dit: «Songez donc aux conditions que vous allez signer». «Je le ferai sans les lire». «Je dois faire visiter tous vos effets, il y a défense pour le moindre objet de prix». Sur quoi il partit, et m'envoya une nuée de *tchinovniks* [3]). Ils n'eurent

---

[1]) Angara, affluent du Yénisseï.

[2]) Le Père Pierre Gromoff, nommé plus tard à l'Usine de Pétrovsk comme aumônier de la prison, où il fut aimé et respecté des détenus.

[3]) Employés de l'Etat.

впослѣдствіи настоятелемъ въ нашей тюрьмѣ [1]). — Моему удивленію и восторгу не было предѣла, когда я увидѣла клавикорды, которые моя милая Зинаида Волконская велѣла привязать сзади моей кибитки, тихонько отъ меня. Это вниманіе было мнѣ тѣмъ болѣе цѣнно, что въ то время во всемъ Иркутскѣ имѣлось лишь одно фортепіано, которое принадлежало губернатору. Я сѣла играть и пѣть и не чувствовала себя уже такой одинокой. Занимаемая мною квартира была именно та, изъ которой Каташа выѣхала въ этотъ самый день въ Забайкалье. Гражданскій губернаторъ Цейдлеръ, старый нѣмецъ, тотчасъ же пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы наставлять меня и уговорить возвратиться въ Россію. Это ему было приказано. Его Величество не одобрялъ слѣдованія молодыхъ женъ за мужьями: этимъ возбуждалось слишкомъ много участія къ бѣднымъ сосланнымъ. Такъ какъ послѣднимъ было запрещено писать родственникамъ, то надѣялись, что этихъ несчастныхъ скоро забудутъ въ Россіи, между тѣмъ какъ намъ, женамъ, невозможно было запретить писать и тѣмъ самымъ поддерживать родственныя отношенія.

Губернаторъ, видя мою рѣшимость ѣхать, сказалъ мнѣ: «Подумайте же, какія условія вы должны будете подписать». — «Я ихъ подпишу, не читая». — «Я долженъ велѣть обыскать всѣ ваши вещи, вамъ запрещено имѣть малѣйшія цѣнности». Съ этими словами онъ ушелъ и прислалъ ко мнѣ цѣлую ватагу чиновниковъ. Имъ пришлось переписывать очень мало: немного бѣлья, три платья, семейные портреты и дорожную аптечку; затѣмъ они открыли ящики съ посылками. Я имъ сказала, что все это предназначается для моего мужа; тогда мнѣ предъявили къ подписи пресловутую подписку, при чемъ они мнѣ сказали, чтобы я сохранила съ нея копію, дабы хоро-

[1]) О. Петръ Громовъ, переведенный впослѣдствіи въ Петровскій заводъ и оставившій въ заключенныхъ благодарную память.

pas grand'chose à inscrire: un peu de linge, trois robes, des portraits de famille et une pharmacie portative; puis ils ouvrirent les caisses d'envois. Je leur dis que tout cela était pour mon mari, puis on me présenta le fameux papier à signer, ils me dirent d'en garder copie pour m'en bien souvenir. Quand ils furent partis, mon domestique, qui l'avait lu, me dit les larmes aux yeux: «Princesse, qu'avez-vous fait, lisez donc ce que l'on exige de vous»?—«Cela m'est égal, emballons vite et partons».

Voici la traduction du papier:

1°.

«La femme qui a suivi son mari en Sibérie et continue de vivre conjugalement avec lui, doit nécessairement partager son sort. Elle renonce par là à tous les droits de sa position première et ne sera plus considérée que comme la femme d'un forçat exilé. Elle doit supporter tout ce que cette position a de pénible, vu que *même les autorités ne seront pas en état de la défendre* contre les insultes et les avances incessantes de gens dépravés faisant partie de la classe la plus méprisable, qui croiront avoir le droit d'outrager et même de violer la femme d'un criminel d'Etat partageant leurs propres sorts. Les criminels endurcis ne craignent pas les punitions.

шенько ее запомнить. Когда они вышли, мой человѣкъ, прочитавшій ее, сказалъ мнѣ со слезами на глазахъ: «Княгиня, что вы сдѣлали, прочтите же, что они отъ васъ требуютъ»! — «Мнѣ все равно, уложимся скорѣй и поѣдемъ».

Вотъ эта подписка:

1°.

«Жена, слѣдуя за своимъ мужемъ и продолжая съ нимъ супружескую связь, сдѣлается естественно причастной его судьбѣ и потеряетъ прежнее званіе, то есть будетъ уже признаваема не иначе, какъ женою ссыльно-каторжнаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя переносить все, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, ибо даже и *начальство не въ состояніи будетъ защищать ее* отъ ежечасныхъ, могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго, презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ ними участь, себѣ подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственныя. Закоренѣлымъ злодѣямъ не страшны наказанія.

2°.

Дѣти, которыя приживутся въ Сибири, поступятъ въ казенные заводскіе крестьяне.

3°.

Ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собой взять не дозволено; это запрещается существующими правилами и нужно для собственной ихъ безопасности по причинѣ, что сіи мѣста населены людьми, готовыми на всякаго рода преступленія.

4°.

Отъѣздомъ въ Нерчинскій край уничтожается право на крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ [1])».

---

[1]) Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцелярія и семейный архивъ.

2°.

Les enfants, nés de cette union en Sibérie, doivent être inscrits dans la catégorie des paysans de la Couronne [1]).

3°.

Aucune somme d'argent ni aucun objet de prix ne peut être gardé; cela est défendu par l'ordre établi, et c'est même nécessaire pour la conservation des personnes, vu que ces contrées sont peuplées de gens prêts à toute espèce de crimes.

4°.

On perd aussi tout droit sur les serviteurs serfs que l'on a amené avec soi» [2]).

Après avoir réparé le désordre que les *tchinovniks* avaient mis dans mes effets, et fait réemballer le tout, je songeai qu'il me fallait une feuille de route. Le gouverneur, depuis la signature du papier, ne daignait plus venir chez moi, c'était à moi de faire antichambre. J'y allai, et l'on me donna un passeport au nom du cosaque qui devait me conduire, le mien restait en blanc, съ будущимъ [3]).

Je trouvai en rentrant chez moi Alexandrine Mouravieff (née Tchernicheff), établie dans ma chambre: elle venait d'arriver. Partie à quelques heures de distance, je la précédais de huit jours. Nous prîmes, tant en riant qu'en pleurant, notre

---

[1]) Relevant directement de l'Etat.

[2]) Archives de la III-me section de la Chancellerie de S. M. I. et Archives de famille.

[3]) «Avec un compagnon de route».

Приведя въ порядокъ вещи, разбросанныя чиновниками, и приказавъ вновь все уложить, я вспомнила, что мнѣ нужна подорожная. Губернаторъ, послѣ данной мною подписки, не удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ, приходилось мнѣ ожидать въ его передней. Я пошла къ нему, и мнѣ выдали подорожную на имя казака, который долженъ былъ меня сопровождать, мое же имя замѣнялось словами: «съ будущимъ».

По возвращеніи домой, я нашла у себя Александру Муравьеву (рожденную Чернышеву); она только что пріѣхала; выѣхавъ нѣсколькими часами ранѣе ея, я опередила ее на восемь дней. Мы напились чаю, то смѣясь, то плача; былъ поводъ къ тому и другому: насъ окружали тѣ же вызывавшіе смѣхъ чиновники, вернувшіеся для осмотра ея вещей. Я отправилась дальше настоящимъ курьеромъ; я гордилась тѣмъ, что доѣхала до Иркутска лишь въ 20 сутокъ.

Я переѣхала Байкалъ ночью при жесточайшемъ морозѣ: слеза замерзала въ глазу, дыханіе, казалось, леденѣло. Въ Верхнеудинскѣ, небольшомъ уѣздномъ городѣ, я не нашла снѣга; почва тамъ такая песчаная, что вбираетъ въ себя весь снѣгъ; то же самое происходитъ и въ Кяхтѣ, нашемъ пограничномъ городѣ,—холодъ тамъ ужасный, но нѣтъ санпаго пути. Я остановилась у полковника Александра Муравьева, сосланнаго, но безъ разжалованія [1]); его жена и невѣстки меня приняли съ распростертыми объятіями; было уже поздно, и онѣ заставили меня провести у нихъ ночь; на другой день я взяла двѣ перекладныя, велѣла уложить въ нихъ вещи, оставила кибитки и отправилась далѣе.

Мысль ѣхать на перекладныхъ меня очень забавляла, но моя радость прошла, когда я почувствовала, что меня трясетъ до боли въ груди; я приказывала останавли-

---

[1]) См. Приложеніе XII.

thé ensemble, il y avait sujet à tout, car nous étions entourées de carricatures, les mêmes *tchinovniks* étant revenus pour visiter ses effets. Je partis en véritable courrier. J'étais fière de n'avoir mis que 20 jours pour arriver à Irkoutsk.

Je traversai de nuit le Baïkal par un froid vraiment féroce, la larme gelait à l'œil, la respiration semblait se glacer. Je ne trouvai plus de neige à Verkhnéoudinsk, petite ville de district; le sol y est si sablonneux qu'il absorbe toute la neige; c'est le même cas à Kiachta, ville sur la frontière chinoise, il y fait un froid horrible mais point de traînage. Je m'arrêtai chez le colonel Alexandre Mouravieff [1]), exilé, mais non dégradé. Sa femme, ses belles-sœurs, me reçurent à bras ouverts; comme il se faisait tard, on exigea de moi de passer la nuit chez eux; le lendemain je pris deux télégas de poste [2]), j'y fis placer mes effets, j'abandonnai les kibitkas et me voilà partie.

L'idée d'aller en перекладная (charriot de poste), m'amusait beaucoup; ma joie se calma quand je me sentis secouée à en avoir mal à la poitrine. Je faisais arrêter pour respirer librement. J'eus de ce plaisir pendant 600 verstes [3]); avec tout cela j'avais faim, l'on ne m'avait pas prévenue que je ne trouverais rien aux stations, elles étaient tenues par des Bouriates [4]) ne mangeant que de la viande crue ou séchée ou salée, et ne prenant que du thé de briques [5]) avec de la graisse fondue. Enfin j'arrivai à Biankino chez un riche marchand, qui me choya: il m'avait préparé un festin et me traitait avec les plus grands égards. Je tombais de sommeil, lui répondant par monosyllabes: je m'endormis sur le canapé. J'arrivai le lendemain au grand Zavod [6]), de Nertchinsk, chef

---

[1]) Voir Appendice XII.
[2]) Charriots de poste.
[3]) Une verste=un peu plus d'un kilomètre (le kilomètre=0,938 d'une verste).
[4]) Mongols du Transbaïkal.
[5]) Thé de qualité inférieure agglutiné en forme de briques à l'aide de la vapeur.
[6]) Grande usine.

ваться, чтобы передохнуть свободно. Это удовольствіе я испытывала на протяженіи 600 верстъ; при всемъ этомъ я голодала: меня не предупредили, что я ничего не найду на станціяхъ, а онѣ содержались бурятами, питавшимися только сырой, сушеной или соленой говядиной и кирпичнымъ чаемъ съ топленымъ жиромъ. Наконецъ, я пріѣхала въ Бянкино къ мѣстному богатому купцу, который былъ очень внимателенъ ко мнѣ; онъ приготовилъ мнѣ цѣлый пиръ и оказывалъ мнѣ величайшее почтеніе. Меня одолѣвалъ сонъ, я едва ему отвѣчала и заснула на диванѣ. На другой день я пріѣхала въ Большой Нерчинскій заводъ—мѣстопребываніе начальника рудниковъ. Здѣсь я догнала Каташу, уѣхавшую восемью днями ранѣе. Свиданіе было для насъ большой радостью; я была счастлива имѣть подругу, съ которой могла мѣняться мыслями; мы другъ друга поддерживали; до сихъ же поръ моимъ исключительнымъ обществомъ была моя отталкивающая отъ себя горничная. Я узнала, что мой мужъ находится въ 12-и верстахъ, въ Благодатскомъ рудникѣ. Каташа, выдавъ вторую подписку, отправилась впередъ, чтобъ извѣстить Сергѣя о моемъ пріѣздѣ. По выполненіи различныхъ несносныхъ формальностей, Бурнашевъ, начальникъ рудниковъ, далъ мнѣ подписать бумагу, по которой я соглашалась видѣться съ мужемъ только два раза въ недѣлю въ присутствіи офицера и унтеръ-офицера, никогда не приносить ему ни вина, ни пива, никогда не выходить изъ деревни безъ разрѣшенія завѣдующаго тюрьмою,—и еще какія-то другія условія. И это послѣ того, какъ я покинула своихъ родителей, своего ребенка, свою родину, послѣ того, какъ проѣхала шесть тысячъ верстъ и дала подписку, по которой отказывалась отъ всего и даже отъ защиты закона,—мнѣ заявляютъ, что я и на защиту своего мужа не могу болѣе разсчитывать. Итакъ, государственные преступники должны подчиняться всѣмъ строгостямъ закона,

lieu du directeur ou chef de mines. J'y rattrapai Catache, partie huit jours avant moi. C'était un grand bonheur pour nous que de nous retrouver, j'étais heureuse d'avoir une compagne avec laquelle je pouvais échanger mes idées. Nous nous soutenions l'une l'autre. Jusque là je n'avais eu que la société de ma repoussante femme de chambre. J'appris que mon mari était à 12 verstes de là dans les mines de Blagodatsk. Catache, ayant signé un second papier, prit les devants pour avertir Serge de mon arrivée. Après que d'ennuyeuses formalités furent remplies, Bournacheff, directeur des mines, me fit signer un papier comme quoi je consentais à ne voir mon mari que deux fois la semaine en présence d'un officier et d'un sous-officier, à ne jamais lui porter de vin ni de bière, à ne jamais quitter le village sans l'autorisation d'un *tchinovnik*, chef de la prison, et je ne sais plus quelles autres conditions; et c'est après avoir quitté mes parents, mon enfant, mon pays natal, après avoir fait six mille verstes et signé un papier par lequel je renonçais à tout et même à la protection des lois, que je m'entendais signifier que même celle de mon mari m'était refusée. Les criminels d'Etat devaient donc subir toute la rigueur des lois comme de simples forçats, mais ne pas jouir de la vie de famille accordée aux plus grands criminels et malfaiteurs. Je voyais ces derniers rentrer chez eux à peine leur tâche finie, sortir, s'occuper de leurs affaires; ce n'est qu'après une récidive de crime qu'on les mettait aux fers et en prison, tandis que nos maris furent enfermés et enchaînés dès le premier jour de leur arrivée. Bournacheff, frappé de ma stupeur, me proposa de partir le lendemain de grand matin pour Blagodatsk, ce que je fis; il me suivait dans son traîneau.

Les Mines de Blagodatsk.

Ce village ne consistait qu'en une seule rue, entourée de montagnes plus ou moins percées par les fouilles qu'on y

Благодатскій рудникъ.

Гора, въ которой работали декабристы.

Usine de Blagodatsk.

Montagne dans les puits de mines de laquelle travaillaient les exilés.

какъ простые каторжники, но не имѣютъ права на семейную жизнь, даруемую величайшимъ преступникамъ и злодѣямъ. Я видала, какъ послѣдніе возвращались къ себѣ по окончаніи работъ, занимались собственными дѣлами, выходили изъ тюрьмы; лишь послѣ вторичнаго преступленія на нихъ надѣвали кандалы и заключали въ тюрьму, тогда какъ наши мужья были заключены и въ кандалахъ со дня своего пріѣзда. Бурнашевъ, пораженный моимъ оцѣпенѣніемъ, предложилъ мнѣ ѣхать въ Благодатскъ на другой же день, рано утромъ, что я и сдѣлала; онъ слѣдовалъ за мною въ своихъ саняхъ.

Благодатскій рудникъ.

Это была деревня, состоящая изъ одной улицы, окруженная горами, болѣе или менѣе изрытыми раскопками, которыя тамъ производились для добыванія свинца, содержащаго въ себѣ серебряную руду. Мѣстоположеніе было бы красиво, если бъ не вырубили, на 50 верстъ кругомъ, лѣсовъ изъ опасенія, чтобы бѣглые каторжники въ нихъ не скрывались; даже кустарники были вырублены; зимою видъ былъ унылый [1]).

Тюрьма находилась у подножья высокой горы; это была прежняя казарма, тѣсная, грязная, отвратительная. Трое солдатъ и унтеръ-офицеръ содержали внутренній караулъ; они никогда не смѣнялись. Впослѣдствіи поставили двѣнадцать казаковъ при унтеръ-офицерѣ для наружнаго караула. Тюрьма состояла изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ большими, холодными сѣнями. Одна изъ нихъ была занята бѣглыми каторжными; вновь пойманные, они содержались въ кандалахъ. Другая комната была предназначена нашимъ государственнымъ преступникамъ; входная ея часть занята была солдатами и унтеръ-

---

[1]) См. Приложеніе XIII.

avait faites pour l'exploitation du plomb qui contient le minerai d'argent. Le site serait beau, si l'on n'avait abattu tout ce qu'il y avait de forêts à 50 verstes à la ronde, de peur que les forçats ne s'y refugient dans leur fuite; les buissons même étaient coupés, le paysage était triste en hiver [1]).

La prison était aux pieds d'une haute montagne, c'était une caserne abandonnée, peu spacieuse, sale, dégoûtante. Trois soldats et un sous-officier montaient la garde intérieure, ils n'étaient jamais changés. Plus tard on fit mettre douze cosaques et un sous-officier dans le corps de garde extérieur.

Elle contenait deux pièces, séparées par un grand vestibule froid. L'une était occupée par des malfaiteurs qui avaient déjà fui. Rattrapés bientôt après, on les gardait aux fers. L'autre était destinée à nos prisonniers d'Etat; l'entrée de la chambre appartenait aux soldats et sous-officier, qui fumaient leur horrible tabac et ne se souciaient nullement de la propreté de l'habitation. Le long des murs de la chambre se trouvaient des espèces de chenils ou de cellules en planches affectées aux prisonniers, on montait deux degrés pour y entrer. Celle de Serge n'avait que trois archines [2]) de long et deux de large; c'était bas à ne pouvoir s'y tenir debout; il la partageait avec Troubetskoy et Obolensky. Ce dernier, n'ayant pas de place pour son lit, fit mettre des planches fixées au mur au-dessus de celui de Troubetskoy. C'était donc de petites prisons dans la prison même. Bournacheff me proposa d'entrer. Je ne vis rien au premier moment tant il faisait sombre; on ouvrit une petite porte à gauche, et je montai dans la cellule de mon mari. Serge se précipita vers moi; le bruit de ses chaînes attira mon attention. Je ne le savais pas aux fers. Cette détention si rigoureuse me fit comprendre tout ce qu'il devait souffrir. La vue de ses fers m'exalta, m'attendrit au

---

[1]) Voir Appendice XIII.

[2]) Une archine = 71 centimètres.

Благодатскій рудникъ.

Домъ, гдѣ жили княгини М. Н. Волконская и Е. И. Трубецкая.

Usine de Blagodatsk.

Cabane qu'avaient habitée les princesses M. Wolkonsky et C. Troubetskoy.

офицеромъ, курившими отвратительный табакъ и нимало не заботившимися о чистотѣ помѣщенія. Вдоль стѣнъ комнаты находились сдѣланныя изъ досокъ нѣкотораго рода конуры или клѣтки, назначенныя для заключенныхъ; надо было подняться на двѣ ступени, чтобы войти въ нихъ. Отдѣленіе Сергѣя имѣло только три аршина въ длину и два въ ширину; оно было такъ низко, что въ немъ нельзя было стоять; онъ занималъ его вмѣстѣ съ Трубецкимъ и Оболенскимъ. Послѣдній, для кровати котораго не было мѣста, велѣлъ прикрѣпить для себя доски надъ кроватью Трубецкого. Такимъ образомъ, эти отдѣленія являлись маленькими тюрьмами въ стѣнахъ самой тюрьмы. Бурнашевъ предложилъ мнѣ войти. Въ первую минуту я ничего не разглядѣла, такъ какъ тамъ было темно; открыли маленькую дверь налѣво, и я поднялась въ отдѣленіе мужа. Сергѣй бросился ко мнѣ; бряцанье его цѣпей поразило меня: я не знала, что онъ былъ въ кандалахъ. Суровость этого заточенія дала мнѣ понятіе о степени его страданій. Видъ его кандаловъ такъ воспламенилъ и разстрогалъ меня, что я бросилась передъ нимъ на колѣни и поцѣловала его кандалы, а потомъ—его самого. Бурнашевъ, стоявшій на порогѣ, не имѣя возможности войти по недостатку мѣста, былъ пораженъ изъявленіемъ моего уваженія и восторга къ мужу, которому онъ говорилъ «ты» и съ которымъ обходился, какъ съ каторжникомъ.

Дѣйствительно, если даже смотрѣть на убѣжденія декабристовъ, какъ на безуміе и политическій бредъ, все же справедливость требуетъ признать, что тотъ, кто жертвуетъ жизнью за свои убѣжденія, не можетъ не заслуживать уваженія соотечественниковъ. Кто кладетъ голову свою на плаху за свои убѣжденія, тотъ истинно любитъ отечество, хотя, можетъ-быть, и преждевременно затѣялъ дѣло свое.

Я старалась казаться веселой. Зная, что мой дядя Давыдовъ находится за перегородкой, я возвысила голосъ,

point que je m'agenouillai devant lui, j'embrassai ses chaînes d'abord et lui ensuite. A cette vue Bournacheff qui se tenait sur le pas de la porte, ne pouvant entrer vu le peu d'espace, resta tout ébahi du respect et de l'admiration que je témoignais à mon mari, lui qui le *tutoyait* et le traitait de forçat.

En effet, que l'on considère les convictions de ces Messieurs de folie et de rêve politique, toujours est-il juste de dire que celui qui sacrifie sa vie pour ses convictions, mérite l'estime de ses compatriotes. Кто кладетъ голову свою на плаху за свои убѣжденія, тотъ истинно любитъ отечество, хотя, можетъ-быть, и преждевременно затѣялъ дѣло свое [1]).

Je tâchais d'être gaie; sachant mon oncle Davidoff derrière la cloison, j'élevai la voix pour m'en faire entendre et lui donner des nouvelles de sa femme et de ses enfants. L'entrevue terminée, j'allai me loger dans la même maison de paysan que Catache. Elle était si peu spacieuse qu'en me couchant par terre sur mon matelas, ma tête touchait le mur et mes pieds la porte. Le poêle fumait, on ne pouvait chauffer quand il faisait du vent dehors, point de vitres aux fenêtres, mais du mica.

Le régime de la prison était d'aller au travail tous les jours excepté le Dimanche, dès les 5 heures du matin jusqu'à 11: la tâche était de trois pouds pour chacun [2]).

C'est ici le moment de dire combien le Gouvernement se trompe sur notre bon peuple russe. On m'avait avertie à Irkoutsk que je courrais risque d'être insultée, assassinée aux mines, et que les autorités du lieu ne seraient pas à même de me défendre, vu que ces malheureux ne craignaient plus les punitions. J'étais maintenant au milieu de ces gens appartenant à la dernière classe des hommes, et cependant ils nous

---

[1]) «Celui qui, pour ses convictions, porte sa tête à l'échafaud, aime véritablement son pays, son œuvre fût-elle prématurée».

[2]) Le poud est un poids de 40 livres russes.

чтобы онъ могъ меня слышать, и сообщила извѣстія о его женѣ и дѣтяхъ. По окончаніи свиданія, я пошла устроиться въ крестьянской избѣ, гдѣ помѣстилась Каташа; она была до того тѣсна, что когда я ложилась на полу на своемъ матрасѣ, голова касалась стѣны, а ноги упирались въ дверь. Печь дымила, и ее нельзя было топить, когда на дворѣ бывало вѣтрено; окна были безъ стеколъ, ихъ замѣняла слюда.

По тюремнымъ правиламъ, на работы ходили ежедневно, кромѣ воскресенья, отъ 5-и часовъ утра до 11-и: урочная работа была въ три пуда руды на каждаго.

Здѣсь кстати упомянуть, какъ правительство ошибается относительно нашего добраго русскаго народа. Въ Иркутскѣ меня предупреждали, что я рискую быть оскорбляемой или даже убитой въ рудникахъ, и что власти не будутъ въ состояніи меня защитить, такъ какъ эти несчастные не боятся больше наказаній. Теперь я жила среди этихъ людей, принадлежащихъ къ послѣднему разряду человѣчества, а, между тѣмъ, мы видѣли съ ихъ стороны лишь знаки уваженія; скажу больше: меня и Каташу они просто обожали и не иначе называли нашихъ узниковъ, какъ «наши князья», «наши господа»; а когда работали вмѣстѣ съ ними въ рудникѣ, то предлагали исполнять за нихъ урочную работу; они приносили имъ горячій картофель, испеченный въ золѣ. Эти несчастные, по окончаніи срока каторжныхъ работъ, выдержавъ наказаніе за свои преступленія, большею частью, исправлялись, начинали трудиться на себя, дѣлались добрыми отцами семьи и даже брались за торговлю. Немного нашлось бы такихъ честныхъ людей среди выходящихъ изъ остроговъ во Франціи или понтоновъ въ Англіи.

На другой день по пріѣздѣ въ Благодатскъ, я встала съ разсвѣтомъ и пошла по деревнѣ, спрашивая о мѣстѣ, гдѣ работаетъ мужъ. Я увидѣла дверь, ведущую какъ бы

entouraient de respect; je dirai plus, ils nous portaient un véritable culte, à Catache et à moi, et ne nommaient pas autrement nos détenus que «nos princes», «nos maitres», et quand ils étaient au travail ensemble, ils voulaient faire la tâche pour eux; ils leur apportaient des pommes de terre brûlantes, cuites sous la cendre. Ces malheureux, après avoir fini leurs années de travaux forcés et subi la peine de leurs crimes, revenaient pour la plupart à de bons sentiments, travaillaient pour eux-mêmes et devenaient de bons pères de famille, et même des commerçants. Vous n'en trouveriez pas beaucoup d'aussi honnêtes sortis des bagnes en France et des pontons en Angleterre.

Le lendemain de mon arrivée à Blagodatsk, je me levai à la pointe du jour et j'allai me promener dans le village, m'informant du lieu de travail de mon mari. Je vis une porte comme pour entrer sous terre dans une cave [1]), et un gardien armé d'une hallebarde à côté. On me dit que c'était par là que ces Messieurs entraient. Je demandai si on pouvait les voir à l'ouvrage, le brave homme s'empressa de m'offrir un cierge, espèce de torche, et je me hasardai avec un autre, son supérieur, dans ce labyrinthe sombre. Il y faisait assez doux, mais un air renfermé qui fatiguait la poitrine. J'allais vite et j'entendais une voix qui me criait d'arrêter. Je compris que c'était l'officier, qui ne voulait pas me laisser parler aux prisonniers. J'éteignis ma torche et me mis à courir, car je voyais des points lumineux dans le lointain. C'étaient ces Messieurs au travail sur une petite élévation; ils me descendirent une échelle, je grimpai, on la retira après moi, de sorte que je pus voir les camarades de mon mari et leur donner des nouvelles de Russie, leur remettre les lettres que j'avais pour eux. Mon mari n'était pas là, ni Obolensky, ni Yakoubovitch, ni Troubetskoy. Je vis Davidoff, les deux Boris-

[1]) La profondeur des mines en Sibérie varie, atteignant quelquefois 120 mètres.

въ подвалъ для спуска подъ землю и рядомъ съ нею вооруженнаго сторожа. Мнѣ сказали, что отсюда спускаются наши въ рудникъ; я спросила, можно ли ихъ видѣть на работѣ; этотъ добрый малый поспѣшилъ дать мнѣ свѣчу, цѣлый въ родѣ факела, и я, въ сопровожденіи другого, стариаго, рѣшилась спуститься въ этотъ темный лабиринтъ [1]). Тамъ было довольно тепло, но спертый воздухъ давилъ грудь; я шла быстро и услышала за собой голосъ, громко кричавшій мнѣ, чтобы я остановилась. Я поняла, что это былъ офицеръ, который не хотѣлъ мнѣ позволить говорить съ ссыльными. Я потушила факелъ и пустилась бѣжать впередъ, такъ какъ видѣла въ отдаленіи блестящія точки: это были они, работающіе на небольшомъ возвышеніи. Они спустили мнѣ лѣстницу, я взлѣзла по ней, ее втащили,—и, такимъ образомъ, я могла повидать товарищей моего мужа, сообщить имъ извѣстія изъ Россіи, и передать привезенныя мною письма. Мужа тутъ не было, не было ни Оболенскаго, ни Якубовича, ни Трубецкого; я увидѣла Давыдова, обоихъ Борисовыхъ и Артамона Муравьева. Они были въ числѣ первыхъ 8-ми, высланныхъ изъ Россіи и единственныхъ, попавшихъ въ Нерчинскіе заводы. Между тѣмъ, внизу офицеръ терялъ терпѣнье и продолжалъ меня звать; наконецъ, я спустилась; съ тѣхъ поръ было строго запрещено впускать насъ въ шахты. Артамонъ Муравьевъ назвалъ эту сцену «моимъ сошествіемъ въ адъ».

Пріѣздъ нашъ принесъ много пользы заключеннымъ. Не имѣя разрѣшенія писать, они были лишены извѣстій о своихъ, а равно и всякой денежной помощи. Мы за нихъ писали, и съ той поры они стали получать письма и посылки. Между тѣмъ, у насъ не хватало денегъ; я привезла съ собой всего 700 рублей ассигнаціями; остальное мое имущество находилось въ рукахъ губернатора.

---

[1]) Глубина шахтъ различна и доходитъ въ Сибири до 80 саженъ.

soff et Artamon Mouravieff. Ces Messieurs étaient les huit premiers envoyés de Russie, et les seuls qui eussent été aux usines de Nertchinsk. En attendant, l'officier perdait patience en bas: il m'appelait; enfin je descendis, et depuis lors défense expresse de laisser entrer les dames dans les souterrains. Artamon Mouravieff avait nommé cette scène «ma descente aux enfers».

Notre arrivée, à Catache et à moi, avait fait un bien immense aux détenus. N'ayant pas la permission d'écrire, ils étaient privés des nouvelles de leur famille et de tout secours pécuniaire. Nous écrivions pour eux, et dès lors ils reçurent lettres et envois. Cependant nous manquions d'argent: je n'avais apporté que 700 roubles assignats [1]). Le restant de mon avoir était dans les mains du Gouverneur. Catache n'avait plus rien. Nous nous mîmes au régime: une soupe et un gruau, voilà notre ordinaire; plus de souper. Catache, si habituée à la table recherchée de son père, mangeait un morceau de pain noir et l'arrosait de kvas [2]). C'est ainsi qu'un gardien de la prison la trouva soupant et le redit à son mari. Nous avions l'habitude d'envoyer à dîner à ces Messieurs. Il fallait renouveler leur linge. Je vois encore Catache, un livre de cuisine à la main, leur faisant des plats, des sauces. Dès que ces Messieurs apprirent notre gêne, ils ne voulurent plus de notre dîner; les soldats de la prison, tous bonnes gens, se chargeaient de leur nourriture. C'était fort à propos, car nos femmes de chambre étaient devenues très récalcitrantes: elles ne voulaient nous aider à rien, leur conduite devint éhontée, elles se lièrent avec les sous-officiers et les cosaques de la prison; les autorités en prirent ombrage et exigèrent leur renvoi. Je ne puis dire avec quel sentiment de tristesse nous les vîmes prendre le chemin de la

[1]) 700 francs à peu près.
[2]) Boisson fermentée faite de seigle.

У Каташи не оставалось больше ничего. Мы ограничили свою пищу: супъ и каша, вотъ нашъ обыденный столъ; ужинъ отмѣнили. Каташа, привыкшая къ изысканной кухнѣ отца, ѣла кусокъ чернаго хлѣба и запивала его квасомъ. За такимъ ужиномъ засталъ ее одинъ изъ сторожей тюрьмы и передалъ объ этомъ ея мужу. Мы имѣли обыкновеніе посылать обѣдъ нашимъ; надо было чинить ихъ бѣлье. Какъ сейчасъ вижу передъ собой Каташу съ поваренной книгой въ рукахъ, готовящую для нихъ кушанья и поливы. Какъ только они узнали о нашемъ стѣсненномъ положеніи, они отказались отъ нашего обѣда; тюремные солдаты, все добрые люди, стали на нихъ готовить. Это было весьма кстати, такъ какъ наши дѣвушки стали очень упрямиться, не хотѣли намъ ни въ чемъ помогать, и начали себя дурно вести, сходясь съ тюремными унтеръ-офицерами и казаками. Начальство вмѣшалось и потребовало ихъ удаленія. Не могу передать, съ какой грустью мы смотрѣли на ихъ отъѣздъ въ Россію; заключенные стояли всѣ у оконъ, провожая глазами ихъ телѣгу; каждый изъ нихъ думалъ: «Этотъ путь загражденъ для меня». Мы остались безъ горничныхъ; я мела полы, прибирала комнату, причесывала Каташу, и, увѣряю васъ, что дѣло въ нашемъ хозяйствѣ шло лучше.

Когда началась оттепель, я стала замѣчать, какъ несчастные безсемейные каторжники, жившіе въ общей казармѣ, садились часто у порога тюрьмы и глядѣли въ даль. Я спросила о причинѣ, и мнѣ сказали, что съ приближеніемъ весны ими овладѣвало неотразимое желаніе бѣжать, и что они встрѣчали радостно таяніе снѣга: не имѣя ни шубы, ни сапогъ, они не могли зимою отваживаться на побѣгъ, весною же большая часть ихъ убѣгала; нѣкоторые изъ нихъ доходили до Россіи; ихъ никогда не выдавали, и они доживали тамъ свой вѣкъ.

Первое время наши прогулки съ Каташею ограничивались деревенскимъ кладбищемъ, и мы спрашивали другъ

Russie; les prisonniers étaient tous aux fenêtres suivant l'équipage des yeux. Chacun se disait: «Ce chemin est muré pour moi». Nous restâmes sans nos soubrettes, je balayais, je rangeais la chambre, je coiffais Catache et je vous assure que tout allait mieux dans notre ménage.

Quand le dégel commença, je remarquai que les malheureux forçats non mariés et vivant en commun dans une caserne se tenaient assis hors de leur demeure et regardaient au loin. J'en demandai la raison, on me répondit qu'à l'approche du printemps, il leur prenait une envie irrésistible de fuir et qu'ils voyaient toujours avec joie la fonte des neiges; n'ayant pas de pelisses, ni de bottes chaudes, ils ne pouvaient s'aventurer en hiver, mais au printemps une grande partie d'entre eux fuyait; quelques-uns parvenaient jusqu'en Russie. Jamais trahis, ils y finissaient leurs jours.

Les premiers temps, nos promenades avec Catache se bornaient au cimetière du village, et nous nous demandions: «Serons-nous enterrées ici»? et cette idée était si désespérante que nous finîmes par ne plus aller de ce côté-là. Dans la belle saison nous faisions 10 à 15 verstes à pied. Notre passe-temps favori était de nous mettre sur une pierre vis-à-vis de la fenêtre de la prison, je causais de là avec mon mari, assez haut, car c'était d'assez loin. Ce qui me gênait beaucoup, c'est que je voyais sortir de la prison des malheureux allant puiser de l'eau ou prendre du bois; ils étaient sans chemise, rien que l'habit indispensable. J'achetai de la toile et leur fis faire du linge. Notre argent était déposé chez le chef des mines, nous étions tenues, Catache et moi, d'aller à tour de rôle au grand Zavod pour présenter le compte de notre dépense journalière. J'allais en charrette avec mon domestique, mais convenablement mise, en chapeau de paille avec un voile. Nous étions toujours soignées, Catache et moi, dans notre habillement, car il ne faut jamais s'abattre ni se laisser aller, dans ce pays surtout où grâce à notre costume

друга: «Здѣсь ли насъ похоронятъ»? Но эта мысль была до того безотрадна, что мы перестали ходить въ эту сторону. Лѣтомъ мы дѣлали отъ 10-и до 15-и верстъ пѣшкомъ. Нашимъ любимымъ препровожденіемъ времени было сидѣть на камнѣ противъ окна тюрьмы; я оттуда разговаривала съ мужемъ и довольно громко, такъ какъ разстояніе было значительное. Меня очень стѣсняло то, что я видѣла, какъ выходили изъ тюрьмы несчастные, отправлявшіеся за водой или за дровами; они были безъ рубашекъ или въ одномъ необходимомъ бѣльѣ. Я купила холста и заказала имъ бѣлье. Наши деньги были сданы начальнику заводовъ; Каташа и я, мы были обязаны отправляться поочередно въ Большой заводъ для представленія отчета въ нашихъ ежедневныхъ расходахъ. Я ѣздила въ телѣгѣ со своимъ человѣкомъ, но прилично одѣтая и въ соломенной шляпѣ съ вуалью. Мы съ Каташей всегда одѣвались опрятно, такъ какъ не слѣдуетъ никогда ни падать духомъ, ни распускаться, тѣмъ болѣе въ этомъ краѣ, гдѣ, благодаря нашей одеждѣ, насъ узнавали издали и подходили къ намъ съ почтеніемъ. Я возвращалась съ купленной провизіей, иногда сидя на кулѣ муки; это не умаляло уваженія ко мнѣ, и народъ всегда мнѣ кланялся. Однажды, для разнообразія, я вздумала поѣхать туда верхомъ, взяла казачью лошадь, велѣла привязать къ сѣдлу еще рожокъ и поѣхала, веселая, въ сопровожденіи своего человѣка, чтобъ представить Бурнашеву свои счеты. Онъ всегда прочитывалъ ихъ со вниманіемъ, а на этотъ разъ разсердился не на шутку и сказалъ мнѣ: «Вы не имѣете права раздавать рубашки; вы можете облегчать нищету, раздавая по 5 или 10 копѣекъ нищимъ, но не одѣвать людей, находящихся на иждивеніи правительства».—«Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, прикажите сами ихъ одѣть, такъ какъ я не привыкла видѣть полуголыхъ людей на улицѣ».—«Ну, не сердитесь, сударыня; впрочемъ, вы

on nous voyait de loin. On nous abordait avec respect; je revenais avec mes provisions, quelquefois même assise sur un sac de farine; l'on ne m'en respectait pas moins, et les gens du peuple me saluaient toujours. Pour faire diversion, j'imaginai d'aller à cheval; je pris le cheval d'un cosaque, je fis ajouter une corne à sa selle et je partis toute joyeuse, accompagnée de mon domestique, pour présenter mes comptes à Bournacheff. Il les lisait toujours avec attention, et cette fois il se fâcha tout rouge en disant: «Vous n'avez pas le droit de distribuer des chemises; vous pouvez soulager l'indigence en donnant 5 ou 10 sous à des mendiants, mais non habiller des gens appartenant à la Couronne». — «Alors, monsieur, faites-les habiller vous-même, car je ne suis pas habituée à voir marcher des hommes presque nus dans les rues». — «Allons, ne vous fâchez pas, Madame, du reste vous êtes franche comme un enfant, j'aime mieux cela, car votre compagne finasse toujours avec moi». Avec son gros bon sens il l'avait compris, Catache ayant beaucoup de finesse d'esprit. Je mis fin à la conversation, disant que je devais partir, ne voulant pas m'attarder à cheval dans les montagnes.—«Comment! vous êtes à cheval»? Et le voilà qui me suit. Il n'avait jamais vu de selle de dame et m'en témoigna tout son étonnement, car les femmes du pays montaient toujours à califourchon.

Depuis lors je faisais de longues promenades, je me donnais le plaisir de mettre mes pieds en Chine, nous n'étions en ligne directe qu'à 12 verstes de la frontière. Tous les ans les habitants de Blagodatsk allaient à certains jours à la frontière, pour l'échange de leurs modestes denrées contre du thé de briques et du millet. Cette contrebande a longtemps subsisté, et soutenait ces pauvres gens qui n'auraient jamais eu de quoi payer la douane.

Comme je vous l'ai dit, je n'allais que deux fois par semaine voir mon mari; dans l'intervalle de ces entrevues il

откровенны, какъ дитя, я это предпочитаю; а ваша подруга всегда хитритъ со мной». Своимъ простымъ здравымъ смысломъ онъ понялъ это: у Каташи былъ очень тонкій умъ. Я положила конецъ разговору, сказавъ, что должна ѣхать, такъ какъ не хочу, будучи верхомъ, запаздывать въ горахъ. «Какъ, вы верхомъ»? И онъ пошелъ за мною. Онъ никогда не видалъ дамскаго сѣдла и выразилъ мнѣ свое удивленіе: тамошнія женщины ѣздили всегда верхомъ по-мужски.

Съ тѣхъ поръ я стала дѣлать большія прогулки; я доставляла себѣ удовольствіе въѣзжать въ Китай, отъ границы котораго мы находились, по прямому пути, только въ 12 верстахъ. Жители Благодатска отправлялись ежегодно, въ извѣстные дни, на границу для обмѣна своихъ скромныхъ произведеній на кирпичный чай и на просо. Этотъ видъ контрабанды существовалъ долго и былъ подспорьемъ для бѣдныхъ людей, у которыхъ не было бы чѣмъ уплатить таможенныя пошлины.

Какъ я вамъ уже сказала, я только два раза въ недѣлю ходила на свиданіе съ мужемъ. Въ одинъ изъ промежутковъ времени между этими свиданіями произошло событіе, очень насъ напугавшее и огорчившее. Господинъ Рикъ, горный офицеръ, которому былъ порученъ надсмотръ за тюрьмою, придумалъ усугубить тяготы заключенныхъ: онъ потребовалъ, чтобы, тотчасъ по возвращеніи съ работъ, вмѣсто того, чтобы вымыться и обѣдать вмѣстѣ, они шли каждый въ свое отдѣленіе и тамъ ѣли, что будетъ подано. Кромѣ того, онъ изъ экономіи пересталъ имъ давать свѣчи. Оставаться же безъ свѣта съ 3-хъ часовъ пополудни до 7 часовъ утра зимой, въ какой-то клѣткѣ, гдѣ можно было задохнуться, было настоящей пыткою; при всемъ томъ, онъ запретилъ всякіе разговоры изъ одного отдѣленія въ другое. Зная, до какой степени тюремщики боятся, чтобы ввѣренные имъ арестанты не покушались на свою жизнь, наши сговорились

se passa un événement qui nous effraya et nous attrista beaucoup. Monsieur Rick, petit officier des mines, auquel la surveillance de la prison était confiée, imagina un surcroît de peine pour ces Messieurs. Il exigea qu'à peine rentrés du travail, au lieu de se laver, de s'habiller et de dîner ensemble, chacun rentrât dans sa cellule et y mangeât ce qu'on lui donnerait. De plus il fit des économies et ne leur donna plus de chandelles. Or rester sans lumière depuis 3 heures de l'après-midi jusqu'à 7 heures du matin, en hiver, dans une espèce de cage où l'on étouffait, c'était une véritable torture; de plus toute conversation d'une cellule à l'autre fut interdite. Ces Messieurs se concertèrent, et, sachant combien les geôliers craignent que les détenus confiés à leur garde n'attentent à leurs jours, ils résolurent de n'accepter aucune nourriture afin d'effrayer Rick. Voilà qu'ils restent tout un jour sans manger; le dîner, le souper sont renvoyés intacts; le second jour, même histoire. Monsieur Rick en perd la tête. Il expédie vite un rapport comme quoi les prisonniers d'Etat sont en pleine révolte et veulent se laisser mourir de faim. C'était encore en hiver, quelques jours après mon arrivée. Je ne me doutais de rien, Catache non plus. Grand fut notre étonnement de voir arriver Bournacheff avec sa suite. Ils s'arrêtèrent dans la maison à côté de nous. Les habitants du lieu se rassemblèrent autour. Je demandai à une femme ce que cela voulait dire, elle me répondit: «On va juger les Messieurs qui sont au secret». (Секретныхъ судить будутъ). Et je vois avancer lentement mon mari et Troubetskoy escortés de soldats. Catache, qui perdait facilement la tête, me dit que Serge avait les mains attachées derrière le dos. Il n'en était rien, je savais qu'il avait l'habitude de marcher ainsi. Je la vois courir vers un soldat des mines qui se tenait là, elle revient avec un visage satisfait et me dit: «Soyons tranquilles, rien ne peut arriver, je viens de demander à un soldat si on avait *préparé des bâtons,* il m'a dit que non». —«Catache, qu'avez-vous fait? il

не принимать никакой пищи, дабы напугать Рика. Цѣлый день они ничего не ѣли; обѣдъ и ужинъ отослали не тронутыми; на второй день — та же самая исторія. Рикъ потерялъ голову, онъ немедленно послалъ докладъ о томъ, будто государственные преступники въ полномъ возмущеніи и хотятъ уморить себя голодомъ. Это было еще зимою, черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда. Я ничего не подозрѣвала, Каташа тоже. Велико было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что пріѣхалъ Бурнашевъ со своей свитою. Они остановились въ избѣ, рядомъ съ нашею; вокругъ собрались мѣстные жители. Я спросила у одной изъ женщинъ, что все это значило; она мнѣ отвѣтила: «Секретныхъ судить будутъ». Я увидѣла мужа и Трубецкого, медленно подходившихъ подъ конвоемъ солдатъ. Каташа, легко терявшая голову, сказала мнѣ, что у Сергѣя руки связаны за спиной; этого не было: я знала его привычку такъ ходить. Затѣмъ я вижу, что она подбѣгаетъ къ стоявшему тамъ солдату горнаго вѣдомства; она возвращается съ довольнымъ лицомъ и говоритъ мнѣ: «Мы можемъ быть спокойны, ничего не случится, я сейчасъ спросила у солдата, *приготовили ли розги*, онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ».—«Каташа, что вы сдѣлали! Мы и допускать не должны подобной мысли». Мой мужъ приближался; я стала на колѣни на снѣгу, умоляя его не горячиться, онъ мнѣ это обѣщалъ. Бурнашевъ (какъ я узнала позже) принялъ строгій и крутой видъ, грозя имъ наказаніемъ кнутомъ въ случаѣ возмущенія, и, послѣ длинной рѣчи, позволилъ имъ объясниться. Сергѣй сказалъ ему, что никто и не думалъ о возмущеніи, но что господинъ Рикъ запиралъ ихъ, по возвращеніи съ работъ, въ отдѣленіяхъ безъ свѣта, не позволяя имъ обѣдать вмѣстѣ; отдѣленія же эти были низки и темны, въ нихъ нельзя было даже выпрямиться. Я увидѣла мужа, шедшаго обратно; онъ спокойно сказалъ мнѣ: «Все вздоръ», и

ne faut pas que nous admettions une idée semblable». Mon mari avançait toujours, je m'agenouillai dans la neige pour le supplier de ne pas s'emporter, il me le promit. Bournacheff (comme je l'appris plus tard) prit un air sévère et dur en leur parlant, les menaçant du knout s'ils se révoltaient, et après un long monologue, les laissa s'expliquer. Serge lui dit que personne ne songeait à se révolter, mais que Monsieur Rick les enfermait, à peine rentrés du travail, dans leur cellule sans lumière, ne leur permettant pas de prendre leur repas ensemble; or ces cellules étaient basses et sombres, on ne pouvait s'y tenir debout. Je vis repasser mon mari avec un air calme, et il me dit: «Все вздоръ» [1]), et me tranquillisa en me disant que tout irait bien. Ensuite on amena les autres, il leur fut facile de parler après que Serge les eût avertis des questions qu'on leur ferait. Quand tous furent partis, nous entrâmes avec Catache chez Bournacheff, et je lui demandai tout simplement la cause de tout cela. Il me dit: «Ce n'est rien, ce n'est rien, mon officier a fait un éléphant d'une mouche». Toutefois on voyait qu'il avait partagé la frayeur de Rick, car il ordonna d'ouvrir de suite les cellules, de laisser nos Messieurs passer leur temps comme ils l'entendaient dans l'intérieur de la prison, et de leur donner de la lumière le soir. Quelque temps après, Monsieur Rick fut renvoyé et remplacé par Monsieur Résanoff, brave et digne homme, avancé en âge. Il venait jouer aux échecs en prison, il menait ces Messieurs à la promenade quand le beau temps fut venu; c'était des excursions de plusieurs heures, pendant lesquelles les frères Borissoff, grands naturalistes, herborisèrent et firent une collection d'insectes et de papillons.

Outre notre prison, il y en avait une autre où se trouvaient ceux des malfaiteurs qui avaient fui à plusieurs reprises et commis des brigandages. Leurs fers étaient beau-

[1]) «Cela n'a pas d'importance».

разсѣялъ мою тревогу, увѣряя, что все обойдется благополучно. Затѣмъ привели остальныхъ; имъ было легко отвѣчать, такъ какъ Сергѣй предупредилъ о вопросахъ, которые имъ будутъ поставлены. Когда всѣхъ увели, мы съ Каташею вошли къ Бурнашеву, котораго я прямо спросила о причинѣ всего происшедшаго. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Ничего, ничего, мой офицеръ сдѣлалъ изъ мухи слона». Все же было замѣтно, что онъ раздѣлялъ боязнь Рика, такъ какъ приказалъ немедленно отпереть отдѣленія, дозволилъ нашимъ проводить время въ тюрьмѣ, какъ они желаютъ, и разрѣшилъ выдавать имъ вечеромъ свѣчи. Вскорѣ послѣ этого Рикъ былъ уволенъ и замѣненъ господиномъ Резановымъ, честнымъ и достойнымъ человѣкомъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ. Онъ приходилъ въ тюрьму играть въ шахматы и водилъ нашихъ на прогулку, когда наступила теплая погода; прогулки эти длились по нѣскольку часовъ; при этомъ братья Борисовы, страстные естествоиспытатели, собирали травы и составили коллекцію насѣкомыхъ и бабочекъ.

Кромѣ нашей тюрьмы была еще другая, въ которой содержались бѣгавшіе нѣсколько разъ и совершившіе грабежи. Ихъ кандалы были гораздо тяжелѣе, и работы труднѣе. Между ними находился извѣстный разбойникъ Орловъ, герой своего рода. Онъ никогда не нападалъ на людей бѣдныхъ, а только на купцовъ и, въ особенности, на чиновниковъ; онъ даже доставилъ себѣ удовольствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ высѣчь. У этого Орлова былъ чудный голосъ, онъ составилъ хоръ изъ своихъ товарищей по тюрьмѣ, и, при заходѣ солнца, я слушала, какъ они пѣли съ удивительной стройностью и выраженіемъ; одну пѣснь, полную глубокой грусти, они особенно часто повторяли: «Воля, воля дорогая». Пѣніе было ихъ единственнымъ развлеченіемъ; скученные въ тѣсной, темной тюрьмѣ, они выходили изъ нея только на работы.

coup plus pesants et leur travail plus fort. Le fameux brigand Orloff se trouvait parmi eux; c'était un héros dans son genre. Il n'attaquait jamais les pauvres gens; c'était aux marchands et surtout aux *tchinovniks* qu'il en voulait, et il s'était même donné le plaisir d'en fouetter plusieurs. Cet Orloff avait une voix magnifique, il avait formé un chœur avec ses camarades de détention, et au coucher du soleil je les entendais chanter avec une justesse et une expression vraiment étonnante; il y avait surtout un air profondément triste que je leur entendais répéter souvent: «Воля, воля дорогая» [1]). C'était leur unique distraction; entassés dans une prison étroite, sombre, ils ne la quittaient que pour les travaux forcés. Je les aidais autant que j'en avais les moyens, et j'encourageais leurs chants en m'asseyant tout près de leur triste habitation. Voilà que j'apprends un jour qu'Orloff avait fui. Toutes les recherches pour le trouver furent inutiles. Comme je me promenais un jour du côté de notre prison, je vois un forçat qui me suit, c'était jadis un brave hussard; il me dit à voix basse: «Princesse, Orloff m'envoie vers vous, il est caché au haut de ces montagnes, dans ces rochers au-dessus de votre maison; il y demeure depuis longtemps et vous prie de lui envoyer de l'argent pour s'acheter une pelisse, les nuits sont déjà froides». Je fus toute effrayée par cette révélation; cependant comment laisser ce pauvre homme sans secours? Je rentrai à la maison, je pris 10 roubles, j'avais dit préalablement à l'ex-hussard de ne pas me suivre, mais de remarquer l'endroit où je me baisserais dans ma promenade pour y déposer l'argent sous une pierre. Il ne manqua pas de faire ce que je lui avais dit et trouva l'argent de suite. Quinze jours plus tard, j'étais seule dans ma chambre, Catache n'était pas rentrée de son entrevue, je chantais au piano, il faisait assez sombre, je vois entrer quelqu'un de très grande taille, il se mit à genoux sur le

---

[1]) «Liberté, liberté chérie».

Я имъ помогала, насколько позволяли мои средства, и поощряла ихъ пѣніе, садясь у ихъ грустнаго жилища. Однажды я вдругъ узнала, что Орловъ бѣжалъ. Всѣ поиски за нимъ остались тщетны. Гуляя какъ-то въ направленіи нашей тюрьмы, я увидѣла слѣдовавшаго за мной каторжника; это былъ когда-то бравый гусаръ; онъ мнѣ сказалъ въ полъ-голоса: «Княгиня, Орловъ меня посылаетъ къ вамъ, онъ скрывается на этихъ горахъ, въ скалахъ надъ вашимъ домомъ; онъ уже давно тамъ и проситъ васъ прислать ему денегъ на шубу; ночи стали уже холодныя». Я очень испугалась этого сообщенія, а, между тѣмъ, какъ оставить несчастнаго безъ помощи? Я вернулась домой и взяла 10 рублей; я заранѣе сказала бывшему гусару, чтобы онъ за мной не слѣдовалъ, но замѣтилъ бы то мѣсто, гдѣ я во время прогулки нагнусь, чтобы положить деньги подъ камень. Онъ все исполнилъ, какъ я ему сказала, и тотчасъ же нашелъ ихъ. Прошло двѣ недѣли; я была одна въ своей комнатѣ; Каташа еще не возвращалась со свиданья съ мужемъ; я пѣла за фортепіано, было довольно темно; вдругъ кто-то вошелъ, очень высокаго роста, и сталъ на колѣни у порога. Я подошла — это былъ Орловъ «въ шубѣ», съ двумя ножами за поясомъ. Онъ мнѣ сказалъ: «Я опять къ вамъ, дайте мнѣ что-нибудь, мнѣ нечѣмъ больше жить; Богъ вернетъ вамъ, ваше сіятельство»! Я дала ему пять рублей, прося его скорѣе уйти. Каташа, по возвращеніи изъ тюрьмы, очень встревожилась отъ этого появленія, да и было отъ чего, какъ вы увидите. Я легла поздно, все думая объ этомъ разбойникѣ, котораго могли схватить, и тогда Бурнашевъ не преминулъ бы повторить свои обычныя слова: «Вы хотите поднять каторжниковъ». Среди ночи я услыхала выстрѣлы. Бужу Каташу, и мы посылаемъ въ тюрьму за извѣстіями. Тамъ все спокойно; но вся деревня поднялась на ноги, и мнѣ говорятъ, что

seuil de la porte. Je m'approche de lui, c'était Orloff en pelisse avec deux coutelas à sa ceinture. Il me dit: «Je viens encore à vous, donnez-moi quelque chose, je n'ai plus de quoi vivre, Dieu vous le rendra, Votre Altesse»! Je lui donnai cinq roubles, lui disant de sortir au plus vite. Catache, au retour de la prison, s'effraya beaucoup de cette apparition, et il y avait de quoi, comme vous allez le voir. Je m'étais couchée tard pensant toujours à ce brigand qui pouvait être pris, et alors Bournacheff n'aurait pas manqué de répéter sa phrase: «Vous voulez soulever les forçats». Au milieu de la nuit j'entends des coups de fusil, je réveille Catache, et nous envoyons à la prison pour des renseignements. Tout y était tranquille. Tout le village est bientôt sur pied, et l'on apprend que les бѣглые (fuyards) avaient été pris sur la montagne, qu'ils avaient été tous arrêtés à l'exception d'Orloff, lequel avait fui par la cheminée ou plutôt par l'ouverture qui laissait passer la fumée. Ce malheureux au lieu de s'acheter du pain, s'était amusé à boire avec ses camarades, fêtant leur délivrance. Le lendemain, grande distribution de coups de плети [1]) pour savoir qui leur avait donné l'argent pour acheter l'eau-de-vie; personne ne me nomma: le hussard aima mieux s'accuser d'un vol que de trahir mes bienfaits, comme il me l'a conté plus tard. Que de reconnaissance et de dévouement parmi ces gens que l'on m'avait dépeints comme des monstres!

Nous étions au grand carême, nos détenus ne purent obtenir la visite d'un prêtre, et comme il n'y avait pas d'église dans le village, je me décidai avec Catache à aller au Grand Zavod pour y faire nos Pâques. Cela nous prit quatre jours. Nous passâmes tristement les fêtes, n'ayant d'autre distraction que d'aller nous mettre sur la pierre non loin de la prison. Je jouais aussi avec les petits enfants du village. Je leur ra-

---

[1]) Fouet.

бѣглыхъ схватили на горѣ и всѣхъ арестовали, кромѣ Орлова, который бѣжалъ, вылѣзши сквозь трубу, или, вѣрнѣе, сквозь дымовое отверстіе. Несчастный, вмѣсто того, чтобы купить себѣ хлѣба, устроилъ попойку съ товарищами, празднуя ихъ побѣгъ. На другой день — наказаніе плетьми съ цѣлью узнать, отъ кого получены деньги на покупку водки; никто меня не назвалъ: гусаръ предпочелъ обвинить себя въ кражѣ, чѣмъ выдать меня, какъ онъ мнѣ сказалъ впослѣдствіи. Сколько чувства благодарности и преданности въ этихъ людяхъ, которыхъ мнѣ представляли, какъ изверговъ!

Насталъ Великій постъ. Наши не могли добиться священника, и, такъ какъ въ деревнѣ не было церкви, мы съ Каташей рѣшили поѣхать въ Большой заводъ, чтобы тамъ говѣть. Это заняло у насъ четыре дня. Мы грустно провели праздники: единственнымъ нашимъ развлеченіемъ было сидѣть на камнѣ противъ тюрьмы. Я также играла съ деревенскими дѣтьми, разсказывала имъ Священную исторію; они меня слушали съ восторгомъ. Однажды утромъ открывается дверь, и къ намъ является чиновникъ, совершенно пьяный, который поздравляетъ насъ съ праздникомъ, и подходитъ христосоваться, по народному обычаю; я ему отвѣчала, что въ Россіи это не принято, а, между тѣмъ, загородившись стуломъ и влача его за собой, дошла до двери и открыла ее. Вошелъ мой человѣкъ; въ это время Каташа разговаривала съ этимъ господиномъ, который оказался почтмейстеромъ. Ефимъ сказалъ ему, что у начальника тюрьмы его ждетъ завтракъ; не видя ничего у насъ на столѣ, онъ ушелъ. На другой день Каташа отправилась въ Большой заводъ къ обѣднѣ и зашла къ купцу, у котораго намъ было приказано всегда останавливаться въ виду того, что онъ былъ доносчикомъ Бурнашева. У хозяйки было много гостей, приглашенныхъ къ обѣду; она пригласила Каташу

contais l'histoire sainte, ils m'écoutaient avec adoration. Voilà qu'un matin la porte s'ouvre, et nous voyons entrer un *tchinovnik* tout à fait ivre qui nous souhaite la bonne fête (Христосъ воскресъ!) [1]), et s'avance vers nous pour nous embrasser, selon l'usage du peuple. Tout en lui répondant que cela ne se faisait pas en Russie, je me mets derrière une chaise et en la tenant j'avance derrière la porte que j'ouvre. Mon domestique entra, tandis que Catache causait avec le Monsieur, qui se trouvait être le maître de poste. Ефимъ [2]) lui dit que le déjeuner l'attendait chez le chef de la prison: il partit de suite, ne voyant rien sur notre table. Le jour suivant, Catache alla à la messe au Grand Zavod et entra chez un marchand où on nous avait dit de nous arrêter toujours, car c'était l'espion de Bournacheff. La dame du logis avait beaucoup de monde à dîner, elle engage Catache à se mettre à table; refuser serait faire une offense cruelle, l'hospitalité étant la première vertu des Sibériens. Catache se résigne, et par contenance elle veut causer avec son voisin qui n'est autre que notre maître de poste. Elle lui dit: «Nous sommes d'anciennes connaissances, n'est-ce-pas»? «Pas du tout, car je ne suis entré chez vous que parce que j'étais ivre» (я былъ у васъ въ пьяномъ видѣ). Voilà Catache tout-à-fait décontenancée, elle ne cause plus qu'avec la maîtresse de la maison et s'en va aussitôt le dîner fini.

Il était défendu *(à la Grande Usine)* non seulement de nous voir, mais encore de nous saluer; tous ceux que nous rencontrions se sauvaient dans une ruelle ou détournaient les yeux. Nos lettres étaient remises ouvertes à Bournacheff, envoyées à la Chancellerie du Commandant et ensuite à celle du Gouverneur civil à Irkoutsk, puis à Pétersbourg, à la

---

[1]) «Le Christ est ressussité»!

[2]) *Euthyme,* nom du valet de chambre.

къ столу; отказаться значило бы нанести смертельную обиду, такъ какъ гостепріимство было главнымъ качествомъ сибиряковъ. Каташа подчинилась и, чтобы скрыть свое смущеніе, заговорила съ своимъ сосѣдомъ, который оказался никѣмъ инымъ, какъ нашимъ почтмейстеромъ. Она ему говоритъ: «Мы старые знакомые, не правда ли»? — «Нисколько, потому что я былъ у васъ въ пьяномъ видѣ». Каташа, совсѣмъ смущенная, разговаривала послѣ этого только съ хозяйкой дома и тотчасъ послѣ обѣда уѣхала.

Было запрещено *(въ Большомъ Заводѣ)* не только съ нами видѣться, но и здороваться съ нами; всѣ, кого мы встрѣчали, сворачивали въ другую улицу или отворачивались. Наши письма вручались открытыми Бурнашеву, отсылались имъ въ канцелярію коменданта, затѣмъ шли въ канцелярію гражданскаго губернатора въ Иркутскѣ и, наконецъ, въ Петербургъ въ III Отдѣленіе Канцеляріи Его Величества, такъ что они шли безконечно долгое время, пока доходили до нашихъ родственниковъ [1]).

Ко всѣмъ страданіямъ, которыя испытывались нашими заключенными, прибавилось еще новое: на нихъ напали клопы и въ такомъ количествѣ, что Трубецкой натиралъ себя скипидаромъ, и то не помогало. Резановъ позволилъ имъ ночевать на чердакѣ, что на нѣсколько часовъ избавляло ихъ отъ клоповъ. Когда я возвращалась изъ тюрьмы, я вытрясала свое платье, такъ ихъ на мнѣ было много. Для нашихъ это было почти равносильно наказанію, налагаемому въ Персіи на преступниковъ, которыхъ отдаютъ на съѣденіе насѣкомымъ.

Мы получили, наконецъ, извѣстія отъ Александрины Муравьевой, которая находилась въ Читинскомъ острогѣ, иначе сказать, въ Читѣ — большой деревнѣ, гдѣ находи-

---

[1]) См. Приложеніе XIV.

IIIme section de la Chancellerie de S. M., de sorte qu'elles mettaient un temps infini à parvenir à nos parents [1]).

Une nouvelle souffrance vint se joindre à toutes celles que subissaient nos détenus: ils furent assaillis de punaises, mais au point que Troubetskoy s'enduisait le corps de térébenthine et cela n'aidait à rien. Résanoff leur permit de passer la nuit au grenier, cela les en débarrassait pour quelques heures. Quand je rentrais de la prison je faisais secouer mes habits, tant il y en avait sur moi. C'était pour eux presque la punition imposée en Perse aux malfaiteurs, que l'on livre à la piqûre des insectes.

Nous reçumes enfin des nouvelles d'Alexandrine Mouravieff, qui était installée à Tchitinsky Ostrog, autrement dit à Tchita, grand village où se trouvaient déjà son mari et plusieurs autres détenus, amenés comme toujours en charrette de poste, escortés de gendarmes et d'un courrier de cabinet (фельдъегерь). Alexandrine nous apprenait l'arrivée du Commandant Léparsky [2]) et de son entourage, et nous communiquait que nous serions tous transférés à Tchita. C'était une grande joie pour nous que l'idée d'être réunis et de n'être plus sous la juridiction des officiers des mines. Nous faisions nos paquets déjà, quand Bournacheff se fait annoncer; il entre avec sa suite qui se tient tout le temps debout, et me demande si je fais déjà mes préparatifs de voyage, je lui réponds d'un air content que nous étions prêtes.—«Eh bien, ne vous pressez pas, vous ne partirez pas de si tôt, les chemins ne sont pas sûrs, la chaîne des malfaiteurs venant de Russie s'est révoltée et ces malheureux font des brigandages». La chose était vraie en partie, il y avait eu insubordination, vu que ces pauvres gens manquaient de tout. Bournacheff ne craignait nullement pour nous, mais pour lui-même, s'imaginant que nos Messieurs se join-

---

[1]) Voir Appendice XIV.
[2]) Voir Appendice XV.

лись уже ея мужъ и нѣсколько другихъ заключенныхъ, привезенныхъ, по обыкновенію, въ почтовой телѣгѣ, подъ конвоемъ жандармовъ при фельдъ-егерѣ. Александрина сообщала намъ о прибытіи коменданта Лепарскаго [1]) съ его свитой и о томъ, что насъ всѣхъ переведутъ въ Читу. Для насъ была большою радостью мысль, что насъ соединятъ съ другими, и что мы не будемъ больше подъ начальствомъ чиновниковъ горнаго вѣдомства. Мы уже укладывались, когда Бурнашевъ велѣлъ о себѣ доложить; онъ вошелъ со своей свитой, все время стоявшей на ногахъ, и спросилъ меня, начала ли я готовиться къ отъѣзду; я ему отвѣчала съ довольнымъ видомъ, что мы уже собрались. «Ну, такъ не спѣшите, вы еще не такъ скоро уѣдете, дороги ненадежны; каторжники, шедшіе изъ Россіи, взбунтовались и занялись грабежемъ». Дѣло было отчасти справедливо: бунтъ произошелъ вслѣдствіе того, что эти бѣдные люди были лишены всего необходимаго. Бурнашевъ боялся вовсе не за насъ, а за самого себя, вообразивъ, что наши могутъ присоединиться къ этимъ преступникамъ. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли, мы получили разрѣшеніе ѣхать.

Пріѣздъ въ Читу и пребываніе тамъ.

Мы купили двѣ телѣги, одну для себя, другую подъ вещи, и поѣхали. Я съ удовольствіемъ возвращалась по этой дорогѣ, окаймленной теперь красивымъ лѣсомъ и чудными цвѣтами. Я опять остановилась у того богатаго купца, который такъ хорошо меня принялъ. Наконецъ, мы пріѣхали въ Читу, уставшія, разбитыя, и остановились у Александрины Муравьевой. Нарышкина и Ентальцева недавно прибыли изъ Россіи. Мнѣ сейчасъ же показали тюрьмы или острогъ, уже наполненныя

---

[1]) См. Приложеніе XV.

draient aux malfaiteurs. Enfin au bout de quinze jours nous recevons la permission de partir.

Arrivée et séjour à Tchita.

Nous fîmes acheter deux tarantass ou charriots, l'un pour nous, l'autre pour nos effets, et nous partîmes. Je repassais avec plaisir cette route maintenant entourée de belles forêts, de fleurs magnifiques. Je m'arrêtai de nouveau chez le riche marchand qui m'avait tant fêtée. Enfin nous arrivons à Tchita brisées de fatigue et descendons chez Alexandrine Mouravieff. Madame Narichkine et Madame Entaltzeff étaient depuis peu arrivées de Russie. L'on me fit voir de suite, de loin s'entend, les prisons ou *ostrogs* déjà remplies de monde. Il y en avait trois. C'était des espèces de casernes entourées de pallissades, hautes comme des mâts de vaisseaux. L'une des prisons était assez spacieuse, les autres très petites. Alexandrine logeait vis-à-vis de la dernière, dans la maison d'un cosaque qui avait fait une grande fenêtre au grenier d'une lucarne qui s'y trouvait. Alexandrine m'y conduisit pour m'y faire voir les prisonniers qu'elle me nommait à mesure qu'ils paraissaient dans leur potager. Chacun se promenait avec une pipe ou une bêche à la main, ou bien tenant un livre. Je n'en connaissais pas un; ils avaient l'air calme et même gai, très proprement mis. Dans le nombre se trouvaient de tout jeunes, ne paraissant pas avoir plus de 18 à 19 ans, comme Froloff, les frères Bélaeff.

Ces Messieurs allaient au travail, mais comme il n'y avait aucune espèce de mine aux environs,—notre gouvernement était mal instruit de la topographie de son pays, s'imaginant que la Sibérie en contenait partout,—le Commandant inventa d'autres travaux pour ces Messieurs: il leur fit nettoyer des étables, des écuries de la Couronne abandonnées depuis longtemps, comme celles d'Augias dans les temps fabuleux. C'était encore en hiver, bien avant notre arrivée, et quand

Чита.

Наружный видъ тюрьмы.

Tchita.

Vue extérieure de la prison.

заключенными: тюрьмъ было три, въ родѣ казармъ, окруженныхъ частоколами, высокими, какъ мачты. Одна тюрьма была довольно большая, другія — очень маленькія. Александрина жила противъ одной изъ послѣднихъ, въ домѣ казака, который устроилъ большое окно изъ находившагося на чердакѣ слухового отверстія. Александрина повела меня туда и показывала заключенныхъ, называла ихъ мнѣ по именамъ по мѣрѣ того, какъ они выходили въ свой огородъ. Они ходили, кто съ трубкой, кто съ заступомъ, кто съ книгой. Я никого изъ нихъ не знала; они казались спокойными, даже веселыми и были очень опрятно одѣты. Въ числѣ ихъ были совсѣмъ молодые люди, выглядѣвшіе 18-и—19-лѣтними, какъ, напримѣръ, Фроловъ и братья Бѣляевы.

Наши ходили на работу, но такъ какъ въ окрестностяхъ не было никакихъ рудниковъ, — такъ правительство плохо знало топографію государства, предполагая, что они есть во всей Сибири, — то комендантъ придумалъ для нихъ другія работы: онъ заставлялъ ихъ чистить казенные хлѣвы и конюшни, давно заброшенные, какъ конюшни Авгіевы миѳологическихъ временъ. Такъ было еще зимой, задолго до нашего пріѣзда, а когда настало лѣто, они должны были мести улицы. Мой мужъ пріѣхалъ двумя днями позже насъ со своими товарищами и съ неизбѣжными ихъ спутниками. Когда улицы были приведены въ порядокъ, комендантъ придумалъ для работъ ручныя мельницы; заключенные должны были смолоть опредѣленное количество муки въ день; эта работа, налагаемая, какъ наказаніе, въ монастыряхъ, вполнѣ отвѣчала монастырскому образу ихъ жизни. Такъ провела большая часть ихъ 15 лѣтъ своей юности въ заточеніи, тогда какъ приговоръ установлялъ ссылку и каторжныя работы, а никакъ не тюремное заточеніе.

l'été fut venu, on leur faisait balayer les rues. Mon mari arriva deux jours après nous avec ses camarades et leur suite obligée. Une fois les rues mises en ordre, le Commandant imagina de les faire travailler à des moulins à bras; ces Messieurs devaient moudre telle quantité de farine par jour, punition pratiquée dans les couvents, et qui ne répondait que trop à la vie monastique qu'ils menaient. C'est ainsi que la plupart passèrent 15 années de leur belle jeunesse dans une réclusion forcée, n'ayant été condamnés qu'à l'exil et aux travaux forcés, mais nullement à la prison.

Il fallait chercher un logement pour moi, Mme Narichkine logeait déjà avec Alexandrine. Je pris Mme Entaltzeff chez moi, et à nous trois avec Catache nous occupâmes une chambre dans la maison d'un diacre. Elle était partagée par une cloison. Mme Entaltzeff prit la plus petite pour elle seule. Cette brave femme avait déjà ses 44 ans, elle ne manquait pas d'esprit, elle avait lu tout ce qui existait en fait de livres russes, sa conversation était agréable. Elle était dévouée de cœur et d'âme à son bourru de mari, ex-colonel d'artillerie. Catache s'arrangeait de tout, elle qui avait été élevée à la belle maison Laval [1]) à Pétersbourg et marché sur les dalles de marbre de Néron, dont sa mère avait fait acquisition à Rome. Elle se passait de tout, mais elle aimait le monde, la causerie; son esprit était fin et très piquant, son humeur douce et agréable.

Maintenant que je suis en train de vous parler de mes compagnes je vous dirai qu'Alexandrine Mouravieff était celle que j'aimais le plus; elle avait un cœur aimant, de la noblesse dans toutes ses actions; enthousiaste pour son mari, elle s'en faisait un Dieu et voulait que nous le prissions pour tel. Nikita Mouravieff était froid, sérieux; c'était un homme

---

[1]) Le comte Laval, haut personnage à la Cour de Russie, avait son palais au quai Anglais de la Néva, palais dont parle Nékrassoff dans son poème: «Les femmes russes».

Мнѣ нужно было искать себѣ помѣщеніе. Нарышкина уже жила съ Александриною. Я пригласила къ себѣ Ентальцеву и, втроемъ съ Каташею, мы заняли одну комнату въ домѣ дьякона; она была раздѣлена перегородкой, и Ентальцева взяла меньшую половину для себя одной. Этой прекрасной женщинѣ минуло уже 44 года; она была умна, прочла все, что было написано на русскомъ языкѣ, и ея разговоръ былъ пріятенъ. Она была предана душой и сердцемъ своему угрюмому мужу, бывшему полковнику артиллеріи. Каташа была нетребовательна и всѣмъ довольствовалась, хотя выросла въ Петербургѣ, въ великолѣпномъ домѣ Лаваля, гдѣ ходила по мраморнымъ плитамъ, принадлежавшимъ Нерону и пріобрѣтеннымъ ея матерью въ Римѣ, — но она любила свѣтскіе разговоры, была тонкаго и остраго ума, имѣла характеръ мягкій и пріятный.

Заговоривъ о своихъ подругахъ, я должна вамъ сказать, что къ Александринѣ Муравьевой я была привязана больше всѣхъ; у нея было горячее сердце, благородство проявлялось въ каждомъ ея поступкѣ; восторгаясь мужемъ, она его боготворила и хотѣла, чтобы и мы къ нему относились такъ же. Никита Муравьевъ былъ человѣкъ холодный, серіозный — человѣкъ кабинетный и никакъ не живого дѣла; вполнѣ уважая его, мы, однакоже, не раздѣляли ея восторженности. Нарышкина, маленькая, очень полная, нѣсколько афектированная, но, въ сущности, вполнѣ достойная женщина; надо было привыкнуть къ ея гордому виду, и тогда нельзя было ее не полюбить. Фонъ-Визена пріѣхала вскорѣ послѣ того, какъ мы устроились; у нея было совершенно русское лицо, бѣлое, свѣжее, съ выпуклыми голубыми глазами; она была маленькая, полненькая, при этомъ — очень болѣзненна; ея безсонницы сопровождались видѣніями; она кричала по ночамъ такъ, что слышно было на улицѣ. Все это у нея прошло, когда она переѣхала на

de cabinet, mais nullement d'action; tout en l'estimant beaucoup, nous ne partagions pas cette admiration. Mme Narichkine était petite, très forte, se donnant des grâces, mais au fond très estimable; on finissait par l'aimer une fois que l'on s'était habitué à son air fier. Mme Von-Wiesen arriva bientôt après notre installation, elle avait une physionomie tout-à-fait russe, blanche, fraîche, des yeux bleus à fleurs de tête, petite, rondelette. Très maladive, ses insomnies étaient accompagnées de visions, elle criait la nuit au point qu'on l'entendait dans la rue. Tout cela lui passa une fois aux colonies, mais il lui en est resté la manie de vous fixer et de prédire votre avenir. Cette fantaisie même lui a passé; en rentrant en Russie elle a perdu son mari et s'est remariée à l'âge de 53 ans avec Monsieur Poustchine, parrain de mon fils [1]). Mme Annenkoff, nous est arrivée étant encore Mlle Paul, jeune française; belle femme, d'une trentaine d'années, elle pétillait d'entrain, de gaîté, elle savait ridiculiser son monde à merveille; aussitôt son arrivée, le Commandant lui dit avoir déjà reçu les ordres de Sa Majesté concernant son mariage. On ôta les fers à J. Annenkoff au moment de le mener à l'église, car d'après nos lois il est ordonné de le faire ainsi, et on les lui remit ensuite. Les dames accompagnèrent Mlle Paul à l'église. Elle ne comprenait pas le russe et riait tout le temps avec ses garçons de noce, Svistounoff et Alexandre Mouravieff. Sous cette apparente insouciance il y avait un profond sentiment d'amour pour Annenkoff, qui lui avait fait renoncer à son pays et à sa vie indépendante. Quand elle était venue présenter sa supplique pour aller en Sibérie, Sa Majesté était sur son perron; au moment de monter en calèche il lui demande: «Etes-vous mariée»?—«Non, Sire, mais je veux partager le sort de l'exilé». Elle a été une épouse dévouée, une mère tendre, elle travaillait du matin au soir tout en conservant

---

[1]) Voir Appendice XVI.

поселеніе, но у нея осталась манія, уставивъ на васъ глаза, предсказывать вамъ вашу будущность, однако, и эта странность у нея потомъ прошла. По возвращеніи въ Россію, она лишилась мужа и 53 лѣтъ отъ роду вышла вторично замужъ за Пущина, крестнаго отца моего сына [1]). Анненкова пріѣхала къ намъ, нося еще имя Mlle Поль. Это была молодая француженка, красивая, лѣтъ 30; она кипѣла жизнью и веселіемъ и умѣла удивительно выискивать смѣшныя стороны въ другихъ. По ея пріѣздѣ комендантъ тотчасъ объявилъ ей, что уже получилъ повелѣніе Его Величества относительно ея свадьбы. Съ Анненкова, какъ того требуетъ законъ, сняли кандалы, когда повели въ церковь и, по возвращеніи, ихъ опять на него надѣли. Дамы проводили Mlle Поль въ церковь; она не понимала по-русски и все время пересмѣивалась съ шаферами — Свистуновымъ и Александромъ Муравьевымъ. Подъ этой кажущейся безпечностью скрывалось глубокое чувство любви къ Анненкову, заставившее ее отказаться отъ своей родины и отъ независимой жизни. Когда она подавала просьбу Его Величеству о разрѣшеніи ей ѣхать въ Сибирь, онъ былъ на крыльцѣ; садясь въ коляску, онъ спросилъ ее: «Вы замужемъ»? — «Нѣтъ, Государь, но я хочу раздѣлить участь сосланнаго». Она осталась преданной женой и нѣжной матерью; она работала съ утра до вечера, сохраняя при этомъ изящество въ одеждѣ и свой обычный говоръ. На слѣдующій годъ къ намъ пріѣхала Давыдова. Она привезла съ собой мою дѣвушку Машу, которая умолила моихъ родителей позволить ей ѣхать ко мнѣ [2]). Позже прибыли къ намъ еще три дамы (всего десять), о которыхъ я скажу въ свое время.

---

[1]) См. Приложеніе XVI.

[2]) Марья Матвѣевна Мальнева. Пріѣхавъ въ Сибирь, эта прекрасная женщина не разставалась болѣе съ княгиней Волконской и умерла въ старости, вскорѣ за нею, въ с. Воронкахъ Черниговской губерніи.

son élégance et aussi son langage habituel. L'année suivante Mme Davidoff nous arriva, elle avait avec elle ma femme de chambre Macha [1]), qui avait supplié mes parents de lui permettre de me suivre. Plus tard il nous vint d'autres dames (en tout dix) dont je parlerai plus loin.

Les lettres de Russie nous arrivaient plus exactement, et les envois aussi. Je reçus un charroi de provisions de sucre, vin, huiles, riz et même du porter. C'est la seule fois que j'eus ce plaisir; je compris plus tard d'où venait cette espèce de négligence, c'est que mes parents étaient partis pour l'étranger. Mais Alexandrine, Catache et Mme Narichkine recevaient annuellement tout ce qu'il leur fallait, de sorte qu'il y avait toujours du vin et des gruaux pour les malades. Bientôt il fut permis d'avoir des entrevues à la maison, et c'est alors que mes provisions arrivèrent; tout fut partagé entre les camarades. La difficulté était de passer le vin, expressément défendu à la prison. Serge en mettait 2 bouteilles dans ses poches pendant les entrevues et les emportait ainsi; comme je n'en avais que cinquante, cela fut vite transporté.

Notre vie était devenue plus tolérable à Tchita; les dames se voyaient entre elles en faisant des promenades hors du village. Les maris avaient retrouvé d'anciens amis. En prison, tout était en commun, les effets, les livres, mais ils étaient bien à l'étroit, c'est à peine s'il y avait une archine entre les lits; le bruit des chaînes, celui de la conversation, du chant, était insupportable à ceux dont la santé faiblissait. La prison était sombre: des fenêtres d'écurie sous le plafond. En été ces Messieurs se tenaient dehors, chacun avait son petit coin de terre à cultiver dans une vaste cour, mais en hiver c'était insupportable. Ils étaient au nombre de 73. Voici leurs noms [2]).

---

[1]) Marie Malieff. Arrivée en Sibérie cette brave femme ne quitta plus la P-sse Wolkonsky; elle mourut la suivant de près et très avancée en âge au village Voronki gouvernement de Tchernigoff.

[2]) Place laissée en blanc par l'auteur. Voir Appendice XVII.

Чита.

Внутренняя сторона тюрьмы.

Tchita.

Côté intérieur de la prison.

Письма изъ Россіи приходили къ намъ болѣе аккуратно, а равно и посылки. Я получила «обозъ» съ провизіей: сахаръ, вино, прованское масло, рисъ и даже портеръ; это единственный разъ, что я имѣла это удовольствіе; позже я узнала причину невниманія этого рода: мои родные уѣхали за границу. Между тѣмъ, Александрина, Каташа и Нарышкина получали ежегодно все необходимое, такъ что всегда имѣлись вино и крупа для больныхъ. Скоро намъ разрѣшили свиданія на дому, и какъ разъ въ это время я получила свою провизію; все было распредѣлено между товарищами. Затрудненіе состояло въ передачѣ вина, строго запрещавшагося въ тюрьмѣ. Во время свиданія Сергѣй клалъ по двѣ бутылки въ карманы и уносилъ съ собою; такъ какъ у меня ихъ было всего пятьдесятъ, то перенесены онѣ были скоро.

Въ Читѣ наша жизнь стала сноснѣе; дамы видались между собою во время прогулокъ въ окрестностяхъ деревни; мужчины вновь сошлись со своими старыми друзьями. Въ тюрьмѣ все было общее — вещи, книги; но было очень тѣсно: между постелями было не болѣе аршина разстоянія; звонъ цѣпей, шумъ разговоровъ и пѣсенъ были нестерпимы для тѣхъ, у которыхъ здоровье начинало слабѣть. Тюрьма была темная, съ окнами подъ потолкомъ, какъ въ конюшнѣ. Лѣтомъ заключенные проводили время на воздухѣ; каждый изъ нихъ имѣлъ на большомъ дворѣ клочекъ земли, который и обрабатывалъ; но зимою было невыносимо. Въ Читѣ ихъ было 73 человѣка; вотъ ихъ имена [1]).

Такъ какъ свиданья допускались лишь два раза въ недѣлю, то мы ходили къ тюремной оградѣ—высокому частоколу изъ толстыхъ, плохо соединенныхъ бревенъ; такимъ способомъ мы видались и разговаривали другъ

---

[1]) Пробѣлъ у автора. См. Приложеніе XVII.

Comme les entrevues n'avaient lieu que deux fois par semaine, nous allions à la grille, une haute palissade formée de grosses poutres mal jointes; on se voyait et on se parlait ainsi. Les premiers temps on le faisait à ses risques et périls, crainte d'être surprise par le vieux Commandant ou bien par ses insupportables aides de camp qui rôdaient autour, on payait la sentinelle, qui vous prévenait de leur approche. Voilà qu'un jour un soldat des mines se met en devoir de crier contre nous, et non content de cela il donne un coup de poing à Catache. A cette vue je cours chez Mr Smolianinoff, chef du village, qui menace le soldat de le faire punir, et j'écris une lettre très forte au Commandant qui s'en formalise, me boude; mais depuis nous pûmes rester autant que nous le voulions à la grille. Catache y faisait salon: elle apportait un pliant de chez elle, s'asseyait (car elle était très forte), et l'on faisait cercle dans l'intérieur de la cour de la prison, chacun attendant son tour de causer. Notre tranquillité fut troublée par l'arrivée d'un «feldjäger» [1]) qui venait emmener quelqu'un pour lui faire subir de nouvelles interrogations à Pétersbourg. Il nous fallait absolument savoir qui serait la personne désignée; chacune de nous le redoutait pour son mari. Je vais me promener devant la maison du Commandant, et je rencontre le courrier, qui me reconnait pour m'avoir vue chez le prince Pierre Wolkonsky [2]); il me salue et me dit en passant devant moi qu'il doit emmener un des détenus, mais qu'il ne connaît pas son nom. Alors je lui dis de venir à la messe le lendemain, Dimanche, et de m'en prévenir. Je me lève de grand matin, vais à l'église, et je prie de tout cœur le Dieu de bonté pour que mon mari ne soit pas enlevé. J'entends les éperons du courrier; il se met derrière moi et en se prosternant il me dit: «C'est Kornilovicz». Je remercie Dieu et je

---

[1]) Courrier.

[2]) Ministre de la Cour.

съ другомъ. Первое время это дѣлалось подъ страхомъ быть застигнутыми старымъ комендантомъ или его несносными адъютантами, бродившими кругомъ; мы давали на чай часовому, и онъ насъ предупреждалъ о ихъ приближеніи. Однажды одинъ изъ солдатъ горнаго вѣдомства счелъ своимъ долгомъ раскричаться на насъ и, не довольствуясь этимъ, ударилъ Каташу кулакомъ. Видя это, я побѣжала къ господину Смольянинову, начальнику въ деревнѣ, который пригрозилъ солдату наказаніемъ, и тотчасъ же написала очень сильное письмо коменданту; онъ обидѣлся и надулся на меня, но съ тѣхъ поръ мы могли, сколько хотѣли, оставаться у ограды. Каташа тамъ устраивала пріемъ, приносила отъ себя складной стулъ, такъ какъ была очень полна, и садилась; внутри тюремнаго двора собирался кружокъ, и каждый ждалъ своей очереди для бесѣды. — Наше спокойствіе было нарушено появленіемъ фельдъ-егеря, который пріѣхалъ, чтобы увезти одного изъ арестантовъ въ Петербургъ для новаго допроса. Намъ необходимо было узнать, кого именно это касалось: каждая изъ насъ боялась за своего мужа. Я пошла гулять по направленію къ комендантскому дому и встрѣтила фельдъ-егеря, который узналъ меня,—онъ меня видалъ у князя Петра Волконскаго,—поклонился мнѣ и сказалъ, проходя мимо, что долженъ увезти одного изъ заключенныхъ, но имени его не знаетъ. Тогда я его попросила прійти на другой день, въ воскресенье, въ церковь и сказать мнѣ. Я встала рано утромъ, пошла въ церковь и отъ всего сердца молила милосердаго Господа, чтобы не увозили моего мужа. Слышу шпоры фельдъ-егеря: онъ становится за мной и, кладя земной поклонъ, говоритъ мнѣ: «Это Корниловичъ». Я благодарила Бога и осталась до конца обѣдни, несмотря на нетерпѣніе пойти успокоить мужа, но адъютанты и доносчики коменданта были тутъ и не

reste à l'église jusqu'à la fin de la messe, malgré mon impatience d'aller tranquilliser mon mari; mais les aides de camp et les espions du Commandant étaient là et ne nous quittaient pas des yeux. A peine fus-je hors de leur présence que je me mis à courir pour faire savoir la nouvelle dans les trois prisons et à nos dames. C'était au cœur de l'hiver: il faisait 40 degrés de froid. Oh! quel horrible froid, et combien il m'a enlevé de santé!

Cependant nous n'ajoutions pas entièrement foi aux paroles du courrier, qui m'avait dit encore qu'il devait partir dans la nuit. Nous nous décidons à veiller et à nous partager les différentes rues du village; je prends celle du Commandant, parce que l'Ostrog de mon mari se trouvait non loin de sa maison. Le froid était intense, j'entrais de temps en temps chez Alexandrine pour avaler une tasse de thé, elle était au centre de nos opérations, vis-à-vis de la prison de son mari, et faisait toujours tenir la bouilloire brûlante pour nous réchauffer. Minuit, une heure, deux heures, rien de nouveau. Enfin Catache arrive pour nous dire qu'il y a du mouvement dans la maison de poste, et que l'on fait sortir les chevaux de l'écurie. Je cours à la prison de mon mari où Kornilovicz se trouvait aussi, et je vois arriver les officiers et cosaques, qui disent à ce dernier d'emballer ses effets et de partir pour Pétersbourg. Je retourne chez Alexandrine et nous nous mettons toutes derrière une haie. La nuit était superbe, un clair de lune magnifique, nous nous tenions en silence attendant toujours l'événement. Enfin nous voyons avancer au pas un kibitka, les clochettes attachées ne faisaient aucun bruit; les officiers de l'Etat-Major du Commandant marchaient derrière, et dès qu'ils furent près de nous, nous sortîmes à la fois et criâmes: «Bon voyage, M. Kornilovicz, que Dieu vous conduise»! C'était comme un coup de théâtre, les messieurs de l'escorte n'en revenaient pas d'étonnement de ce que nous étions instruites de ce départ tenu dans le plus grand

спускали съ насъ глазъ. Какъ только я отъ нихъ освободилась, я пустилась бѣжать, чтобы повѣстить объ этомъ въ трехъ тюрьмахъ и нашихъ дамъ. Это происходило среди зимы, было 40° мороза. Что за ужасный холодъ, и сколько онъ унесъ у меня здоровья!

Все же мы не вполнѣ вѣрили словамъ фельдъ-егеря, который мнѣ также сказалъ, что уѣзжаетъ въ ту же ночь. Мы рѣшили не ложиться и распредѣлили между собой для наблюденія всѣ улицы деревни; я выбрала улицу коменданта, такъ какъ острогъ, въ которомъ находился мужъ, былъ недалеко отъ его дома. Холодъ стоялъ жестокій; отъ времени до времени я заходила къ Александринѣ, чтобы проглотить чашку чая; она была въ центрѣ нашихъ дѣйствій и противъ тюрьмы своего мужа; у нея все время кипѣлъ самоваръ, чтобы мы могли согрѣваться. Полночь, часъ ночи, два часа — ничего новаго. Наконецъ, Каташа является и говоритъ намъ, что на почтовой станціи движеніе, и выводятъ лошадей изъ конюшни. Я бѣгу къ тюрьмѣ мужа, въ которой сидѣлъ и Корниловичъ, и вижу, какъ приближаются офицеры и казаки, которые даютъ ему приказаніе укладываться для отправленія въ Петербургъ. Я возвращаюсь къ Александринѣ, и мы всѣ становимся за заборомъ. Была чудная лунная ночь; мы стоимъ молча, въ ожиданіи событія. Наконецъ, мы видимъ приближающуюся шагомъ кибитку; подвязанные колокольчики не звенятъ; офицеры штаба коменданта идутъ за кибиткой; какъ только они съ нами поровнялись, мы разомъ вышли впередъ и закричали: «Счастливаго пути, Корниловичъ, да сохранитъ васъ Богъ»! Это было театральной неожиданностью; конвоировавшіе высылаемаго не могли прійти въ себя отъ удивленія, не понимая, какъ мы могли узнать объ этомъ отъѣздѣ, который ими держался въ величайшей тайнѣ. Старикъ комендантъ долго надъ этимъ раздумывалъ.

secret par eux. Le vieux Commandant y pensait longtemps après.

Kornilovicz ne revint pas. Après avoir subi un interrogatoire inutile, il fut envoyé dans une des forteresses de la Finlande où il mourut quelques années après [1]). C'était un homme d'un caractère ferme, et certes ce n'est point après l'avoir fait passer par toutes les humiliations et les peines morales possibles qu'on devait espérer d'obtenir de lui des renseignements certains sur l'affaire qui a épouvanté l'Empereur Nicolas jusqu'à ses derniers jours.

Peu à peu le reste des exilés arrivaient et se casaient en prison. On avait même amené deux Polonais dont l'un, M. Roukewitch, nous fit rire par ses gentillesses sarmates. A peine entré dans l'ostrog vis-à-vis de la maison d'Alexandrine, il se plaça près de la grille et se mit à chanter d'un air sentimental (avec un accent polonais des plus prononcés) une vieille romance française: «Dans une tour obscure, un jeune roi languit» [2]). Il n'était ni jeune, ni beau, ni intéressant: cette prétention d'entonner un air français quand on n'en connaît pas la langue nous divertit infiniment.

Plusieurs des détenus dont le terme était venu furent expédiés aux colonies, c'est-à-dire délivrés des travaux forcés, mais dispersés sur la surface de la Sibérie: Lihareff, le comte Tchernicheff (frère d'Alexandrine), Lissovsky, Krivtsoff et d'autres. J'ai dû me séparer de la pauvre madame Entaltzeff, qui partit pour Beresoff, petite ville, la plus septentrionale du gouvernement de Tobolsk. Les adieux d'Alexandrine et de son frère furent déchirants; ils ne se revirent plus. Un an ou deux plus tard Tschernicheff fut envoyé comme soldat au Caucase. Nous nous occupâmes du trousseau de ces messieurs, qui n'avaient personne pour les pourvoir de linge et d'effets. Le Commandant leur permit de faire leurs adieux aux dames.

---

[1]) Ce n'est pas exact. Voir Appendice XVIII.

[2]) De l'opéra «Richard Cœur de lion», de Grétry.

Корниловичъ не вернулся. Пройдя черезъ ненужный допросъ, онъ былъ заключенъ въ одну изъ крѣпостей Финляндіи, гдѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ спустя [1]). Это былъ человѣкъ твердаго характера, и уже, конечно, не путемъ всевозможныхъ униженій и нравственныхъ страданій можно было надѣяться получить отъ него точныя свѣдѣнія о дѣлѣ, приводившемъ въ ужасъ Императора Николая до конца его дней.

Одинъ за другимъ пріѣзжали и остальные изгнанники и размѣщались по тюрьмамъ. Привезли и двухъ поляковъ, изъ которыхъ одинъ, Рукевичъ, насъ забавлялъ своими сарматскими выходками. Едва онъ успѣлъ войти въ острогъ, противъ дома Александрины, какъ сталъ у ограды и съ сентиментальнымъ видомъ и сильнымъ польскимъ акцентомъ запѣлъ старый французскій романсъ: «Въ стѣнахъ мрачной башни младой король тоскуетъ» [2]). Онъ не былъ ни молодъ, ни красивъ, ни привлекателенъ; эта претензія на французскій романсъ, при незнаніи языка, насъ очень забавила.

Нѣкоторые изъ заключенныхъ, которымъ пришелъ срокъ, были отправлены на поселеніе, то-есть освобождены отъ работъ и разселены по всей Сибири: Лихаревъ, графъ Чернышевъ (братъ Александрины), Лисовскій, Кривцовъ и другіе. Я должна была разстаться съ бѣдной Ентальцевой, которая уѣхала въ Березовъ, маленькій и самый сѣверный городъ Тобольской губерніи. Прощаніе Александрины съ братомъ было раздирающее; они больше не свидѣлись. Годъ или два спустя, Чернышевъ былъ переведенъ солдатомъ на Кавказъ. Мы занимались одеждою уѣзжавшихъ; безъ насъ некому было снабдить ихъ бѣльемъ и платьемъ. Комендантъ далъ имъ разрѣшеніе проститься съ дамами.

---

[1]) Неточность у автора. См. Приложеніе XVIII.

[2]) Изъ оперы Грэтри «Ричардъ, Львиное Сердце».

1829.

Au 1er août 1829, grande nouvelle. Un courrier apporte l'ordre d'ôter les fers aux détenus. Nous nous étions si bien habituées à ce bruit de chaînes que c'est même avec un certain plaisir que je l'entendais, car il m'avertissait de l'approche de Serge aux entrevues.

Les premiers temps de notre exil, je pensais qu'il finirait sûrement au bout de cinq années, ensuite je me disais que cela viendrait dans dix et puis dans quinze ans, mais après 25 ans, je n'y pensais plus. Tout ce que je demandais à Dieu c'était de tirer mes enfants de la Sibérie.

Ce fut à Tchita que je reçus la nouvelle de la mort de mon pauvre Nicolas, de mon premier-né, laissé à Pétersbourg. Le poète Pouchkine m'envoya une épitaphe qu'il avait composée pour lui:

Въ сіяньи, въ радостномъ покоѣ,
У Трона Вѣчнаго Отца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца [1])...

Un an après j'appris la mort de mon père. Je m'y attendais si peu, cette secousse fut si forte qu'il me semblait que le ciel avait croulé sur ma tête; j'en tombai malade. Le Commandant permit à Wolff, docteur et camarade de mon mari, de venir me voir, escorté de soldats et d'un officier.

Le bruit courait alors que le Commandant faisait bâtir, à 600 verstes de nous, une énorme prison avec des casemates sans fenêtres, cela nous attristait beaucoup. J'oubliais de dire ce qui nous inquiétait plus encore; l'année précédente la

---

[1]) «Dans la lumière et dans le repos joyeux,
Près du trône du Père Eternel,
Il regarde en souriant la terre d'exil,
Bénit sa mère et prie pour son père»...

1829 г.

1-го августа 1829 года пришла великая новость: фельдъ-егерь привезъ повелѣніе снять съ заключенныхъ кандалы. Мы такъ привыкли къ звуку цѣпей, что я даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ прислушивалась къ нему: онъ меня увѣдомлялъ о приближеніи Сергѣя при нашихъ встрѣчахъ.

Первое время нашего изгнанія я думала, что оно, навѣрное, кончится черезъ 5 лѣтъ, затѣмъ я себѣ говорила, что это будетъ черезъ 10, потомъ черезъ 15 лѣтъ, но послѣ 25 лѣтъ я перестала ждать. Я просила у Бога только одного: чтобъ онъ вывелъ изъ Сибири моихъ дѣтей.

Въ Читѣ я получила извѣстіе о смерти моего бѣднаго Николая, моего первенца, оставленнаго мною въ Петербургѣ. Пушкинъ прислалъ мнѣ эпитафію на него:

«Въ сіяньи, въ радостномъ покоѣ,
У Трона Вѣчнаго Отца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.....

Черезъ годъ я узнала о смерти моего отца. Я такъ мало этого ожидала, потрясеніе было до того сильно, что мнѣ показалось, что небо на меня обрушилось; я заболѣла, комендантъ разрѣшилъ Вольфу, доктору и товарищу моего мужа, навѣщать меня подъ конвоемъ солдатъ и офицера.

Въ это время прошелъ слухъ, что комендантъ строитъ въ 600 верстахъ отъ насъ громадную тюрьму съ отдѣленіями безъ оконъ; это насъ очень огорчало. Я забыла сказать вамъ, что насъ встревожило еще болѣе: за годъ передъ тѣмъ черезъ Читу прошли каторжники; съ ними было трое нашихъ ссыльныхъ: Сухининъ, баронъ Соловьевъ и Мозгалевскій. Всѣ трое принадлежали къ

chaîne des forçats avait passé par Tchita, conduisant avec elle trois exilés: Soukhinine, le baron Solovieff et Mozgalevsky. Tous du régiment de Tchernigoff et camarades de feu Serge Mouravieff, ils avaient fait tout le voyage à pied avec des malfaiteurs. Ils nous firent avertir de leur arrivée, mon mari me dit d'y aller, de leur porter du secours, de tâcher de calmer Soukhinine qui était très exalté par la situation, et de l'engager à la patience.

L'ostrog où s'arrêtait la chaîne des forçats était hors du village, à trois verstes de chez moi. Je réveille Catache et Mme Entaltzeff à la pointe du jour, et nous partons, comme de raison, à pied, par un froid horrible; nous faisons un grand circuit pour éviter les sentinelles et nous arrivons. Nous approchons de la grille, ces Messieurs étaient déjà là à nous attendre; il faisait encore assez sombre. Soukhinine était d'une exaspération à ne vouloir rien entendre de ce que nous lui disions; il ne parlait que de soulever les forçats à Nertchinsk, de revenir vers Tchita et de délivrer les prisonniers d'Etat. Solovieff, très calme de caractère, très patient, me dit que ce n'était qu'une exaltation passagère, qu'il se calmerait. Enfin, je m'en suis allée triste et inquiète. Mes prévisions ne se sont que trop réalisées. Soukhinine, à peine arrivé aux mines de Nertchinsk, se défia de ses camarades, il s'en sépara et se confia aux malfaiteurs du lieu; ils s'armèrent tant bien que mal au nombre de 200 hommes et se retirèrent vers la frontière de Chine; mauvais calcul encore, car les Chinois livrent toujours au Gouvernement russe tous les réfugiés qui se fient à eux. Ces pauvres fous ne coururent pas ce risque; ils furent tous pris par les cosaques qui gardaient la ligne, et mis au secret. Un courrier fut envoyé à Sa Majesté qui ordonna de les juger en 24 heures et de faire fusiller les plus coupables. Notre Commandant partit pour les mines, il remplit ponctuellement ce qui lui avait été ordonné. Soukhinine apprit sa condamnation la veille du jour désigné pour son exécution, et

Черниговскому полку и были товарищами покойнаго Сергѣя Муравьева; они прошли пѣшкомъ весь путь до Сибири вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками. Они насъ извѣстили о своемъ прибытіи; мужъ велѣлъ мнѣ къ нимъ пойти, оказать имъ помощь, постараться успокоить Сухинина, который былъ очень возбужденъ, и внушить ему терпѣніе.

Острогъ, гдѣ останавливались каторжные, находился за деревней, въ трехъ верстахъ отъ моего помѣщенія. Я разбудила Каташу и Ентальцеву на зарѣ, и мы отправились, конечно, пѣшкомъ, въ страшный холодъ; сдѣлавъ большой крюкъ, чтобы избѣжать часовыхъ, мы дошли до острога. Когда мы приблизились къ оградѣ, эти господа уже стояли тамъ и насъ ожидали; было еще довольно темно. Сухининъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что и слушать насъ не хотѣлъ; онъ говорилъ только о томъ, что надо поднять каторжныхъ въ Нерчинскѣ, вернуться въ Читу и освободить государственныхъ преступниковъ. Соловьевъ, очень спокойнаго характера, очень терпѣливый, сказалъ мнѣ, что это лишь временное возбужденіе, что онъ успокоится. Наконецъ, я ушла, грустная и встревоженная. Къ несчастію, мои опасенія сбылись. Сухининъ, какъ только прибылъ въ Нерчинскій заводъ, сталъ остерегаться своихъ товарищей, отстранился отъ нихъ и отдался въ руки мѣстныхъ каторжниковъ; они вооружились чѣмъ попало и, въ числѣ 200 человѣкъ, отступили къ китайской границѣ: и тутъ плохой расчетъ, такъ какъ китайцы всегда выдаютъ русскому правительству бѣглецовъ, которые имъ себя ввѣряютъ; но наши несчастные безумцы не подверглись и этому: они всѣ были перехвачены казаками, охраняющими границу, и заперты. Отправленъ былъ курьеръ къ Его Величеству, привезшій повелѣніе судить ихъ въ 24 часа и разстрѣлять наиболѣе виновныхъ. Нашъ комендантъ

quand on vint ouvrir sa prison on le trouva mort, il s'était pendu à une poutre qui soutenait le plafond, la courroie qui soutenait ses fers lui tint lieu de corde. Tous les autres condamnés furent conduits hors du village, ils étaient au nombre de 20 et furent mis à mort, mais de quelle manière! On donna le signal aux soldats de tirer, mais leurs fusils étant vieux et rouillés et eux-mêmes ne sachant pas viser, ils manquaient leurs coups, blessant tantôt un bras, tantôt une jambe, enfin c'était un vrai martyre. Le lendemain le Commandant fit enterrer les morts, et quand tout le monde se fut retiré, il salua toutes les tombes, leur demandant pardon. Nous apprîmes tous ces détails de Solovieff et Mozgalevsky, qui furent amenés chez nous. Cela nous donna une profonde tristesse. Le Commandant revint sombre et découragé, il ne voyait que fuites et incendies, et il se pressa de faire achever la prison de *Pétrowsk*.

Alexandrine, qui recevait beaucoup d'argent secrètement de la part de sa belle-mère, soit par un domestique qu'on lui envoyait, soit par quelque autre moyen, se fit bâtir à l'avance une maison non loin de cette prison; c'est l'ingénieur chargé de la grande construction qui en fut chargé aussi, moyennant un riche cadeau. Comme Catache et moi, nous avions à peine de quoi vivre, nous n'y pensions pas, ni les autres dames non plus.

Pour vous donner une idée de la simplicité des mœurs de ce temps-là et vous distraire un moment de l'événement tragique que je viens de raconter, je vous dépeindrai une promenade que firent Mme Narichkine et Mme Entaltzeff, bien avant le départ de cette dernière pour Beresoff.

Ces deux dames étaient allées se promener hors du village, elles avaient fait sans s'en douter beaucoup de chemin, et arrivèrent à grand'peine au bord de la rivière qui les séparait du village. Mais il n'y avait pas de pont à cet endroit: comment faire pour passer? L'eau était basse, mais toujours il y en avait jusqu'à la ceinture. Elles aperçurent une nacelle

отправился въ рудники и исполнилъ въ точности, что ему было повелѣно. Сухининъ узналъ о приговорѣ надъ нимъ наканунѣ дня, назначеннаго для его казни, и когда вошли въ его тюрьму, то нашли его мертвымъ: онъ повѣсился на балкѣ, подпиравшей потолокъ, и ремень, которымъ поддерживались его кандалы, послужилъ ему веревкою. Всѣ остальные приговоренные были выведены за деревню и, въ числѣ 20 человѣкъ, преданы смерти, но какимъ образомъ! Солдатамъ скомандовали стрѣлять, но ихъ ружья были стары и заржавлены, а сами они, не умѣя цѣлиться, давали промахи или попадали то въ руку, то въ ногу; словомъ — это было настоящее истязаніе. На другой день комендантъ велѣлъ похоронить умершихъ, и, когда всѣ удалились, онъ преклонился передъ каждой могилой, прося прощенія. Мы узнали всѣ эти подробности отъ Соловьева и Мозгалевскаго, которыхъ къ намъ перевели. Это навело на насъ глубокую тоску, Комендантъ вернулся мрачный и безпокойный: онъ видѣлъ передъ собой только побѣги, да пожары и спѣшилъ окончаніемъ постройки Петровской тюрьмы.

Александрина, получавшая тайкомъ много денегъ отъ своей свекрови, то черезъ посылаемаго къ ней слугу, то другимъ какимъ-либо путемъ, выстроила себѣ домъ вблизи этой тюрьмы; постройка эта, при помощи богатаго подарка, была произведена тѣмъ же инженеромъ, который строилъ и самую тюрьму. Такъ какъ намъ съ Каташей едва хватало средствъ на жизнь, то мы и не помышляли о домѣ; въ такомъ же положеніи находились и другія дамы.

Чтобы дать вамъ понятіе о простотѣ нравовъ того времени и отвлечь на минуту ваше вниманіе отъ разсказаннаго сейчасъ мною трагическаго происшествія, опишу вамъ прогулку, сдѣланную Нарышкиной и Ентальцевой, еще задолго до отъѣзда послѣдней въ Березовъ.

(Дуниеруóка) et le prêtre du village s'apprêtant à y entrer; elles le prièrent de leur faire passer la rivière; impossible, la nacelle était si petite qu'il n'y avait pas moyen de s'y tenir à trois. Mme Entaltzeff ne veut pas rester en arrière; alors le prêtre leur dit de s'y placer à elles deux, et lui-même se met en devoir de retrousser ses chausses et le fait si bel et bien qu'il avait l'air d'un Hercule avec une draperie sur les reins. Il entre dans l'eau et pousse le bateau devant lui; la chose se fit si vite que nos deux dames n'eurent que le temps de détourner les yeux de ce spectacle.

La prison de Pétrowsk étant achevée, le Commandant fit dire aux détenus de se préparer au départ. Cette translation se fit à pied au mois d'Août; on faisait 30 verstes par jour et l'on se reposait le lendemain, tantôt dans les villages, tantôt chez les Bouriates dans les yourtes [1]). Alexandrine et deux autres dames prirent les devants. Mme Narichkine, Mme Von-Wiesen et moi suivions la caravane à quelques heures de distance. On fit halte à 6 verstes de la ville de Verchnéoudinsk. Ce fut aux environs de cette ville que Mme Rosen vint rejoindre son mari. C'était une excellente femme, quelque peu méthodiste; elle ne resta qu'un an avec nous à Pétrowsk et partit pour les colonies avec son mari, dans le gouvernement de Tobolsk. Mme Youschniewska nous arriva à ce moment. Cette vieille dame avait mis six mois à venir de Moscou, s'arrêtant partout, trouvant des connaissances dans toutes les villes; on lui donnait des soirées, des promenades sur eau; enfin après s'être bien divertie elle apprend que Mme Rosen est à Verchnéoudinsk, la voilà qui fait venir un charriot de poste, se met dedans, et passe comme un éclair devant toute la caravane pour s'arrêter dans une maison de paysan, où son mari l'attendait. Cette dame avait ses 44 ans, les cheveux blancs, mais conservait la gaîté de sa première jeunesse.

---

[1]) Tentes des Bouriates et autres nomades en Sibérie et en Mongolie.

Онѣ вмѣстѣ вышли за деревню и, незамѣтнымъ образомъ, пройдя большое разстояніе, съ трудомъ достигли берега рѣки, отдѣлявшей ихъ отъ деревни; но моста на этомъ мѣстѣ не было,—какъ переправиться? Воды было немного, но все же по поясъ. Онѣ увидѣли мѣстнаго священника, собиравшагося сѣсть въ душегубку, и попросили его перевезти ихъ; невозможно: душегубка такъ мала, что нельзя въ ней помѣститься втроемъ. Ентальцева не хотѣла остаться одна; тогда священникъ предложилъ имъ сѣсть вдвоемъ, а самъ, засучивъ свое нижнее платье, да такъ удачно, что напомнилъ Геркулеса съ драпировкой на чреслахъ, вошелъ въ воду и сталъ толкать передъ собой лодку; все это произошло такъ быстро, что наши обѣ дамы едва успѣли отвести глаза въ сторону.

Петровская тюрьма была достроена; комендантъ приказалъ заключеннымъ готовиться къ отъѣзду. Это перемѣщеніе совершилось пѣшкомъ въ августѣ мѣсяцѣ; дѣлали по 30 верстъ въ день и на другой день отдыхали то въ деревнѣ, то у бурятъ, въ юртахъ. Александрина и двѣ другія дамы уѣхали впередъ. Нарышкина, Фонъ-Визина и я ѣхали слѣдомъ въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія. Въ 6 верстахъ отъ города Верхнеудинска сдѣлали привалъ. Вблизи этого города, баронесса Розенъ встрѣтила своего мужа. Это была отличная женщина, нѣсколько методичная. Она осталась съ нами въ Петровскѣ всего годъ и уѣхала съ мужемъ на поселеніе въ Тобольскую губернію. Въ это же время прибыла и Юшневская. Уже пожилая, она ѣхала отъ Москвы цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, повсюду останавливаясь, находя знакомыхъ въ каждомъ городѣ; въ ея честь давались вечера, устраивались катанья на лодкахъ; наконецъ, повеселившись въ дорогѣ и узнавъ, что баронесса Розенъ уже въ Верхнеудинскѣ, она наняла почтовую телѣгу, какъ молнія, пролетѣла вдоль нашего каравана и остановилась у крестьянской избы, въ которой ждалъ

On se remit en route; nous trouvâmes le Commandant à la dernière station avant Pétrowsk, il nous remit nos lettres de Russie et des journaux. C'est alors que nous apprîmes la Révolution de Juillet; ce ne furent que chants et hourras toute la nuit parmi ces Messieurs; les sentinelles n'y comprenaient plus rien: comment, au moment d'entrer dans les casemates, ces Messieurs pouvaient-ils s'amuser à chanter? C'est que ces braves gens n'entendaient rien en politique.

Pétrowsky Zavod.

En approchant de Pétrowsk je vis une immense prison en fer à cheval, avec un toit rouge; son aspect était sombre: pas une fenêtre à l'extérieur. On ne nous avait donc pas trompé en nous disant que la prison n'avait pas de fenêtres. J'avais négligé de vous dire que de Tchita toutes les dames avaient écrit au comte Benckendorff (chef des gendarmes) [1]), pour obtenir l'autorisation d'entrer en prison: la chose nous fut accordée. Comme Alexandrine avait sa maison prête, elle logea dehors, mais toutes les autres dames s'établirent dans les cellules de leurs maris pour quelques jours. Je fis acheter une petite maison de paysan pour ma femme de chambre et pour mon domestique. J'y allais pour faire ma toilette, pour prendre mon bain, et je me donnais *le plaisir* de dormir la nuit sous les verrous de la prison; c'était très effrayant, je vous assure, que ce bruit de clés: ce ne fut qu'au bout d'un an qu'on permit aux mariés de loger hors de prison. La chose la plus insupportable était l'absence de fenêtres: nous avions de la lumière tout le jour, ce qui fatigait les yeux. Chacune de nous arrangeait *sa prison* de son mieux. J'avais tendu les murs de la nôtre d'une étoffe de soie (mes draperies d'autre-

[1]) Voir Appendice XIX.

Петровскій заводъ и казематъ.

Съ рисунка того времени.

Usine de Pétrovsk avec la grande prison.

D'après un dessin de l'époque (1830).

ее мужъ. Ей было 44 года; совсѣмъ сѣдая, она сохранила веселость своей первой молодости.

Мы вновь пустились въ дорогу. На послѣдней станціи, не доѣзжая Петровска, мы застали коменданта; онъ передалъ намъ письма изъ Россіи и газеты. Здѣсь мы узнали объ Іюльской революціи. Всю ночь то и дѣло раздавались среди нашихъ пѣсни и крики ура; часовые были въ недоумѣніи—какъ могли они забавляться пѣніемъ, приближаясь къ каземату. Дѣло въ томъ, что эти люди ничего не понимали въ политикѣ.

Петровскій заводъ.

Подъѣзжая къ Петровску, я увидѣла громадную тюрьму, въ формѣ подковы, подъ красною крышею. Она казалась мрачною: ни одного окна не выходило наружу; насъ, значитъ, не обманули, сказавъ, что тюрьма была безъ оконъ. Я забыла вамъ передать, что изъ Читы всѣ дамы писали графу Бенкендорфу (шефу жандармовъ) [1]), прося разрѣшенія жить въ тюрьмѣ; намъ это было дозволено. Такъ какъ домъ Александрины былъ готовъ, то она поселилась въ немъ внѣ каземата, но всѣ остальныя дамы провели нѣсколько дней въ номерахъ своихъ мужей. Я купила крестьянскую избушку для моей дѣвушки и для человѣка; я ходила туда переодѣваться и брать ванну, и доставляла себѣ *удовольствіе* проводить ночь за тюремными затворами. Увѣряю васъ, что слышать шумъ замковъ было очень страшно. Только годъ спустя, семейнымъ сосланнымъ было разрѣшено жить внѣ тюрьмы. Самое нестерпимое въ казематѣ было отсутствіе оконъ. У насъ весь день горѣлъ огонь, что утомляло зрѣніе. Каждая изъ насъ устроила *свою тюрьму,* по возможности, лучше; въ нашемъ номерѣ я обтянула стѣны шелковой матеріей

---

[1]) См. Приложеніе XIX.

fois envoyées de Russie); j'y avais un piano, une bibliothèque, deux canapés, enfin c'était presque élégant. Nous écrivîmes toutes au comte Benckendorff pour obtenir la permission d'avoir des fenêtres; cela nous fut accordé, mais notre vieux Commandant, devenu plus poltron que jamais, imagina d'en faire faire tout au haut du mur, sous le plafond. Nous logions déjà dans nos maisons, quand cette permission arriva. Ces Messieurs firent des estrades pour atteindre la fenêtre et pouvoir lire.

Notre cercle de dames augmenta par l'arrivée de Camille Le-Dantu, fiancée à M. Ivacheff; elle était la fille de la gouvernante de la maison, son fiancé l'avait connue à peine adolescente; c'était une charmante créature sous tous les rapports, Ivacheff se trouvait très heureux de l'épouser. Ce mariage se fit sous des auspices moins sombres que celui de Mme Annenkoff: plus de fers aux pieds, le fiancé arriva en grand gala avec ses garçons de noce (quoique accompagnés de soldats sans armes). Je fus la mère d'honneur du jeune couple, toutes les dames l'accompagnaient à l'église, nous eûmes un thé chez les mariés et le lendemain un dîner. Enfin on commençait à revenir aux usages du monde, on ne travaillait plus à la cuisine, on avait des gens pour cela, mais le soldat était toujours là et devait accompagner le détenu partout où il irait, pour ne pas lui faire oublier qu'il était prisonnier. Il en était de même chez tous les mariés.

Ce fut cette année, en 1832, que tu vins au monde, mon adoré Micha, pour la joie et le bonheur de tes parents. Je fus ta nourrice, ta bonne et quelque peu ton institutrice, et quand quelques années plus tard Dieu m'accorda Nelly, ta sœur, mon bonheur fut complet. Je ne pensais plus qu'à vous, je n'allais presque plus chez mes compagnes. C'était un amour fou et de tous les instants pour vous deux.

(мои бывшія занавѣси, присланныя изъ Петербурга). У меня было піанино, шкапъ съ книгами, два диванчика, словомъ, было почти что нарядно. Мы всѣ написали графу Бенкендорфу, прося его разрѣшенія сдѣлать въ казематѣ окна; разрѣшеніе было дано, но нашъ старый комендантъ, болѣе трусливый, чѣмъ когда-либо, придумалъ пробить ихъ высоко, подъ самымъ потолкомъ. Мы жили уже въ своихъ домахъ, когда получилось это разрѣшеніе. Наши заключенные устроили подмостки къ окнамъ, чтобы имѣть возможность читать.

Нашъ дамскій кружокъ увеличился съ пріѣздомъ Камиллы Ле Дантю, помолвленной за Ивашева; она была дочь гувернантки, жившей въ ихъ домѣ; женихъ зналъ ее еще въ отроческомъ возрастѣ. Это было прелестное созданіе во всѣхъ отношеніяхъ, и жениться на ней было большимъ счастьемъ для Ивашева. Свадьба состоялась при менѣе мрачныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ свадьба Анненковой: не было больше кандаловъ на ногахъ, женихъ вошелъ торжественно со своими шаферами (хотя и въ сопровожденіи солдатъ безъ оружія). Я была посаженой матерью молодой четы; всѣ наши дамы проводили ихъ въ церковь. Мы пили чай у молодыхъ и на другой день у нихъ обѣдали. Словомъ, мы начали мало-по-малу возвращаться къ обычному порядку жизни; на кухнѣ мы больше не работали, имѣя для этого наемныхъ людей, но солдатъ всегда былъ налицо и сопровождалъ повсюду заключеннаго, дабы тотъ не забывалъ своего положенія. То же было и со всѣми женатыми.

Въ этомъ 1832 году, ты явился на свѣтъ, мой обожаемый Миша, на радость и счастье твоихъ родителей. Я была твоей кормилицей, твоей нянькой и, частью, твоей учительницей, и, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Богъ даровалъ мнѣ Нелли, твою сестру, мое счастье было полное. Я жила только для васъ, я почти не ходила къ

Six mois après ta naissance, Alexandrine Mouravieff tomba malade. Wolff ne quittait plus sa chambre. Il fit l'impossible pour la sauver, mais Dieu en avait disposé autrement. Ses derniers moments ont été sublimes: elle a dicté ses lettres d'adieu à ses parents, et ne voulant pas réveiller sa petite «Nono» [1]), agée de 4 ans, elle demanda sa poupée et l'embrassa pour elle. Après avoir rempli ses devoirs religieux en véritable sainte, elle ne s'occupa plus que de son mari qu'elle consolait, qu'elle encourageait. Elle est morte à son poste, et cette mort nous plongea dans un découragement et une douleur profonde. Chacune se disait: «Que deviendront nos enfants sans nous»?

Ainsi commença à Pétrowsk une longue série d'années sans aucun changement dans notre sort. Ceux des détenus dont le terme était venu s'en allaient emportant les regrets de ceux qui restaient. Quelques dames partirent aussi: Mmes Von-Wiesen, Rosen, Narichkine et Ivacheff. Cette dernière mourut aussi, mais bien jeune encore, aux colonies; son mari la suivit de près et sa mère qui était venue les voir emmena les orphelins en Russie.

Les détenus, en dehors des heures du travail de la Couronne, donnaient leur temps à l'étude, à la lecture, au dessin. N. Bestougeff [2]) fit une galerie de portraits de ses camarades. Il s'occupait aussi de mécanique; il fit des montres et des bagues. Bientôt chacune de nous eut un anneau des fers de son mari. Torson [3]) faisait des modèles de moulins, de machines à battre le blé; d'autres s'occupaient de menuiserie; ils nous envoyaient des tables à ouvrage, des boîtes à thé. Le prince Odoïévsky s'occupait de poésie; il fit de charmants vers, entre autres ceux que voici, en souvenir

---

[1]) Sophie Mouravieff, emmenée de Sibérie à Moscou à l'âge de 13 ans, après la mort de son père. Elle épousa plus tard Michel Bibicoff et finit ses jours à Moscou.

[2]) Voir Appendice XX.

[3]) Voir Appendice XXI.

своимъ подругамъ. Моя любовь къ вамъ обоимъ была безумная, ежеминутная.

Шесть мѣсяцевъ послѣ твоего рожденія, заболѣла Александрина Муравьева. Вольфъ не выходилъ изъ ея комнаты; онъ сдѣлалъ все, чтобы спасти ее, но Господь судилъ иначе. Ея послѣднія минуты были величественны: она продиктовала прощальныя письма къ роднымъ и, не желая будить свою четырехлѣтнюю дочь «Попушку» [1]), спросила ея куклу, которую и поцѣловала вмѣсто нея. Исполнивъ свой христіанскій долгъ, какъ святая, она занялась исключительно своимъ мужемъ, утѣшая и ободряя его. Она умерла на своемъ посту, и эта смерть повергла насъ въ глубокое уныніе и горе. Каждая себя спрашивала: «Что станется съ моими дѣтьми послѣ меня»?

Такъ начался въ Петровскѣ длинный рядъ годовъ безъ всякой перемѣны въ нашей участи. Тѣ изъ заключенныхъ, которымъ срокъ кончался, уѣзжали, унося съ собой сожалѣніе тѣхъ, которые оставались. Нѣкоторыя изъ дамъ также уѣхали — Фонъ-Визина, Розенъ, Нарышкина и Ивашева. Послѣдняя тоже скончалась на поселеніи и еще очень молодая; мужъ скоро послѣдовалъ за нею, и ея мать, пріѣзжавшая къ нимъ для свиданія, увезла ихъ сиротъ въ Россію.

Заключенные, внѣ часовъ, назначенныхъ для казенныхъ работъ, проводили время въ научныхъ занятіяхъ, чтеніи, рисованіи. Н. Бестужевъ [2]) составилъ собраніе портретовъ своихъ товарищей; онъ занимался механикой, дѣлалъ часы и кольца; скоро каждая изъ насъ носила кольцо изъ желѣза мужниныхъ кандаловъ. Торсонъ [3]) дѣ-

---

[1]) Софья Никитишна Муравьева, вывезенная изъ Сибири въ Москву 13-и лѣтъ отъ роду, послѣ смерти отца, умершаго на поселеніи, и вышедшая впослѣдствіи замужъ за М. Н. Бибикова. Скончалась въ Москвѣ.

[2]) См. Приложеніе XX.

[3]) См. Приложеніе XXI.

de ce que les dames venaient *à la grille* apporter des lettres et des nouvelles aux prisonniers:

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный —
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей,
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ, вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

* * *

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены,
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явились, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

* * *

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного, —
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили бъ покрова своего [1]).

---

[1]) Il fut un pays voué aux larmes et aux tristesses,
Pays d'Orient, où des aurores roses
Le rayon joyeux, né dans le ciel de ce pays,
Ne venait pas adoucir les regards des martyrs;
Où étaient étouffants et l'air éternellement limpide,
Et la voûte lumineuse pesant sur les captifs;
Où l'horizon, vaste et beau,
Les appelait cruellement à la liberté.

* * *

лалъ модели мельницъ и молотилокъ; другіе занимались столярнымъ мастерствомъ, посылали намъ рабочіе столики и чайные ящички. Князь Одоевскій занимался поэзіей; онъ писалъ прелестные стихи и, между прочимъ, написалъ и слѣдующіе въ воспоминаніе того, какъ мы приходили *къ оградѣ*, принося заключеннымъ письма и извѣстія:

«Былъ край, слезамъ и скорби посвященный, —
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей,
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ, вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

* * *

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены,
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

* * *

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного, —
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили бъ покрова своего.

Бѣдный Одоевскій, по окончаніи срока каторжныхъ работъ, уѣхалъ на поселеніе близъ г. Иркутска; затѣмъ его отецъ выхлопоталъ, въ видѣ милости, переводъ его солдатомъ на Кавказъ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ въ экспедиціи противъ черкесовъ.

Казематъ понемногу пустѣлъ; заключенныхъ увозили, по наступленіи срока каждаго, и разселяли по обширной

Ce pauvre Odoïévsky, après avoir achevé son terme de travaux forcés, partit pour les colonies près de la ville d'Irkoutsk, et plus tard son père obtint pour lui la grâce de servir comme soldat au Caucase, où il mourut bientôt après dans une expédition contre les Circassiens.

La prison se vidait petit à petit; ces Messieurs, quand leur tour arrivait étaient emmenés et dispersés comme colons en Sibérie même. Cette existence sans famille, sans amis, sans société aucune, devenait plus pénible que leur réclusion première.

Notre tour vint enfin: Wolff, Nikita et Alexandre Mouravieff et nous partîmes les uns après les autres afin de ne pas manquer les chevaux aux relais. Mon mari avait préalablement demandé d'être colonisé avec Wolff, médecin et son ancien camarade de service; j'y tenais beaucoup, désirant m'assurer les soins de cet excellent médecin pour mes enfants, et nous ne nous inquiétions même pas du lieu où le sort nous jeterait. Dieu prit pitié de nous et permit que nous pussions coloniser à Ourik, aux environs d'Irkoutsk, capitale de la Sibérie Orientale, village assez triste, mais dont le climat était supportable. Tout me parut bien pourvu que j'eusse les soins de l'art en cas de nécessité pour mes enfants.

Tout à coup des anges descendirent de l'azur,
Apportant la consolation aux malheureux de ce pays,
Mais ils avaient revêtu leur esprit céleste
De voiles terrestres transparents;
Et ces messagers bienheureux de la Providence,
Sous forme d'enfants de la terre,
Apportèrent aux prisonniers, le sourire de consolation sur les lèvres,
L'amour et la paix de l'âme.

* * *

Et chaque jour ils s'asseyaient près de la clôture,
Et, au travers, leurs bouches célestes
Leur versaient goutte à goutte le miel du soulagement.
Dès lors se suivirent dans la prison des jours, des années:
Toutes les peines des prisonniers s'assoupirent,
Et ils n'eurent qu'une seule crainte:
Que les anges ne retournassent au ciel
Quittant leur vêtement terrestre.

* * *

Сибири. Эта жизнь безъ семьи, безъ друзей, безъ всякаго общества была тяжелѣе ихъ первоначальнаго заключенія.

Наконецъ, настала и наша очередь. Вольфъ, Никита и Александръ Муравьевы и мы выѣхали одни за другими, чтобы не оставаться безъ лошадей на станціяхъ. Мужъ заранѣе просилъ, чтобъ его поселили вмѣстѣ съ Вольфомъ, докторомъ и старымъ его товарищемъ по службѣ; я этимъ очень дорожила, желая пользоваться совѣтами этого прекраснаго врача для своихъ дѣтей; о мѣстѣ же, куда насъ забросить судьба, мы нисколько не безпокоились. Господь былъ милостивъ къ намъ и дозволилъ, чтобы насъ поселили въ окрестностяхъ Иркутска, столицы Восточной Сибири, въ Урикѣ, селѣ довольно уныломъ, но со сноснымъ климатомъ; мнѣ же все казалось хорошо, лишь бы имѣть для моихъ дѣтей медицинскую помощь на случай надобности.

Въ той же деревнѣ былъ поселенъ Михаилъ Лунинъ, старый товарищъ моего мужа. Не найдя подходящей для насъ крестьянской избы, — всѣ лучшія были заняты другими изъ нашихъ поселенцевъ, — мы переѣхали за 8 верстъ оттуда къ моему свойственнику Поджіо [1]), котораго привезли за годъ передъ тѣмъ изъ Шлюссельбургской крѣпости; онъ насъ принялъ съ распростертыми объятіями и былъ тѣмъ болѣе счастливъ нашему пріѣзду, что прошелъ черезъ восемь съ половиною лѣтъ одиночнаго заключенія въ этой ужасной крѣпости. За всѣ эти годы онъ видалъ только своего тюремщика, да изрѣдка коменданта. Его оставляли въ полномъ невѣдѣніи всего, что происходило за стѣнами тюрьмы; его никогда не выпускали на воздухъ, и, когда онъ спрашивалъ у часового: «Какой у насъ день?» ему отвѣчали: «Не могу знать». Такимъ образомъ, онъ не слыхалъ о Польскомъ возстаніи, объ

1) См. Приложеніе XXII.

Nous avions encore dans le même village Michel Lounine, un vieux camarade de mon mari. Ne trouvant pas de maison de paysan habitable pour nous, car elles étaient toutes occupées par ces Messieurs, nous allâmes à 8 verstes de là chez mon cousin Poggio [1]) qui avait été amené de Schlusselbourg l'année précédente; il nous reçut à bras ouverts: il était d'autant plus heureux de notre arrivée qu'il avait subi huit ans et demi de réclusion solitaire dans l'affreuse prison que je viens de nommer. Pendant toutes ces longues années il n'avait vu que son geôlier et bien rarement le Commandant. On le laissait dans une complète ignorance de tout ce qui se passait au dehors, il ne prenait jamais l'air, et quand il demandait à la sentinelle: «Quel jour avons-nous»? On lui répondait: «Je n'en sais rien». C'est ainsi qu'il a ignoré la révolution de Pologne, celle de Juillet, les guerres en Perse et en Turquie et même le choléra; sa sentinelle était tombée raide morte qu'il ne se doutait pas du fléau. Il voit un soir le reflet de la lune sur le mur extérieur de la prison, l'envie lui prend de la contempler, il grimpe sur sa fenêtre et passe sa tête à grand'peine dans un petit vasistas, enchanté de respirer l'air frais et de contempler le ciel constellé. Il entend des pas dans le corridor: effrayé de l'idée qu'on veut le surprendre, il rentre sa tête, ses oreilles l'en empêchent. Enfin après des efforts réitérés et de fortes écorchures, il y parvient, et depuis lors plus d'essais de ce genre. L'humidité de sa prison était tellement pénétrante que ses habits en étaient imprégnés; son tabac moisissait; sa santé s'en ressentait au point que toutes ses dents lui tombèrent l'une après l'autre, mais au moins il n'est resté que 8 ans, tandis que le pauvre Batenkoff fut détenu pendant plus de 20 ans à la forteresse, ne voyant pas âme qui vive, pas même le Commandant. Il en perdit l'usage de la parole et pour ne pas perdre l'esprit

---

[1]) Voir Appendice XXII.

Іюльской революціи, о войнахъ съ Персіей и Турціей, ни даже о холерѣ; его часовой умеръ отъ нея у двери, а онъ ничего не подозрѣвалъ объ эпидеміи. Однажды вечеромъ онъ увидалъ свѣтъ, падавшій отъ луны на наружную стѣну крѣпости; ему захотѣлось полюбоваться имъ, онъ взлѣзъ къ своему окну и съ большимъ трудомъ просунулъ голову въ маленькую форточку, довольный возможностью подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться на звѣздное небо. Вдругъ онъ слышитъ шаги въ корридорѣ; боясь, чтобы его не застали въ этомъ положеніи, онъ хочетъ вытащить голову обратно, но уши ему мѣшаютъ; наконецъ, послѣ долгихъ стараній и сильно исцарапанный, онъ добился своего и съ тѣхъ поръ не дѣлалъ больше подобныхъ попытокъ. Сырость въ его тюрьмѣ была такова, что все его платье пропитывалось ею; табакъ покрывался плѣсенью; его здоровье настолько пострадало, что у него выпали всѣ зубы. Но онъ, по крайней мѣрѣ, оставался въ заключеніи только 8 лѣтъ, тогда какъ бѣдный Батенковъ просидѣлъ въ крѣпости болѣе двадцати, не видя никого, даже коменданта. Онъ потерялъ способность говорить и, чтобы не лишиться разсудка, читалъ и перечитывалъ Библію, поставивъ себѣ задачей переводить ее мысленно на разные языки: сначала на русскій, на слѣдующій годъ на французскій, затѣмъ на латинскій. По выходѣ изъ заключенія, онъ оказался совсѣмъ разучившимся говорить: нельзя было ничего разобрать изъ того, что онъ хотѣлъ сказать; даже его письма были непонятны. Способность выражаться вернулась у него мало-по-малу. При всемъ этомъ, онъ сохранилъ свое спокойствіе, свѣтлое настроеніе и неисчерпаемую доброту; прибавьте сюда силу воли, которую вы въ немъ знаете, и вы поймете цѣну этого замѣчательнаго человѣка [1]).

---

[1]) См. Приложеніе XXIII.

il lisait et relisait sa Bible, s'étant fait une règle de la traduire mentalement en plusieurs langues; tantôt c'était en russe [1]), puis l'année suivante en français, puis en latin. Au sortir de prison il avait entièrement désappris de parler; on ne comprenait rien de ce qu'il voulait dire, et même ses lettres étaient inintelligibles. Cette faculté lui revint petit à petit. Avec tout cela il a conservé son calme, une sérénité d'humeur, une bonté parfaite; joignez-y la force de caractère que vous lui connaissez, vous comprendrez ce que vaut cet homme supérieur [2]).

Notre *liberté* aux colonies se bornait, pour ces Messieurs à aller se promener et chasser dans les environs; les dames pouvaient aller en ville pour leurs emplettes. Nos moyens d'existence étaient encore plus restreints qu'en prison. Je recevais à Pétrowsk dix mille roubles assignats, tandis qu'à Ourik l'on ne me donnait que deux mille. Nos parents, pour obvier à cette restriction, nous envoyaient sucre, thé, café et provisions de tout genre, ainsi que nos vêtements.

Nikita Mouravieff passait son temps à l'étude et à la lecture. Sa mère lui avait envoyé petit à petit toute sa bibliothèque: l'éducation de sa fille était son plus doux passetemps.

Lounine menait une vie retirée; grand chasseur, il passait son temps dans les bois pendant la belle saison, mais en hiver il devenait plus sédentaire. Il écrivait beaucoup, s'amusant à lancer des plaisanteries contre le gouvernement dans les lettres à sa sœur. Il fit enfin des commentaires sur le compte-rendu du jugement prononcé contre ceux qui avaient trempé dans la révolution de Pologne. La chose transpira, et voilà qu'au beau milieu de la nuit douze gendarmes cernent sa maison, et plusieurs *tchinovniks* entrent

---

[1]) Du slavon.

[2]) Voir Appendice XXIII.

Наша *свобода* на поселеніи ограничивалась, для мужчинъ, правомъ гулять и охотиться въ окрестностяхъ, а дамы могли ѣздить въ городъ для своихъ покупокъ. Наши средства были еще болѣе стѣснены, чѣмъ въ казематѣ. Въ Петровскѣ я получала десять тысячъ рублей ассигнаціями, тогда какъ въ Урикѣ мнѣ выдавали всего двѣ тысячи. Наши родные, чтобы восполнить это уменьшеніе, присылали намъ сахаръ, чай, кофе и всякаго рода провизію, какъ равно и одежду.

Никита Муравьевъ проводилъ время въ занятіяхъ и чтеніи. Его мать понемногу переслала ему его библіотеку: воспитаніе дочери было его самымъ любимымъ занятіемъ.

Лунинъ велъ жизнь уединенную; будучи страстнымъ охотникомъ, онъ проводилъ время въ лѣсахъ, и только зимой жилъ болѣе осѣдло. Онъ много писалъ и забавлялся тѣмъ, что смѣялся надъ правительствомъ въ письмахъ къ своей сестрѣ. Наконецъ, онъ сдѣлалъ замѣтки на приговоръ надъ участниками въ Польской революціи. Дѣло обнаружилось, и вотъ однажды, въ полночь, его домъ оцѣпили двѣнадцатью жандармами, и нѣсколько чиновниковъ вошли, чтобъ его арестовать; заставъ его крѣпко спящимъ, по возвращеніи съ охоты, они не поцеремонились разбудить его, но смутились при видѣ нѣсколькихъ ружей и пистолетовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ; одинъ изъ нихъ высказалъ свой испугъ; тогда Лунинъ, обратившись къ стоявшему около него жандарму, сказалъ: «не безпокойтесь, такихъ людей бьютъ, а не убиваютъ». Ему принадлежитъ также слѣдующая выходка. Во время его первоначальнаго заточенія въ крѣпости, въ Финляндіи, генералъ-губернаторъ Закревскій, посѣтивъ тюрьму по служебной обязанности, спросилъ его: «Есть ли у васъ все необходимое»? Тюрьма была ужасная: дождь протекалъ сквозь потолокъ, такъ плоха

pour le saisir. Le trouvant profondément endormi au retour d'une chasse, ils ne firent pas de cérémonies pour le réveiller, mais ils parurent inquiets de plusieurs fusils et pistolets suspendus au mur; l'un d'eux en témoigna sa peur, alors Lounine dit à un gendarme qui était près de lui: «Не безпокойтесь, такихъ людей бьютъ, а не убиваютъ» [1]). C'est encore de lui qu'est le trait suivant. Le gouverneur général Zakréwsky était venu d'office visiter sa prison lors de sa première détention en Finlande. «Manquez-vous de quelque chose ici»? lui demanda-t-il. Or la prison était affreuse: il y pleuvait, tant le toit était mauvais. Lounine lui répondit en souriant: «Je suis parfaitement content de tout: il ne me manque qu'un parapluie».

Lounine fut donc emmené, avec tout cet attirail militaire déployé contre un seul homme, et enfermé à Akatouy [2]), la plus affreuse des prisons, où étaient détenus ceux des criminels qui avaient commis des récidives de meurtres et de brigandages. Il ne résista pas longtemps à l'air infect et humide de cette dernière prison, il y mourut au bout de quatre ans. C'était un homme d'une grande force de caractère, d'infiniment d'esprit, d'un enjouement, d'une bonté à toute épreuve, et profondément religieux. Son enlèvement nous attrista beaucoup; je lui fis parvenir des livres, du chocolat pour sa poitrine [3]), et de prétendues drogues qui n'étaient que de l'encre en poudre avec quelques plumes d'acier dedans, car on lui avait tout ôté avec défense expresse de jamais écrire et de lire autre chose que la Bible [4]).

J'oubliais de vous dire que nous étions depuis longtemps installés à Ourik, la construction de notre maison n'ayant pris que quelques mois de temps. Il nous arrivait du monde

---

[1]) «Ne craignez rien: vos pareils, on les bat, on ne les abat point».

[2]) Au Transbaïkal, près de Nertchinsk.

[3]) Remède usité alors.

[4]) Voir Appendice XXIV.

была крыша. Лунинъ отвѣтилъ ему, улыбаясь: «Я вполнѣ доволенъ всѣмъ, мнѣ недостаетъ только зонтика».

Лунинъ былъ увезенъ всей этой военной стражей, вооруженной противъ одного человѣка, и заключенъ въ Акатуѣ, самой ужасной тюрьмѣ, гдѣ содержались преступники-рецедивисты, совершившіе убійства и грабежи. Онъ недолго могъ выносить зараженный и сырой воздухъ этого послѣдняго заключенія и умеръ въ немъ черезъ четыре года. Это былъ человѣкъ твердой воли, замѣчательнаго ума, всегда веселый, безконечно добрый и глубоко вѣрующій. Его переселеніе насъ очень огорчило. Я ему переслала нѣсколько книгъ, питательнаго шоколада для его больной груди и, подъ видомъ лѣкарства, чернилъ въ порошкѣ съ нѣсколькими стальными перьями, такъ какъ у него все отняли при строжайшемъ запрещеніи писать и читать что бы то ни было, кромѣ Библіи [1]).

Я забыла вамъ сказать, что мы уже давно переселились въ Урикъ, гдѣ постройка нашего дома продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ. Къ намъ пріѣзжали изъ города, чтобы совѣтоваться съ докторомъ Вольфомъ, и дѣлали это тѣмъ охотнѣе, что онъ не хотѣлъ принимать никакого вознагражденія.

Вскорѣ мы были страшно напуганы предположеніемъ, что у насъ отнимутъ нашихъ дѣтей, по повелѣнію Его Величества: Генералъ-губернаторъ Рупертъ вызвалъ однажды къ себѣ моего мужа, Никиту Муравьева, Трубецкого, жившаго въ деревнѣ въ 30 верстахъ отъ насъ, и тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые были женаты. Я сейчасъ поняла, что дѣло шло о нашихъ дѣтяхъ. Эти господа отправились, и невозможно передать, какія я перенесла томленія и муки, пока они не вернулись. На-

---

[1]) См. Приложеніе XXIV.

de la ville pour consulter le docteur Wolff, on le faisait d'autant plus volontiers qu'il ne voulait accepter aucune rétribution.

Nous eûmes bientôt une frayeur affreuse de voir nos enfants enlevés par ordre de Sa Majesté. Le gouverneur général Roupert fit chercher un jour mon mari, Nikita Mouravieff, Troubetskoy, qui habitait un village à 30 verstes de nous, et tous ceux de ces Messieurs qui étaient mariés. Je compris à l'instant qu'il s'agissait de nos enfants; ces Messieurs partirent, et ce que j'éprouvai d'angoisses, de tourments, jusqu'à leur retour, est impossible à rendre. Enfin je les vois revenir, et mon mari en descendant d'équipage me dit: «Tu l'avais pressenti, il s'agit des enfants: on veut les emmener en Russie, leur faire quitter leur nom de famille, et les placer dans des établissements d'éducation publique de la Couronne».—«Mais y a-t-il ordre de les enlever»? – «Non, l'Empereur le fait proposer aux mères de famille». Quand j'entendis cela, je me rassurai, le calme, la joie rentrèrent dans mon cœur. Je vous saisis dans mes bras en vous étouffant de caresses et en vous disant: «Non, vous ne me quitterez pas, vous ne renierez pas le nom de votre père». Cependant il avait balancé dans son refus, disant n'avoir pas le droit d'empêcher votre rentrée en Russie, mais ce n'était qu'un excès de délicatesse envers vous. Il se rendit à mes instances et à ma conviction que bien au contraire vous pourriez nous reprocher un jour de vous avoir fait quitter votre nom sans votre consentement. Enfin tout rentra dans le calme, car les camarades de Serge avaient aussi envoyé leur refus au gouverneur général. Ce méchant homme, ne songeant qu'à faire preuve de zèle dans son service, fit son rapport à Sa Majesté comme quoi les prisonniers d'Etat étaient tellement enracinés dans leurs crimes, que loin d'être reconnaissants à Sa Majesté pour son offre paternelle, ils l'avaient pris avec hauteur. Or nous avions tourné notre refus de la manière la plus délicate, car vraiment c'était un bon mouvement qui avait poussé Sa Ma-

конецъ, я увидѣла, что они возвращаются; мужъ, выходя изъ экипажа, сказалъ мнѣ: «Ты угадала, дѣло касается дѣтей; ихъ хотятъ увезти въ Россію, лишить ихъ имени и помѣстить въ казенныя учебныя заведенія».—«Но приказано ли взять ихъ силою»?—«Нѣтъ, Государь только предлагаетъ это ихъ матерямъ». Услыхавъ эти слова, я успокоилась, миръ и радость опять наполнили мое сердце. Я васъ схватила и стала душить въ своихъ объятіяхъ, покрывая васъ поцѣлуями и говоря вамъ: «Нѣтъ, вы меня не оставите, вы не отречетесь отъ имени вашего отца». Все же, отецъ вашъ колебался въ своемъ отказѣ, говоря, что не имѣетъ права мѣшать вашему возвращенію въ Россію, но это былъ лишь порывъ чрезмѣрнаго чувства долга по отношенію къ вамъ. Онъ сдался на мои просьбы и на мой доводъ, что, напротивъ того, вы можете когда-нибудь упрекнуть родителей въ томъ, что они лишили васъ вашего имени безъ вашего на то согласія. Словомъ, настало вновь общее спокойствіе, такъ какъ и товарищи Сергѣя также послали свой отказъ генералъ-губернатору. Этотъ недобрый человѣкъ, думая только какъ бы выказать свою служебную ревность, донесъ Его Величеству, что государственные преступники до того будто бы закоснѣли въ своихъ преступленіяхъ, что, вмѣсто благодарности Его Величеству за отеческое его предложеніе, отнеслись къ нему съ пренебреженіемъ. Между тѣмъ, мы выразили свой отказъ самымъ вѣжливымъ образомъ, такъ какъ дѣйствительно доброе чувство побудило Государя предложить намъ воспитать нашихъ дѣтей на его счетъ, хотя онъ и поставилъ при этомъ условіе, сообразное съ его личнымъ взглядомъ на вещи [1]).

Пять лѣтъ спустя, моему Мишѣ исполнилось 12 лѣтъ. За это время я обставляла его всѣмъ, что только могло

---

[1]) См. Приложеніе XXV.

jesté à nous proposer d'élever nos enfants à ses frais, bien qu'il y eût mis des restrictions qui tenaient à sa manière de voir les choses [1]).

Cinq ans après mon Micha atteint ses 12 ans; je l'avais entouré à la fin de tout ce qui pouvait servir à son instruction. J'avais entre autres M. Sabinski [2]), exilé polonais, possédant parfaitement le français et lui consacrant tout son temps sans la moindre rétribution. Je demandai à passer à Irkoutsk, afin de lui faire suivre les cours d'études au gymnase. Le comte Orloff obtint la chose pour moi et je m'installai en ville. Mon mari eut la permission de venir nous voir deux fois par semaine, et quelques mois après de s'y installer tout-à-fait [3]).

Les autres exilés eurent la même autorisation, du moins ceux d'entre eux qui étaient colonisés aux environs d'Irkoutsk. Ainsi se passèrent 19 ans encore dont les huit dernières années ne s'effaceront jamais de mon cœur reconnaissant, car ce n'était plus Roupert qui était gouverneur général, mais Nicolas Mouravieff, l'homme le plus loyal, et le mieux doué de la terre [4]). C'est lui qui a ouvert l'océan Pacifique à la Russie quand les Français et les Anglais lui enlevaient la mer Noire. Il a été aussi parfait pour nous que sa digne et excellente femme. C'est lui qui a developpé tes facultés morales pour le service de ton pays, Micha, et t'a poussé dans la voie de la patience et du travail intellectuel.

L'année du couronnement de l'Empereur Alexandre II nous fûmes tous rappelés, mais, hélas! de 121 membres de la société secrète, il n'en restait que douze ou quinze [5]): le reste était

---

[1]) Voir Appendice XXV.
[2]) Voir Appendice XXVI.
[3]) Voir Appendice XXVII.
[4]) Le général Comte Mouravieff-Amoursky.
[5]) Exactement: dix-neuf.

служить его образованію. Между прочимъ, въ домѣ былъ господинъ Сабинскій, сосланный полякъ, отлично владѣвшій французскимъ языкомъ и отдававшій Мишѣ все свое время безъ малѣйшаго вознагражденія [1]). Я просила разрѣшенія переѣхать въ Иркутскъ, дабы сынъ могъ пройти курсъ гимназическаго образованія. Графъ Орловъ испросилъ на это разрѣшеніе, и я поселилась въ городѣ. Мужу было дозволено навѣщать насъ два раза въ недѣлю, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и совсѣмъ туда переѣхать [2]).

Другіе ссыльные получили то же разрѣшеніе, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые были поселены въ окрестностяхъ Иркутска. Такимъ образомъ, протекло еще 19 лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія восемь никогда не изгладятся изъ моего благодарнаго сердца: за это время генералъ-губернаторомъ былъ уже не Рупертъ, а Николай Николаевичъ Муравьевъ [3]), честнѣйшій и одареннѣйшій человѣкъ. Это онъ открылъ для Россіи Тихій океанъ въ то время, когда французы и англичане лишали ее Чернаго моря. Къ намъ онъ относился такъ же безупречно, какъ и его достойная и добрая жена. Въ тебѣ, Миша, онъ развилъ душевныя способности для служенія твоей роднѣ и направлялъ тебя на пути терпѣнія и умственной работы.

Въ годъ коронованія Императора Александра II насъ всѣхъ вернули, но увы! изъ 121 члена Тайнаго общества, оставалось всего отъ 12 до 15 человѣкъ [4]); остальные умерли или были убиты на Кавказѣ. Отецъ вашъ, какъ вы знаете, по возвращеніи на родину, былъ принятъ радушно, а нѣкоторыми — даже восторженно.

---

[1]) См. Приложеніе XXVI.

[2]) См. Приложеніе XXVII.

[3]) Впослѣдствіи графъ Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій.

[4]) Точно: 19 человѣкъ.

mort ou tué au Caucase. Papa, comme vous le savez, fut reçu avec empressement, et par quelques-uns avec admiration à sa rentrée dans sa patrie.

La pauvre Catache était morte un an avant, elle a été vivement regrettée par ses enfants, ses amis et tous ceux auxquels elle a fait du bien.

Votre père, le plus généreux des hommes, n'a jamais eu un sentiment de rancune contre l'Empereur Nicolas; bien au contraire il rendait justice à ce qu'il avait de bonnes qualités, à sa fermeté de caractère, à son sang-froid déployé dans plusieurs circonstances de sa vie, ajoutant que dans tout pays l'on aurait sévi contre lui. Sur quoi je lui répondais que cela n'aurait pas été au même degré, car on ne condamne pas un homme aux travaux forcés, à la réclusion solitaire, et on ne lui impose pas 30 ans d'exil, rien que pour des opinions politiques et pour avoir été membre d'une société secrète. Car votre père n'avait pris part à aucun soulèvement, et même si dans leurs conciliabules on avait parlé de changement de gouvernement, il ne fallait pas prendre les paroles pour le fait. On dit bien autre chose maintenant dans tous les coins de Pétersbourg et de Moscou, et pourtant on n'arrête personne. Et si j'osais me prononcer sur les événements du 14 Décembre et sur la révolte du régiment de Serge Mouravieff, je dirais que c'était intempestif: on ne lève pas le drapeau de la liberté quand on n'a point les sympathies du soldat ni celles du peuple qui n'y entend rien encore. Ces émeutes ne seront jamais considérées dans les temps futurs que comme deux faits isolés.

Бѣдная Каташа умерла за годъ передъ тѣмъ; о ней глубоко сожалѣли ея дѣти, друзья и всѣ тѣ, кому она дѣлала добро.

Вашъ отецъ, великодушнѣйшій изъ людей, никогда не питалъ чувства злопамятства къ Императору Николаю, напротивъ того, онъ отдавалъ должное его хорошимъ качествамъ, стойкости его характера и хладнокровію, выказанному имъ во многихъ случаяхъ жизни; онъ прибавлялъ, что и во всякомъ другомъ государствѣ его постигло бы строгое наказаніе. На это я ему отвѣчала, что оно было бы не въ той же степени, такъ какъ не приговариваютъ человѣка къ каторжнымъ работамъ, къ одиночному заключенію и не оставляютъ въ тридцатилѣтней ссылкѣ лишь за его политическія убѣжденія и за то, что онъ былъ членомъ тайнаго общества; ибо ни въ какомъ возстаніи вашъ отецъ не принималъ участія, а если въ ихъ совѣщаніяхъ и говорилось о политическомъ переворотѣ, то все же не слѣдовало относиться къ словамъ, какъ къ фактамъ. Въ настоящее время не то еще говорится во всѣхъ углахъ Петербурга и Москвы, а, между тѣмъ, никого изъ-за этого не подвергаютъ заключенію. И если бы я смѣла высказать свое мнѣніе о событіи 14-го декабря и о возмущеніи полка Сергѣя Муравьева, то сказала бы, что все это было несвоевременно: нельзя поднимать знамени свободы, не имѣя за собой сочувствія ни войска, ни народа, который ничего въ томъ еще не понимаетъ,—и грядущія времена отнесутся къ этимъ двумъ возмущеніямъ не иначе, какъ къ двумъ единичнымъ событіямъ.

APPENDICES.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Au lieu des états de service du prince S. G. Wolkonsky, nous citons l'article nécrologique d'Aksakoff (absolument conforme au formulaire), publié dans le «Degne» («Le Jour») de 1865, №№ 51 et 52.

«Le 28 Novembre dernier, vient de mourir à l'âge de 78 ans à «Voronky, gouvernement de Tchernigow, district de Kozéletz, Serge «Grigoriéwitch Wolkonsky.

«Après une brillante jeunesse, après de rapides succès dans la «carrière des armes, après avoir pendant trente ans expié une faute qui «avait brisé sa vie, il revint en 1856 à Moscou, — vénérable vieillard, «éclairé par l'expérience, l'âme en paix, plein de l'ardeur la plus vive et «la plus franche pour les réformes du règne actuel, surtout pour le «sort du paysan, plein d'une foi inébranlable en l'avenir de la Russie, «plein d'amour pour son pays, d'une élévation et d'une simplicité «sublime. En général on peut dire que ce qui nous frappe, autant dans «Wolkonsky que dans ses quelques camarades, qui avaient pu profiter «de la grâce de notre Souverain régnant, c'est l'absence de tout senti«ment d'irritation, de tout désir de tirer gloire et vanité de leur passé; «au contraire, éprouvés par la douleur et par la douleur amenés à Dieu, «se jugeant eux-mêmes et jugeant leur passé avec une sévère impartialité, «ils répandaient autour d'eux une bienfaisante atmosphère d'amour chré«tien; vivant exemple d'expérience pratique et morale, ils arrêtaient et «apaisaient les étourderies et les emportements des jeunes gens qu'ils «rencontraient dans la société.

«Il est curieux de parcourir la première moitié de la vie de Serge «Grigoriéwitch. Commencée sous les auspices les plus brillants, elle «semblait devoir être couronnée par une fin non moins brillante. Mais

I.

Взамѣнъ извлеченія изъ формулярнаго списка князя С. Г. Волконскаго, приводимъ вполнѣ согласный съ его формуляромъ некрологъ, написанный И. С. Аксаковымъ, изъ газеты «День», 1865 года, №№ 51 и 52:

«28-го прошлаго ноября (1865 г.) скончался, на 78 году отъ «рожденія, Черниговской губерніи, Козелецкаго уѣзда, въ селѣ Ворон«кахъ — Сергѣй Григорьевичъ Волконскій. Послѣ блестящей юности, «послѣ быстрыхъ успѣховъ въ служебной карьерѣ, послѣ тридцати«лѣтняго искупленія вины, пересѣкшей его жизнь въ самой половинѣ, «возвратился онъ, въ 1856 году, въ Москву маститымъ старцемъ, «умудреннымъ и примиреннымъ, полнымъ горячаго, радостнаго сочув«ствія къ реформамъ нынѣшняго царствованія, преимущественно, къ «крестьянскому дѣлу, полнымъ незыблемой вѣры въ Россію и любви «къ ней, и высокой внутренней простоты. Вообще можно сказать, что «какъ въ Волконскомъ, такъ и въ тѣхъ немногихъ его товарищахъ, «которымъ удалось воспользоваться милостью нынѣ царствующаго Го«сударя, мы были поражены отсутствіемъ всякаго раздраженія, вся«каго желанія порисоваться и покрасоваться своимъ прошлымъ; напро«тивъ, искушенные горемъ, и чрезъ горе приведенные къ Богу, судя «безпристрастно и строго самихъ себя и свое прошлое, они разли«вали около себя теплый свѣтъ христіанской любви, сдерживали и «умиротворяли живымъ примѣромъ своего внѣшняго и внутренняго «духовнаго опыта легкомысліе и буйство встрѣчавшейся съ ними въ «обществѣ молодежи.

«Любопытно прослѣдить первую половину жизни Сергѣя Гри«горьевича. Она началась подъ такими блистательными предзнаменова-

«Dieu l'avait voulu autrement, et il est douteux que Wolkonsky lui-même «eût préféré d'autres vaines satisfactions aux trésors de foi et de paix «intérieure rapportés de sa longue expiation.

«Fils du prince Grégoire Sémenowitch Wolkonsky, autrefois gouver-«neur général d'Orenbourg, et de la princesse Alexandra Nicolaïéwna, «née princesse Répnine,—venu au monde l'année de la bataille d'Otcha-«kow (1788), Serge Grigoriéwitch fut, selon les habitudes d'alors, à «l'âge de huit ans, inscrit sergent et aide de camp auprès de Souvoroff. «Son service actif commença en 1806. En qualité d'aide de camp, à «tour de rôle, auprès du comte Kamensky, d'Ostermann-Tolstoy, de «Benigsen, il fit les campagnes de 1806—1808, prit part à toutes les «batailles importantes, conquit plusieurs grades, des décorations et l'épée «d'or «pour la bravoure», et fut blessé à Preussisch-Eilau. A peine la «campagne fut-elle terminée par la paix de Tilsit, que le jeune prince «chercha un nouvel aliment à son activité militaire. L'époque, d'ailleurs, «laissait difficilement les gens se croiser les bras, quelque brillante que «fût leur situation dans le monde: elle les façonnait à une école de «travail et d'exploits perpétuels.—En 1810, Wolkonsky, attaché au comte «Kamensky, puis au comte de Langeron, prend part à la prise de Sili-«strie, de Roustchouk, se bat sous Choumla, sous Batine, dans les Bal-«kans; en 1811, il est nommé aide de camp de l'Empereur et envoyé «à l'armée du Danube, comme attaché à la personne du commandant en «chef Koutouzoff.

«Vint l'année 1812 et avec elle la lutte entre ces deux géants: «la Russie et l'Occident conduit par Napoléon. Serge Grigoriéwitch, «promu colonel, sert à la seconde armée d'Occident, il commande un «détachement de partisans, ouvre la communication entre Witgenstein et «le gros de l'armée, poursuit les Français à la Bérésina et gagne sous «Kaliche la Croix de St Georges (4me classe). En 1813 major-général «à la suite de Sa Majesté, il est le général de service du corps de «Winzengerode, plus tard général de service au corps des armées «russes commandées par Bernadotte. Sous Leipzig, il obtient l'Ordre de «Ste Anne de 1ère classe sans parler de nombreuses décorations allemandes; «plus tard, en 1814, commandant la division des dragons, il prend part «à la prise de Soissons et aux batailles de Craonne et de Laon.

«En 1815, après la réapparition de Napoléon et sa défaite défini-«tive, avec les troupes russes il entre à Paris, après cela, au congrès

«ніями, что, казалось, должна была и увѣнчаться такимъ же концомъ. «Но Богъ судилъ иначе, и едва ли самъ Волконскій пожелалъ бы для «себя иныхъ суетныхъ благъ, а не тѣхъ благъ вѣры и внутренняго «мира, которыя вынесъ онъ изъ своего долгаго испытанія.

«Сынъ князя Григорія Семеновича Волконскаго, бывшаго Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, и княгини Александры Николаевны, «урожденной Репниной, родившись въ годъ Очакова (въ 1788 г.), «Сергѣй Григорьевичъ, по тогдашнему обыкновенію, былъ еще восьми «лѣтъ записанъ въ службу сержантомъ и назначенъ адъютантомъ къ «Суворову. Но дѣйствительная его служба началась съ 1806 года. Въ «качествѣ адъютанта у графа Каменскаго, Остермана-Толстого, Беннигсена, совершилъ онъ всю кампанію 1806 — 1808 гг., принималъ «участіе во всѣхъ значительныхъ сраженіяхъ, взялъ съ бою нѣсколько «чиновъ, знаки отличія и золотую шпагу за храбрость, былъ раненъ «подъ Прейсишъ-Эйлау, — но едва кончилась эта война Тильзитскимъ «миромъ, какъ молодой князь снова поискалъ себѣ воинскаго дѣла. «Тогдашняя эпоха, впрочемъ, и не давала засиживаться людямъ, какъ бы «ни было блестяще ихъ положеніе въ свѣтѣ, и вышколивала ихъ въ «непрестанныхъ трудахъ и подвигахъ. Въ 1810 году Волконскій, состоя при графѣ Каменскомъ, а потомъ при графѣ Ланжеронѣ, участвуетъ во взятіи Силистріи, Рущука, дерется подъ Шумлою, подъ «Батинымъ, въ Балканскихъ горахъ; въ 1811 году назначенъ флигель-«адъютантомъ и состоящимъ при главнокомандующемъ Дунайскою «арміею, Кутузовѣ.

«Начался 1812 годъ и съ нимъ борьба исполиновъ — Россіи и «Запада, подъ предводительствомъ Наполеона. Сергѣй Григорьевичъ, «произведенный въ полковники, состоитъ при 2-й Западной арміи, ко-«мандуетъ партизанскимъ отрядомъ, открываетъ коммуникацію между «главной арміей и Витгенштейномъ, преслѣдуетъ французовъ при Бе-«резинѣ и подъ Калишемъ, добываетъ себѣ Георгіевскій крестъ (4-й сте-«пени). Въ 1813 году, въ званіи уже генералъ-маіора свиты Его Ве-«личества, онъ состоитъ дежурнымъ генераломъ по корпусу Винценге-«роде, а затѣмъ дежурнымъ по корпусу россійскихъ войскъ, командуе-«мыхъ Бернадотомъ. Подъ Лейпцигомъ добылъ онъ себѣ Анну 1-й сте-«пени—не говоря уже о множествѣ нѣмецкихъ орденовъ—потомъ, въ «1814 г., уже какъ начальникъ драгунской дивизіи, участвуетъ онъ во «взятіи Суасона, въ битвахъ подъ Краономъ и Лаономъ. Въ 1815 г.,

«de Vienne, il est attaché à la personne de l'Empereur Alexandre. A «son retour en Russie, il se maria avec la fille du célèbre Nicolas Nico-«laïéwitch Raïévsky et continua son service en qualité de commandant «de brigade (jusqu'en 1824).

«Dans ces dix années de luttes Européennes, le prince Wolkonsky «avait pris part à 58 grandes batailles, parmi lesquelles: Poultousk, «Preussisch-Eilau, Friedland, Dmitrow, Doukovstchina, Kaliche, Lützen, «Gross-Beeren, Juterbock, Dennewitz, Leipzig, Kassel, Düsseldorf, etc. «etc... Quelle époque, quels noms, quelle activité, quels glorieux sou-«venirs!

«En automne 1856, Serge Grigoriéwitch revint à Moscou où il «vécut au milieu des soins dévoués de sa famille; en 1859, il se retira «dans la Petite Russie, auprès de son unique fille bien aimée, Mme H. «Kotchoubey. En proie à des attaques de goutte, il fit un voyage à «l'étranger et revint avec de nouvelles forces; mais la mort, en Août «1863, de la princesse Marie Nicolaïewna, qui avait si vaillamment par-«tagé avec lui les malheurs de sa vie, lui porta un coup irréparable. «A ce moment, un nouveau mal se manifesta: la paralysie des extré-«mités; une deuxième cure à l'étranger resta inefficace, et il demanda à «rentrer en Russie pour mourir près de la tombe de sa femme. Son «désir fut exaucé.

«L'été dernier, invalide, privé de l'usage de ses jambes, il fut «transporté dans la terre de Voronky. La veille de sa mort, il lisait «encore, écrivait des lettres, s'occupait des abonnements de revues et de «journaux pour l'année suivante.

«Le 28 Novembre il s'éteignit doucement, en vrai chrétien, «dans les bras de sa fille».

II.

La famille Raïévsky se composait de personnes suivantes:

Nicolas Nicolaïevitch Raïévsky, général d'Infanterie, membre du Conseil de l'Empire, un des héros de 1812. Petit-neveu de Potiomkine, Nicolas Nicolaïevitch, à 17 ans, commandait déjà un régiment; il fit les campagnes de Turquie et de Pologne et commanda, au Caucase, les dragons de Nijni-Nowgorod. Sous le règne de Paul Ier, il fut mis en

«послѣ вторичнаго появленія и пораженія Наполеона, вступаетъ онъ «съ русскими войсками въ Парижъ, затѣмъ, во время Вѣнскаго кон«гресса, состоитъ при Императорѣ Александрѣ. По возвращеніи въ «Россію, онъ женился на дочери знаменитаго Николая Николаевича «Раевскаго и продолжалъ службу въ званіи бригаднаго командира «(до 1824 года).

«Въ эти 10 лѣтъ Европейской исторіи князь Волконскій участво«валъ въ 58 большихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ подъ Пултускомъ, «Прейсишъ-Эйлау, Фридландомъ, Дмитровомъ, Духовщиной, Калишемъ, «Люценомъ, Гросъ-Бернъ, Ютербокомъ, Денневицемъ, Лейпцигомъ, «Кесселемъ, Дюссельдорфомъ и пр. и пр. Какая эпоха, какія имена, «какая дѣятельность, какія славныя воспоминанія!

«Осенью 1856 г. Сергѣй Григорьевичъ возвратился въ Москву, «гдѣ и жилъ среди своего семейства, горячо ему преданнаго, а въ «1859 году переѣхалъ въ Малороссію къ любимой и единственной «своей дочери, Е. С. Кочубей. Начавъ страдать подагрою, онъ съѣз«дилъ за границу и возвратился оттуда съ новыми силами, но смерть «въ августѣ 1863 года княгини Маріи Николаевны, такъ мужественно «раздѣлившей съ нимъ горе его жизни, потрясла его страшнымъ уда«ромъ. Съ этой минуты начала развиваться въ немъ новая болѣзнь — «параличъ оконечностей, и вторичная поѣздка за границу уже не «принесла ему пользы: онъ спѣшилъ въ Россію умереть подлѣ могилы «своей жены. Желаніе его сбылось. Лѣтомъ нынѣшняго года, уже «больной, лишенный ногъ, перевезенъ онъ былъ въ село Воронки. Еще «за день до смерти онъ занимался чтеніемъ, писалъ письма, распоря«жался выпискою журналовъ на слѣдующій годъ. 28-го ноября онъ скон«чался—на рукахъ дочери—тихою смертію христіанина».

II.

Семья Раевскихъ состояла изъ слѣдующихъ лицъ:

Николай Николаевичъ Раевскій: генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Государственнаго Совѣта, знаменитый герой 1812 года. Внучатный племянникъ Потемкина, Николай Николаевичъ 17-ти лѣтъ уже командовалъ полкомъ; онъ участвовалъ въ Турецкихъ войнахъ и въ Польской кампаніи, командовалъ на Кавказѣ Нижегородскими драгунами. Въ царствованіе Павла I находился въ отставкѣ. Въ Отечественную войну заслужилъ репутацію талантливаго, храбраго генерала,

disponibilité. Pendant la guerre de 1812, il acquit la réputation d'un général de talent, et en mémoire de sa bravoure on donna son nom à la glorieuse batterie de Borodino. «Témoin du règne de Catherine, «glorieux survivant de l'année douze, exempt de préjugés, fort de ca-«ractère et doué d'une grande sensibilité, il s'attachera inévitablement «quiconque sera capable de comprendre et d'apprécier ses hautes qualités «morales». Tel est le portrait qu'en fait Pouchkine («Mémoires de S. G. Wolkonsky», 2 éd., pp. 38 et 39).

Défenseur de Smolensk contre l'armée de Napoléon Ier, à la prise de Paris il commandait la position de Montmartre. A l'époque dont il s'agit (de 1820 à 1824), il était à la tête d'un corps de la 1ère armée; de 1824 à 1826, il fut en congé; en 1826, il fut nommé membre du Conseil de l'Empire. Il mourut en 1829 dans sa terre de Boltichka, gouvernement de Kiew.

Sa femme, Sophie Alexandrovna, née Constantinow, était petite-fille de Lomonossoff. Ils eurent deux fils: Alexandre (mort colonel en disponibilité) et Nicolas (lieutenant général, commandant la ligne de la Mer Noire, au Caucase) et quatre filles: Catherine (mariée à Michel Fedorovitch Orloff), Marie (princesse Wolkonsky), Hélène et Sophie (mortes non mariées toutes deux). Sophie Nicolaïevna, en 1851, vint voir sa sœur en Sibérie. La mère de N. N. Raïévsky, née comtesse Samoïlow, épousa en secondes noces Davidoff et fut la mère du dékabriste B. Davidoff.

Après avoir nommé les personnes dont se composait la famille du G-l Nicolas Nicolaïevitch Raïévsky, nous allons donner ici des renseignements sur les rapports qu'auraient pu avoir ses deux fils avec la Société secrète, à laquelle on les avait cru affiliés. De fait Alexandre et Nicolas Raïévsky ne pouvaient en ignorer l'existence, ayant deux de leurs sœurs mariées, l'une à M. F. Orloff, l'autre au prince S. G. Wolkonsky, ayant pour oncle le dékabriste B. Davidoff et beaucoup d'amis parmi les autres membres de la Société; la Société elle-même prit vers l'année 1825 de si nombreuses ramifications, qu'avec leurs relations dans le monde et dans l'armée, ils ne pouvaient se trouver dans une complète ignorance des faits; mais il est avéré qu'ils n'ont jamais été membres de la Société contrairement à ce qui en avait été dit à l'époque. Voici quelques documents tirés des archives de la famille Raïévsky qui le prouvent.

оставивъ свое имя на славной батареѣ Бородинскаго сраженія. «Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ двѣнадцатаго года, человѣкъ «безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ «невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать «и цѣнить его высокія качества», такъ характеризуетъ его Пушкинъ. (Записки С. Г. Волконскаго, изд. 2-е, стр. 38 и 39). Защитникъ Смоленска противъ наступавшей арміи Наполеона I, онъ, при взятіи Парижа, командовалъ позиціей на высотахъ Монмартра. Въ данное время (съ 1820 по 1824 г.) былъ командиромъ корпуса первой арміи; съ 1824 по 1826 г. былъ въ отпуску, въ 1826 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Скончался въ 1829 г. въ с. Болтышкѣ Кіевской губерніи.—Его жена, Софья Алексѣевна, рожденная Константинова, внука Ломоносова. Ихъ сыновья: Александръ (умершій полковникомъ въ отставкѣ) и Николай (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, командовавшій Черноморской линіей на Кавказѣ) и четыре дочери: Екатерина (замужемъ за Михаиломъ Ѳедоровичемъ Орловымъ), Марія (княгиня Волконская), Елена и Софія (умершія незамужними). Софія Николаевна пріѣзжала въ 1851 г. въ Сибирь, для свиданія съ сестрою. Мать Н. Н. Раевскаго, рожд. графиня Самойлова, вышла вторымъ бракомъ за Давыдова.

Переименовавъ членовъ семейства Н. Н. Раевскаго, приведемъ данныя, касающіяся отношенія двоихъ сыновей его къ Тайному Обществу, въ причастности къ которому они были заподозрѣны. Александръ и Николай Николаевичи не могли не знать о его существованіи, имѣя двухъ сестеръ замужемъ, одну за М. Ѳ. Орловымъ и другую за княземъ С. Г. Волконскимъ, родного дядю въ декабристѣ Васильѣ Львовичѣ Давыдовѣ и много друзей между другими членами Общества; наконецъ, и само Общество такъ развѣтвилось къ 1825 году, что, при ихъ свѣтскихъ и служебныхъ отношеніяхъ, они и не могли стоять отъ него совершенно въ сторонѣ и невѣдѣніи; но членами Общества они положительно не были, вопреки тому, что въ то время объ этомъ говорилось. Вотъ нѣсколько писемъ, почерпнутыхъ нами въ семейномъ архивѣ Раевскихъ, ясно это доказывающихъ.

Письмо ген.-отъ-инфантеріи Н. Н. Раевскаго къ своему брату Петру Львовичу Давыдову отъ 5 января 1826 г. изъ его имѣнія Болтышки:

Lettre du G-l d'Infanterie N. N. Raïévsky à son frère Pierre Lwovitch Davidoff du 5 Janvier 1826 envoyée de sa terre de Boltichka. «Le 27 Décembre *(1825)* [1]) mon fils Nicolas et le 29 Décembre mon «fils Alexandre ont été expédiés à St-Pétersbourg. Toute triste que soit «cette circonstance, elle ne trouble pas ma tranquillité: j'ai pleine «*confiance* [2]) en mes fils; tu sais, mon frère Pierre, que je ne certifie «rien sans fondement, mais je réponds de l'innocence de mes fils, de «leurs opinions *(politiques)* et de leurs actes. Mais je crains que cette «nouvelle n'effraie mes filles qui se trouvent à Moscou et je te prie, «cher frère et ami, d'en prévenir Michel *(Orloff)*, s'il est à Moscou ou «bien d'aller toi-même chez elles et de les rassurer. Ma tranquillité, à moi, «peut leur servir d'exemple, et après cela mes fils ne seront plus suspec-«tés — ce qui sera pour eux un avantage. Nicolas a été arrêté dans son «régiment, Alexandre — à Bélaïa Tserkove. Ils voyagent dans leurs propres «traineaux, avec leurs propres serviteurs et pas trop vite; on les traite «poliment. — Je me serais empressé de me rendre moi-même à Moscou, «mais ma fille Marie, le deux de ce mois, mit heureusement au monde «un fils; tu sais que les neuf premiers jours offrent des dangers, la «moindre frayeur pourrait la tuer; son mari se trouve à son poste et «ne peut pas s'absenter. Impossible de laisser en ce moment les femmes «seules! En outre les contrats [3]), à l'époque desquels je serai très occupé «de mes affaires et de celles de beaucoup d'autres, m'empêcheront com-«plètement de m'absenter. Voilà, mon cher frère, les tristes circonstan-«ces dans lesquelles je me trouve. Les mesures du gouvernement sont «sévères, mais indispensables, il n'y a rien à dire; avec tout cela les «temps sont très tristes pour tout le monde. Adieu, je t'embrasse. «Nos frères Basile et Alexandre *(Davidoff)* vont bien». — L'arrestation des frères Raïévsky ne dura pas bien longtemps. Le 21 Janvier 1826 Alexandre Nicolaïevitch écrivait à son père de St-Pétersbourg, en le rassurant. N'ayant pu mettre la main sur le texte original (français) de cette lettre nous sommes forcés d'en donner une traduction faite sur la traduction russe publiée dans la «Rouskaïa Starina», 1884, p. 437.

---

[1]) Ce qui est en lettres italiques est du fait de l'éditeur.

[2]) Ce mot n'a pas été déchiffré.

[3]) Actes officiels se faisant annuellement à Kiew.

«27-го Декабря *(1825 г.)* [1]) сынъ мой Николай, а 29-го Декабря «сынъ мой Александръ повезены въ Петербургъ. Естли сіе произше-«ствіе и огорчительно, по крайней мѣрѣ, не нарушаетъ моего «спокойствія: на сыновей моихъ я имѣю *надежду* [2]), ты знаешь, братъ «Петръ, что я безъ основанія утверждать не стану, но отвѣчаю за «ихъ невинность, за ихъ образъ мыслей и за ихъ поступки. Но боюсь, «чтобъ это извѣстіе не испугало дочерей моихъ въ Москвѣ, и для «того прошу тебя, любезный братъ и другъ, предварить Михаила «Федоровича, буде онъ въ Москвѣ, или самому тебѣ съѣздить къ «нимъ и успокоить ихъ. Мое спокойствіе можетъ имъ служить при-«мѣромъ; послѣ сего мои сыновья уже не будутъ въ подозрѣніи, что «имъ же въ пользу послужитъ. Николай взятъ при полку, Александръ «въ Бѣлой Церкви. Они ѣдутъ въ своихъ саняхъ, со своими людьми «и не такъ спѣшно; съ ними обходятся благопристойно. — Я бы самъ «поспѣшилъ въ Москву, но дочь моя Марія 2-го числа родила сына «благополучно, ты знаешь, что первые 9-ть дней опасны, малѣйшая «тревога можетъ убить ее, мужъ ея при своемъ мѣстѣ, отлучиться «ему нельзя. Женщинъ же однѣхъ теперь оставить невозможно. Къ «тому же контракты, на коихъ я, можетъ, буду обремененъ дѣлами «многихъ другихъ и собственными, совершенно воспрещаютъ мнѣ «отлучиться. Вотъ, братъ милый, несчастливыя обстоятельства. Мѣры «правительства строги, но необходимы, говорить нечего; со всѣмъ тѣмъ, «время для всѣхъ вообще чрезвычайно грустное. Прощай, обнимаю «тебя. Братья Василій и Александръ *(Давыдовы)* здоровы». Арестъ братьевъ Раевскихъ продолжался недолго. 21 января 1826 г. Александръ Николаевичъ писалъ своему отцу, успокаивая его, изъ Петербурга:

«Дорогой Батюшка, когда вы получите это письмо, вамъ, безъ «сомнѣнія, будетъ уже извѣстно о нашемъ освобожденіи; мы были «арестованы въ виду принятыхъ общихъ мѣръ предосторожности и «по доносу, основанному на одномъ лишь подозрѣніи. Виновные, «сознавшись, что они были руководителями заговора, заявили затѣмъ «единогласно, что мы никогда не принадлежали къ ихъ обществу, и «лица, донесшія на насъ, которыхъ мы, между прочимъ, совсѣмъ не «знаемъ, сознались въ томъ, что они донесли на насъ на основаніи

---

[1]) Курсивомъ обозначено добавленіе противъ подлинника.

[2]) Это слово не разобрано.

«Cher Père,

«Lorsque Vous recevrez cette lettre, Vous saurez déjà, sans doute, «notre mise en liberté; nous avons été arrêtés en vue des mesures générales «de précaution et par suite d'une délation basée sur une simple suspicion. «Les accusés, ayant confessé avoir été les meneurs de la conspiration, décla-«rèrent que nous n'avions jamais appartenu à leur société, et les person-«nes qui nous ont calomniés, — d'ailleurs parfaitement inconnues à nous, «avouèrent n'avoir agi que sur des on dit. Alors on nous rendit la liberté.

«Vous recevrez le rescrit de Sa Majesté, donné à cette occasion «et qui sera mis dans les journaux, afin que toute la Russie soit informée «de notre innocence.

«Hier matin nous nous présentions à l'Empereur; il nous traita avec «une bienveillance extrême, et je Vous écris maintenant d'après son ordre «personnel. Sa Majesté m'a chargé de vous faire part à propos d'Orloff, «que, bien que coupable et un des premiers qui aient participé à la conspi-«ration,— il ne partageait pas ces criminelles intentions, et que tout son «tort consistait à ne pas avoir révélé ce qui lui était connu. Sa Majesté «en parla avec bienveillance promettant de faire tout ce qui sera pos-«sible, afin d'alléger son sort; je n'ai donc plus aucune espèce d'in-«quiétude pour notre cher Michel; une fois arrivé, — Vous achèverez «le reste. Pour ce qui est de Wolkonsky, l'affaire prend une autre tournure, «pourtant j'espère en la clémence de l'Empereur, en les égards auxquels «a droit la princesse Wolkonsky (mère de Serge), en la gracieuse indul-«gence de l'Impératrice et en Votre intercession.

«Vous sentez évidemment que je ne puis avoir la moindre crainte «quant à sa vie; arrivez, cher Père, Vos prières peuvent grandement «alléger le sort de Wolkonsky,—par conséquent celui de Macha [1]).

«L'Empereur m'a gracieusement proposé de reprendre le service mili-«taire ou bien d'être nommé chambellan; il va de soi que je lui exprimai ma «plus vive reconnaissance, en disant que mon état de santé ne me permettait «pas de reprendre le service militaire et je demandai la permission d'attendre «Votre retour pour prendre une décision définitive: à dire vrai, je ne vou-«drais profiter d'aucune grâce avant que le sort des maris de mes sœurs «ne soit finalement décidé; je n'ai aucune crainte pour ce qui est de mon «cher Michel, mais je ne puis dire la même chose pour Wolkonsky.

---

[1]) Diminutif de Marie.

«однихъ слуховъ. Тогда намъ возвратили свободу. Вы получите ре-«скриптъ Его Величества, данный по этому случаю, который будетъ «обнародованъ въ газетахъ, чтобы вся Россія знала о нашей невин-«ности. Вчера поутру мы представлялись Императору; онъ обошелся «съ нами крайне милостиво, и я пишу вамъ теперь по его личному «приказанію. Его Величество велѣлъ мнѣ передать вамъ относительно «Орлова, что хотя онъ и виновенъ и былъ однимъ изъ первыхъ «соучастниковъ этого общества, но не раздѣлялъ его преступныхъ «замысловъ, и вся его вина заключается въ томъ, что онъ не открылъ «того, что зналъ по этому поводу. Его Величество отозвался о немъ «весьма милостиво, сказавъ, что сдѣлаетъ все возможное, дабы облег-«чить его участь; я не имѣю болѣе никакихъ опасеній относительно «нашего любезнаго Михаила; пріѣхавъ сюда, вы довершите остальное. «Что же касается Волконскаго, то дѣло принимаетъ иной оборотъ; «тѣмъ не менѣе я возлагаю большія надежды на милосердіе Импера-«тора, на права, которыя имѣетъ княгиня Волконская (мать Сергѣя), «на милостивое снисхожденіе со стороны Императрицы и на ваше «заступничество. Впрочемъ, говоря о судьбѣ Волконскаго, вы чувствуете, «вѣроятно, что я не могу имѣть ни малѣйшаго опасенія относительно «его жизни; пріѣзжайте сюда, дорогой Батюшка, ваши просьбы могутъ «значительно облегчить участь Волконскаго, а слѣдовательно, и «участь Маши. Императоръ милостиво предложилъ мнѣ поступить «вновь на военную службу или быть камергеромъ; само собою раз-«умѣется, я выразилъ ему мою живѣйшую признательность, сказавъ, «что здоровье не позволяетъ мнѣ поступить вновь въ военную службу, «и просилъ позволенія дождаться вашего возвращенія, чтобы принять «окончательное рѣшеніе: говоря откровенно, я не желалъ бы вос-«пользоваться никакою милостью до тѣхъ поръ, пока участь мужей «моихъ сестеръ не будетъ окончательно рѣшена; я не имѣю ни-«какихъ опасеній касательно моего любезнаго Михаила, но не могу «сказать того же относительно Волконскаго. Что же касается Импе-«ратора, то я не нахожу словъ, дорогой Батюшка, чтобы выразить мою «преданность и благодарность къ нему: онъ оказалъ намъ поистинѣ «трогательную милость и участіе и этимъ пріобрѣлъ мою безгранич-«ную преданность; вы знаете, что я человѣкъ не восторженный.

«Генералъ Левашевъ отнесся къ намъ, какъ человѣкъ честный «и деликатный; объ этомъ, по справедливости и изъ признательности,

«Quant à l'Empereur, je ne trouve pas de paroles, cher Père, pour «exprimer le dévouement et la reconnaissance que je lui porte; il nous té-«moigna une bienveillance et une sympathie vraiment touchantes et s'assura «par là un dévouement sans bornes de ma part; Vous savez que je ne «suis pas un homme à m'exalter.

«Le général Lévacheff s'est comporté à notre égard comme un «homme honnête et plein de délicatesse; je ne puis, par sentiment de «justice et de reconnaissance, le taire.

«Le général Benckendorff me traita avec sympathie et témoigne aussi «beaucoup de sympathie à notre Michel; ces messieurs sont membres de «la commission d'enquête.

«Nous avons déjà été faire visite à quelques connaissances en ville, «et partout on nous a bien reçus. Arrivez, cher Père, je me démène pour «obtenir l'autorisation de voir Michel, j'espère réussir et Vous informerai «du résultat.

«Je Vous prie de transmettre mes hommages à ma tante, j'aimerais «bien qu'elle reste avec Katia *(sœur de A. N. R.)* en votre absence. «J'ai pris la liberté d'ouvrir les lettres à Maman et à ma tante (C^sse^ Bra-«nicka) pour avoir des nouvelles sur la santé de Macha; j'espère qu'elle «me le pardonnera.

«J'embrasse de cœur ma chère Katia, de même que mon cher Tonia «et Hélène *(sœur de A. N. R.)*.

«J'écris à ma tante seulement que nous sommes mis en liberté et «lui parle de la bonté de l'Empereur. Nicolas ne Vous écrit pas parceque «je Vous parle de tout.

Alexandre Raïévsky.

«Jusqu'à présent je n'ai pas encore la permission de voir Michel».

Le rescrit dont parle Alexandre Raïévsky à son père est conçu en ces termes: «St-Pétersbourg, 23 Janvier 1826. — Nicolas Nicolaïevitch! «Je vous informe avec un plaisir tout particulier que la commission «d'enquête, après avoir étudié la conduite de vos fils, les a trouvés «parfaitement innocents et n'ayant pas pris part à la société des conspi-«rateurs; je suis le premier à me réjouir sincèrement en voyant que les «fils d'un père aussi digne, ont été complètement justifiés. Je demeure «toujours votre bienveillant».

(Signé) «Nicolas».

«нельзя умолчать. Генералъ Бенкендорфъ отнесся ко мнѣ съ участіемъ «и выказываетъ также большое участіе къ нашему Михаилу; эти «господа—члены секретной комиссіи.

«Мы были уже съ визитами у нѣкоторыхъ знакомыхъ въ городѣ, «и насъ вездѣ приняли хорошо. Пріѣзжайте, дорогой Батюшка; я «хлопочу о разрѣшеніи видѣться съ Михаиломъ, надѣюсь на успѣхъ «и увѣдомлю васъ о результатѣ. Прошу васъ засвидѣтельствовать «мое почтеніе тетушкѣ; я очень желалъ бы, чтобы она осталась съ «Катей *(сестрою)* на время вашего отсутствія. Я осмѣлился распечатать «письма къ матушкѣ и тетушкѣ *(графинѣ Браницкой)*, чтобы узнать о «здоровьѣ Маши; надѣюсь, что она извинитъ меня. Отъ души цѣлую «мою дорогую Катю, а также моего дорогого Тоню и Елену *(сестру)*. «Я пишу тетушкѣ только о томъ, что мы освобождены, и о милостяхъ «Государя. Николай не пишетъ вамъ, такъ какъ я пишу обо всемъ.

Александръ Раевскій.

«До сихъ поръ я не получилъ еще разрѣшенія видѣться съ «Михаиломъ». (Этотъ переводъ съ французскаго текста письма былъ напечатанъ въ «Русск. Стар.» 1884 г., стр. 437).

Рескриптъ, о которомъ говоритъ А. Н. своему отцу, послѣдовалъ въ такихъ выраженіяхъ:

«С.-Петербургъ, Января 23 дня, 1826 года. Николай Николаевичъ! «Съ особеннымъ удовольствіемъ могу увѣдомить васъ, что слѣдствен«ная комиссія, разсмотрѣвъ поведеніе сыновей вашихъ, нашла ихъ «совершенно невинными и непричастными къ обществу злоумышлен«никовъ, и что я первый душевно радуюсь, что дѣти столь достойнаго «отца совершенно оправдались. Пребываю, впрочемъ, всегда къ вамъ «благосклоннымъ. (Подпись) Николай».

Отъ слѣдственной же комиссіи выданъ полковнику Раевскому такой документъ:

«Аттестатъ». «По Высочайшему Его Императорскаго Величества «повелѣнію, Комитетъ для изысканія о злоумышленномъ обществѣ «симъ свидѣтельствуетъ, что Харьковскаго Драгунскаго полка пол«ковникъ Раевскій, какъ по допросамъ обнаружено, членомъ того «общества не былъ, въ злонамѣренной цѣли его участія не принималъ. «Санктъ-Петербургъ, Генваря 19 дня 1826 года, № 166». Подлинный подписали: «Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Михаилъ, Князь Але-

La commission d'enquête délivra au Colonel Raïévsky le document suivant: «Certificat. — Sur l'ordre de Sa Majesté Impériale, la commis-«sion d'enquête sur les sociétés secrètes certifie par le présent que le «Colonel du régiment des Dragons de Kharkoff Raïévsky, comme il «appert des interrogations, n'a pas été membre de la société secrète et «n'a pas pris part à ses menées coupables. St-Pétersbourg, 19 Janvier «1826, № 166».

(Signé) «Grand-Maitre de l'Artillerie Michel [1]), Prince Alexandre «Galitzine, Aide de camp général G.-Koutouzoff, Aide de camp général «Tchernicheff, Aide de camp général Lévacheff, Aide de camp général «Potapoff».

III.

«Ainsi que Votre Majesté le sait, une de ces dénonciations, qui «aurait dû éveiller tout particulièrement l'attention du Gouvernement, avait «été présentée à feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre, en Juin de l'année «dernière, par Scherwood, sous-officier au 3-ème régiment du Boug. «Il rapportait que dans certains régiments de la 1-ère et 2-ème armée, «il se trouvait des gens qui méditaient le renversement de l'ordre établi «et qu'ils appartenaient à une société secrète dont le nombre de mem-«bres s'accroissait rapidement. Nommant l'un d'eux (Wadkowsky, Théodor), «Scherwood demandait la permission de se rendre à Koursk dans le but «d'une entrevue avec lui et avec d'autres qu'il tenait pour ses complices, «espérant par là obtenir les renseignements les plus sûrs et les plus «détaillés. Ceux-ci, en effet, furent présentés au Gouvernement en Sep-«tembre et, peu de temps après, des renseignements conformes et plus «détaillés encore furent apportés à Taganrog [2]) par le lieutenant général «comte de Witt, qui était au courant de la société secrète grâce à un agent «à lui qui avait feint de s'y joindre [3]). La plus grande partie de ces témoi-«gnages se trouve confirmée par une lettre, en date du 1-er Décembre,

---

[1]) Le Grand-Duc Michel Pavlovitch.

[2]) C'est dans cette ville que l'Empereur Alexandre Ier passa les dernières semaines de sa vie et mourut le 19 Novembre 1825.

[3]) Boschniak. Voir «Mémoires de S. G. Wolkonsky», 2-me édition, pp. 423—25, 430—31.

«ксандръ Голицынъ, Генералъ-Адъютантъ Г.-Кутузовъ, Генералъ-«Адъютантъ Чернышевъ, Генералъ-Адъютантъ Левашевъ, Генералъ-«Адъютантъ Потаповъ».

III.

«Какъ Вашему Величеству извѣстно, одно изъ таковыхъ пока-«заній, долженствовавшее возбудить особенное вниманіе Правительства, «получено въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ въ Іюнѣ «минувшаго года отъ Шервуда, унтеръ-офицера 3-го Бугскаго Улан-«скаго полка. Онъ доносилъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й «арміи есть люди, замышляющіе ниспроверженіе порядка въ Госу-«дарствѣ, и что они принадлежатъ къ Тайному обществу, которое «постепенно умножаетъ число своихъ членовъ; именуя одного изъ «нихъ (Вадковскаго, Ѳедора), Шервудъ просилъ дозволенія ѣхать въ «Курскъ для свиданія съ нимъ и другими, коихъ онъ считалъ его «сообщниками, надѣясь имѣть чрезъ то вѣрнѣйшія и обстоятельнѣйшія «свѣдѣнія. Оныя въ самомъ дѣлѣ доставлены имъ Правительству въ «Сентябрѣ мѣсяцѣ, а вскорѣ затѣмъ согласныя и еще подробнѣйшія «извѣстія привезены въ Таганрогъ Генералъ-Лейтенантомъ гр. Виттомъ, «который зналъ о существованіи и цѣли Тайнаго злоумышленнаго «общества чрезъ агента своего, притворно къ оному присоединившагося [1]). Большая часть сихъ показаній подтверждена полученнымъ «1-го Декабря на имя въ Бозѣ почивающаго Императора письмомъ «Майбороды, Капитана Вятскаго полка, который самъ былъ членомъ «Тайнаго общества. Вслѣдствіе сего извѣта, Начальствомъ 2-й арміи «и присланнымъ изъ Таганрога Генералъ-Адъютантомъ Вашего Вели-«чества, приняты мѣры осторожности; по указаніямъ Майбороды взяты «подъ стражу многіе изъ подозрѣваемыхъ въ злоумышленіи, отысканы «и захвачены нѣкоторыя ихъ бумаги и сдѣланы предварительные до-«просы». (Изъ донесенія Слѣдственной Комиссіи 30 Мая 1826 г.).

IV.

Семья князя Сергія Григорьевича Волконскаго:

Генералъ-отъ-инфантеріи князь Григорій Семеновичъ Волконскій (сынъ генералъ-аншефа князя Семена Ѳедоровича Волконскаго

---

[1]) ...Бошнякъ. См. «Записки С. Г. Волконскаго», изд. 2-е, стр. 423, 424, 425, 429, 431, и «Императоръ Николай I» Н. К. Шильдера, стр. 178.

«adressée au nom de feu Sa Majesté, par Maïboroda, capitaine au régiment «de Viatka, qui lui-même avait été membre de la Société. A la suite de «cette dénonciation, des mesures de précaution furent prises par les «autorités de la grande armée et par l'aide de camp général de Votre «Majesté dépêché de Taganrog. Sur les indications de Maïboroda, un «nombre de personnes, suspectes de menées subversives, sont arrêtées; «leurs papiers sont saisis, des interrogatoires préalables ont lieu» (Extrait du rapport de la Commission d'Enquête, 30 Mai 1826).

IV.

Famille du prince Serge Grigoriévitch Wolkonsky.

Général d'Infanterie, prince Grégoire Sémenovitch Wolkonsky (fils du prince Siméon Fedorovitch, général en chef, et de la princesse Sophie Sémenovna, née princesse Mestchersky), naquit le 30 Janvier 1742. Il se distingua sous la conduite de Roumiantseff, Souvoroff et Répnine; pendant quinze ans (1802—1817) il fut gouverneur général du pays d'Orenbourg; il mourut en 1824, membre du Conseil de l'Empire. Sa femme, la princesse Alexandra Nicolaïevna, née princesse Répnine, était grande-maîtresse à la Cour Impériale.

Ils eurent pour enfants: 1) Prince Nicolas Grigoriévitch Wolkonsky, qui, en 1801, reçut, par décret Impérial, le nom de prince Répnine, en l'honneur de son grand-père maternel, en la personne de qui le nom s'était éteint; il fut marié à Barbe, comtesse Razoumowsky. En 1814, vice-roi de Saxe, plus tard gouverneur de la Petite Russie. 2) Prince Nikita Grigoriévitch, général à la suite; sa femme était la célèbre princesse Zénéide Wolkonsky, née princesse Bélosselsky-Bélozersky. 3) Prince Serge Grigoriévitch et 4) Princesse Sophie Grigoriévna, mariée au maréchal prince Sérénissime Pierre Mikhaïlovitch Wolkonsky.

V.

Orloff, Michel Fedorovitch, aide de camp de l'Empereur Alexandre Ier, major-général. Prit part à la guerre de 1812 et aux campagnes contre Napoléon. Se distinguait parmi les généraux d'alors par son acti-

и княгини Софіи Семеновны, рожденной княжны Мещерской), род. 30-го января 1742 г. Онъ съ отличіемъ служилъ подъ знаменами Румянцова, Суворова и Репнина; былъ потомъ 15 лѣтъ военнымъ губернаторомъ Оренбургскаго края (съ 1802—1817 г.); скончался въ 1824 г., будучи членомъ Государственнаго Совѣта. Его жена, княгиня Александра Николаевна, рожденная княжна Репнина, оберъ-гофмейстерина Высочайшаго двора.

Ихъ дѣти: 1) князь Николай Григорьевичъ Волконскій, который въ 1801 г., по Высочайшему указу, былъ названъ, въ честь своего дѣда по матери и за прекращеніемъ рода Репниныхъ—княземъ Репнинымъ; въ 1814 г. былъ намѣстникомъ королевства Саксонскаго, а впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Малороссіи; былъ женатъ на Варварѣ Алексѣевнѣ, рожденной графинѣ Разумовской; 2) князь Никита Григорьевичъ, генералъ свиты, былъ женатъ на писательницѣ, извѣстной княгинѣ Зинаидѣ Волконской, рожденной княжнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской; 3) князь Сергій Григорьевичъ, и 4) дочь княжна Софія Григорьевна, впослѣдствіи жена фельдмаршала, свѣтл. кн. П. М. Волконскаго.

V.

Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, флигель-адъютантъ Императора Александра I, генералъ-маіоръ. Участникъ Отечественной и заграничныхъ войнъ; велъ переговоры о капитуляціи Парижа. Среди генераловъ того времени, выдѣлялся своей либеральной дѣятельностью: заботился о распространеніи грамотности среди солдатъ, о смягченіи грубыхъ отношеній къ подчиненнымъ. Былъ пріятель Пушкина. Принадлежалъ къ Тайному обществу, изъ котораго вышелъ въ 1822 г., предъ своей женитьбой на старшей дочери Н. Н. Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ. Привлеченный къ дѣлу въ 1825 г., былъ исключенъ изъ службы и, по выпускѣ изъ крѣпости, состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Умеръ въ Москвѣ въ мартѣ 1842 г. (Отзывы о немъ въ «Запискахъ С. Г. Волконскаго», стр. 5, 60, 400, 401, 405—407, 409—412, 414 и 451).

VI.

Свѣтлѣйшая княгиня Софья Григорьевна, жена фельдмаршала князя Петра Михайловича Волконскаго, дочь князя Григорія Семеновича Волконскаго и княгини Александры Николаевны, рожденной

vité libérale; il prenait à cœur le développement de l'instruction parmi les soldats, cherchait à atténuer la brutalité des supérieurs vis-à-vis des subordonnés. Ami de Pouchkine. Membre de la société secrète qu'il quitta en 1822, avant son mariage avec la fille aînée de N. N. Raïévsky, Catherine. Cité en jugement en 1825, il fut rayé du service et après une détention à la forteresse de Pétropavlovsk, resta sous la surveillance de la police. Mort à Moscou, en Mars 1842 [1]).

VI.

Princesse Sérénissime Sophie Grigoriévna, femme du maréchal prince Pierre Mikhaïlovitch, fille du prince Grégoire Sémenovitch et de la princesse Alexandra Nicolaïevna, née princesse Répnine; dame d'Honneur en 1832. Fit le voyage de la Sibérie Orientale, en 1854, pour voir son frère [2]).

VII.

Alexandre Ivanovitch Tchernicheff (1785—1857), homme d'état et de guerre du temps d'Alexandre Ier et de Nicolas Ier; il fit les campagnes de 1812—1815; reçut le titre de comte, en 1826, pour les services rendus dans la Commission d'Enquête sur les dékabristes; ministre de la guerre en 1832; prince en 1841.

Des détails sur l'attitude de l'aide de camp général Tchernicheff envers les prévenus se trouvent dans les «Mémoires de S. G. Wolkonsky», dans ceux de A. Rosen et d'autres dékabristes. Il fut le seul, parmi les membres de la Commission d'Enquête, qui ait laissé aux condamnés le mauvais souvenir d'un homme cruel, chicaneur, sans respect pour la dignité de l'homme; plus d'une fois, pendant les séances, il fut repris par le Grand-Duc Michel et un autre membre de la Commission, le général A. Benckendorff. Ses remarques à Wolkonsky, Rosen,

---

[1]) Voir sur lui les «Mémoires de S. G. Wolkonsky», pp. 5, 60, 400—1, 405—7, 409—12, 414 et 451.

[2]) Voir «Généalogie des princes Wolkonsky» par la princesse Elisabeth Wolkonsky. Pétersbourg, 1900.

княжны Репниной; статсъ-дама съ 1832 г. Пріѣзжала въ Восточную Сибирь въ 1854 г. на свиданіе съ братомъ. (См. «Родъ князей Волконскихъ» кн. Е. Г. Волконской).

VII.

Александръ Ивановичъ Чернышевъ (1785—1857 г.), государственный и военный дѣятель временъ Императора Александра I и Николая I, участникъ войнъ 1812—1815 гг.; въ 1826 г., въ воздаяніе заслугъ въ качествѣ члена Слѣдственной Комиссіи о декабристахъ, возведенъ Императоромъ Николаемъ I въ графское достоинство, въ 1832 г. назначенъ военнымъ министромъ, въ 1841 г. возведенъ въ княжеское достоинство.

Объ отношеніи генералъ-адъютанта Чернышева къ подсудимымъ имѣются свѣдѣнія въ Запискахъ С. Г. Волконскаго, А. Е. Розена и другихъ декабристовъ. Онъ былъ единственнымъ изъ членовъ Слѣдственной Комиссіи, оставившимъ въ осужденныхъ недобрую по себѣ память, какъ человѣка жесткаго, придирчиваго и не уважавшаго человѣческаго достоинства; не разъ его останавливали въ Комиссіи Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ и другой членъ ея, генералъ А. Х. Бенкендорфъ. Замѣчанія его Волконскому, Розену, Назимову, Граббе и др. остались документами въ дѣлѣ. «Чернышевъ», говоритъ декабристъ Гангебловъ въ своихъ Запискахъ (стр. 130), «сломилъ меня обманомъ». Онъ прочиталъ ему изъ показанія одного изъ подсудимыхъ то, чего тамъ не находилось, и тѣмъ вынудилъ его признаніе. (Гангебловъ, стр. 92 и 131). Еще болѣе укорителенъ отзывъ о немъ Захара Григорьевича Чернышева. (Гангебловъ, стр. 216). — Мы не сдѣлали бы этого замѣчанія о генералѣ Чернышевѣ, взятаго изъ Записокъ С. Г. Волконскаго и другихъ, если бы оно не вызывалось словами о немъ княгини Маріи Николаевны Волконской.

VIII.

17-го іюля начальникъ Главнаго Штаба [1]) Е. И. В. сообщилъ военному министру, что Высочайше повелѣно преступниковъ разослать по назначенію, при чемъ сообщилъ и порядокъ ихъ высылки; при этомъ, между прочимъ, сказано:

---

[1]) Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи.

Nazimoff, Grabbe et d'autres restent fixées dans les minutes des séances. «Tchernicheff», dit le dékabriste Ganguébloff dans ses «Mémoires» (p. 130), «m'a brisé par le mensonge». Il lui avait lu la déposition d'un des prévenus dans laquelle il avait introduit des paroles qui ne s'y trouvaient pas réellement et avait par là forcé son aveu (Ganguébloff, pp. 92 et 131). Des reproches encore plus nombreux sont contenus dans la mention qu'en fait Zachar Tchernicheff (Ganguébloff, p. 216).—Nous n'aurions pas donné cette note sur le général Tchernicheff, écrite d'après les «Mémoires de S. G. Wolkonsky» et d'autres, si elle n'était motivée par les paroles de la princesse M. N. Wolkonsky.

VIII.

Le 17 Juillet, le chef de l'Etat-Major de S. M. rapportait au ministre de la guerre, que l'ordre suprême avait été donné d'expédier les condamnés à leurs lieux de détention respectifs; il disait notamment [1]):

«Parmi les condamnés aux travaux forcés, les 8 suivants: Serge «Troubetskoy, Eugène Obolensky, Artamon Mouravieff, Basile Davidoff, «Jakoubovitch, Serge Wolkonsky, Borissoff 1er et Borissoff 2, devront «sur-le-champ être expédiés à Irkoutsk, au gouverneur civil Zeidler. «On les enchaînera et les répartira en deux groupes, on préposera un «gendarme à chaque condamné et un «feld-jäger» à chaque groupe de «quatre. On fera part au gouverneur de la volonté suprême de Sa Majesté «que ces criminels soient, ainsi qu'il convient, employés aux travaux, «qu'ils soient traités, sous tous les rapports, selon les règlements établis «pour les forçats; que le Gouverneur nomme un employé sûr du choix «duquel il répondra, afin d'exercer sur eux une surveillance sévère et «continuelle, et que, chaque mois, à leur sujet, il fasse son rapport à «Sa Majesté par voie de l'Etat-Major».

Leur départ de la forteresse devait s'effectuer pendant les nuits du 21 Juillet au 1 Août. A ce propos, en date du 20 Juillet, le ministre de la guerre Tatistcheff faisait part au ministre de l'intérieur de la volonté suprême qu'on les expédie, aux dates fixées, non pas par Moscou, mais

---

[1]) Archives de la IIIème Section de la Chancellerie particulière de S. M. l'Empereur.

«Изъ числа приговоренныхъ въ каторжную работу, 8 человѣкъ, «а именно: Сергѣя Трубецкого, Евгенія Оболенскаго, Артамона Му-«равьева, Василія Давыдова, Якубовича, Сергѣя Волконскаго, Бори-«сова 1-го и Борисова 2-го отправить немедленно закованными въ «двухъ партіяхъ, имѣя при каждомъ преступникѣ одного жандарма и «при каждыхъ четырехъ одного фельдъегеря, въ Иркутскъ къ граж-«данскому губернатору Цейдлеру, коему сообщить Высочайшую волю, «дабы сіи преступники были употребляемы, какъ слѣдуетъ, въ работу, и «поступлено было съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному для «каторжниковъ положенію; чтобы онъ назначилъ, для неослабнаго и «строгаго за ними смотрѣнія, надежнаго чиновника, за выборъ коего «онъ отвѣтствуетъ, и чтобы онъ о состояніи ихъ ежемѣсячно доно-«силъ въ собственныя руки Его Величества чрезъ Главный Штабъ».

Отправленіе ихъ изъ крѣпости должно было быть произведено по ночамъ съ 21-го по 31-е іюля и 1-го августа. По этому предмету военный министръ Татищевъ 20-го іюля сообщалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Высочайшую волю объ отправкѣ ихъ въ означенныя числа не черезъ Москву, а по Ярославскому тракту, съ тѣмъ, чтобы это дѣлалось при отвѣтственности губернаторовъ и «чтобы о поведеніи и содержаніи оныхъ преступниковъ они доно-«сили въ Собственныя руки Его Величества черезъ Главный Штабъ».

IX.

Генералъ-фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь П. М. Волконскій (1776—1852), участникъ войнъ 1805—1815 гг., генералъ-адъютантъ, начальникъ штаба дѣйствующей арміи въ кампанію 1813—14 гг., генералъ-квартирмейстеръ (1810—1818), начальникъ штаба Е. И. В. (1815—1823), министръ Двора и Удѣловъ (1826—1852), членъ Государственнаго Совѣта, канцлеръ Россійскихъ орденовъ и проч. Былъ женатъ на княжнѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ (т. II, стр. 287, Спб., 1885) считаетъ его основателемъ русскаго Генеральнаго Штаба. Скончался въ Петербургѣ въ 1852 г.

X.

Краткія свѣдѣнія о княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской и ея мужѣ:

par la route de Iaroslaw; que cela se fasse sous la responsabilité des gouverneurs «qui auront à rapporter sur la conduite et la détention des «dits criminels à Sa Majesté personnellement par voie de l'Etat-Major».

IX.

Maréchal prince Sérénissime P. M. Wolkonsky (1776 — 1852). A fait les campagnes de 1805—15, fut aide de camp général, chef de l'Etat-Major de l'armée active en 1813—1814, quartier-maître général (1810—18), chef de l'Etat-Major de S. M. I. (1815—23), ministre de la Cour et des Apanages (1826—1852), membre du Conseil de l'Empire, Chancelier des Ordres russes etc. Marié à la princesse Sophie Grigoriévna Wolkonsky. «L'Encyclopédie des sciences militaires et maritimes» (St-Pétersbourg, 1885) le considère comme le fondateur de l'Etat-Major russe (t. II, p. 287). Mort à St-Pétersbourg en 1852.

X.

Quelques détails sur la princesse Zénéide Wolkonsky et son mari:

Le prince Nikita Grigoriévitch Wolkonsky (1782—1840), officier au régiment Ismaïlow, servit comme aide de camp auprès de son grand-père le prince N. Répnine. Lorsque, sous Paul Ier, Répnine fut tombé en disgrâce, ses aides de camp furent congédiés à cause de «l'esprit Répnine» qu'ils manifestaient,—ce sont les termes de l'ordre Impérial. Pendant la campagne contre les Turcs, en 1806, Wolkonsky était auprès du commandant en chef Michelson; en 1807, il fut nommé aide de camp de Sa Majesté. L'Empereur le chargeait souvent de missions diplomatiques (en 1808 auprès de Napoléon). Il fit les campagnes de 1813—1814, se distingua à la bataille de Fère-Champenoise («Archive Russe», 1874, IV). Sa femme, la princesse Zénéide Alexandrovna, née princesse Bélosselsky-Bélozersky, durant cette campagne, suivait le quartier général. L'Empereur Alexandre Ier se délassait volontiers de ses fatigues dans la société de celle que Pouchkine appelait «la reine des muses et de la beauté». Au milieu de la brillante société qui entourait les souverains de l'Europe, aux fêtes du congrès de Vérone, elle brillait par sa grâce et ses talents. Excellente musicienne, douée d'une voix exceptionnelle, elle chanta à l'un des spectacles-gala le rôle de «Tancrède» de Rossini. Il existe un

Князь Никита Григорьевичъ Волконскій (1782—1840), офицеръ Измайловскаго полка, служилъ адъютантомъ у дѣда своего, фельдмаршала князя Н. В. Репнина. Когда князя Репнина постигла опала при Императорѣ Павлѣ, то его адъютанты были отставлены за замѣченный въ нихъ «Репнинскій духъ», какъ сказано въ Высочайшемъ приказѣ. Въ Турецкую кампанію 1806 г., Волконскій состоялъ при главнокомандующемъ Михельсонѣ; въ 1807 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Государь неразъ довѣрялъ ему дипломатическія порученія (напр., въ 1808 г. къ Наполеону). Онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1813—14 гг., отличился въ сраженіи при Ферь-Шампенуазъ. (Русскій Архивъ 1874 г., IV). Его жена, княгиня Зинаида Александровна (рожденная княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская), въ эту кампанію также сопровождала главную квартиру, и Александръ I любилъ отдыхать въ бесѣдахъ съ той, которую Пушкинъ называлъ «царицей музъ и красоты». Среди блестящаго общества, окружавшаго европейскихъ государей на празднествахъ Веронскаго конгресса, она блистала своей красотой и талантами; прекрасная музыкантша, съ чуднымъ голосомъ, она, между прочимъ, исполняла на одномъ изъ парадныхъ спектаклей главную роль въ Россиніевскомъ «Танкредѣ». Сохранился ея портретъ въ костюмѣ рыцаря, работы Бруни (въ собраніи кн. М. С. Волконскаго). Никита Григорьевичъ находился въ свитѣ Государя до его кончины, а затѣмъ оставилъ военную службу. (Русск. Арх. 1895 г., стр. 495). Московскій домъ княгини Зинаиды Александровны, въ которомъ сходились Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій, Дельвигъ, Языковъ, Баратынскій, Веневитиновъ, Козловъ, Одоевскій, Кирѣевскіе, Брюловъ, Шевыревъ, Мицкевичъ и другіе, былъ однимъ изъ центровъ литературной и артистической жизни двадцатыхъ годовъ.

XI.

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (1788—1872), генералъ-адъютантъ (1823), впослѣдствіи (1839) графъ, участвовалъ въ походахъ 1813—1815 гг. и Турецкой войнѣ 1828—1829 гг.; еще въ 1819 году былъ назначенъ начальникомъ штаба второй арміи, въ м. Тульчинѣ Подольской губерніи, гдѣ, подъ его начальствомъ, служили будущіе декабристы: Пестель, Бурцовъ, Гагаринъ, князь Трубецкой, князь Волконскій, и гдѣ обращалъ на себя вниманіе человѣческимъ отношеніемъ къ солдатамъ, стремясь, между прочимъ, къ

portrait d'elle, en costume de ce chevalier, par Bruni (Collection du prince Michel Wolkonsky).

Nikita Grigoriévitch resta à la suite jusqu'à la mort de l'Empereur, puis il quitta le service militaire. La maison de la princesse Zénéide, à Moscou, où se donnaient rendez-vous Pouchkine, Joukovsky, Wiazemsky, Délwig, Yaszikoff, Baratinsky, Wénéwitinow, Kosloff, Odoïévsky, les frères Kiréevsky, Bruloff, Chévireff, Mizkievicz et d'autres, était un des centres de la vie littéraire et artistique (1820—1830).

XI.

Paul Dimitriévitch Kisséleff (1788—1872), aide de camp général (1823), comte en 1839. Fit les campagnes de 1813—15, la guerre de Turquie en 1828 et 1829, en 1819—chef de l'Etat-Major de la 2me armée à Toultchino, petite ville de Podolie, où il eut sous ses ordres Pestel, Bourtsoff, Gagarine, le prince Troubetskoy, le prince Wolkonsky, futurs dékabristes. Il s'y distinguait par son humanité envers les soldats, cherchant à adoucir les peines corporelles, ce qui déplaisait à bien des personnes, Araktchéieff entre autres. En 1829, président des Divans de la Moldavie et de la Valachie et commandant en chef de leurs armées. En 1835, membre du Conseil de l'Empire et du Comité Secret pour la réorganisation des paysans; après cela, ministre des Domaines et, en 1856, ambassadeur de Russie en France. Son activité, pendant les 18 ans qu'il fut ministre, avait été fructueuse et marquée par une tendance continue vers l'émancipation des paysans et l'abolition du servage [1]).

XII.

Alexandre Nicolaïevitch Mouravieff, frère de Nicolas (celui de Kars), du comte Michel (celui de Vilna) et d'André (l'écrivain), né en 1792, il fut colonel d'Etat-Major à l'âge de 23 ans; prit sa retraite en 1818 [2]); appartenait à la ligue de la «Prospérité»; exilé (VIIème catégorie) à Verkhnéoudinsk, en Sibérie Orientale, sans spoliation de droits politiques,

---

[1]) Dictionnaire encyclopédique Brockhaus et Efron (I, 29, p. 154). Voir aussi sa biographie, en quatre volumes, par A. Zablotsky-Dessiatovsky.

[2]) J. P. Barsoukoff, «Matériaux pour la biographie du comte Nicolas Nicolaïevitch Mouravieff-Amoursky», p. 3.

смягченію тѣлесныхъ наказаній, что не нравилось многимъ, въ томъ числѣ Аракчееву. Въ 1829 году назначенъ предсѣдателемъ Дивановъ Молдавіи и Валахіи и командующимъ войсками въ оныхъ. Въ 1835 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и Секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу, затѣмъ министромъ Государственныхъ имуществъ и, въ 1856 году, россійскимъ посломъ во Франціи. Дѣятельность его въ теченіе 18-лѣтняго управленія министерствомъ отличалась большою плодотворностью и постояннымъ стремленіемъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостного права. (Свѣдѣнія эти взяты изъ Энциклопедическаго словаря Брокгаузъ и Ефронъ, т. 29, стр. 154). Его біографія въ 4 томахъ составлена А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ.

XII.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ, братъ Николая Николаевича (Карсскаго), графа Михаила Николаевича (Виленскаго) и Андрея Николаевича (писателя), род. въ 1792 г. и 23 лѣтъ. былъ уже полковникомъ Генеральнаго Штаба; вышелъ въ отставку (1818 г.) [1]); принадлежалъ къ членамъ общества «Союзъ благоденствія»; сосланъ по VII разряду въ г. Верхнеудинскъ Восточной Сибири безъ лишенія политическихъ и служебныхъ правъ (1826 г.); назначенъ городничимъ въ г. Иркутскъ (1828 г.); предсѣдателемъ Иркутскаго Губернскаго Правленія (1831 г.); Тобольскимъ гражданскимъ губернаторомъ (1833 г.); предсѣдателемъ Уголовной Палаты въ Вяткѣ (1834 г.); перемѣщенъ на такую же должность въ Таврическую губ. (1835 г.); Архангельскимъ губернаторомъ (1837 г.); въ 1839 г. уволенъ въ отставку, въ которой пробылъ четыре года; въ 1843 году назначенъ членомъ Совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ; изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ переименованъ въ полковники и назначенъ начальникомъ штаба 2-го корпуса [2]); затѣмъ назначенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ и, наконецъ, сенаторомъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1864 году. Былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Михайловнѣ Шаховской.

---

[1]) И. П. Барсуковъ, «Матеріалы для біографіи графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго», стр. 3.

[2]) Архивъ III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ni de droits de service; nommé bailli de la ville d'Irkoutsk, en 1828; président de l'administration gouvernementale d'Irkoutsk, en 1831; gouverneur civil de Tobolsk, en 1833; président de la Chambre criminelle de Viatka, en 1843; transféré au même poste, en Tauride, en 1835; gouverneur d'Arkangel, en 1837; en 1839, mis en disponibilité; en 1843, membre du conseil du ministre de l'Intérieur; plus tard, chef de l'Etat-Major du 2ème corps, avec le grade de colonel [1]); puis gouverneur de Nijny-Novgorod, enfin, sénateur à Moscou, où il mourut, en 1864. Marié à la princesse Praskovia Mikhaïlovna Chakhovskoy.

XIII.

Les huit déportés, partis d'Irkoutsk, arrivèrent aux mines de Nertchinsk et, le 25 Octobre 1826, furent installés dans les mines de Blagodatsk, à 12 verstes de l'usine principale de Nertchinsk. L'intendant du comptoir des minerais et de toutes les mines, le mesureur Tchernigovtseff en rapporte au chef des usines de Nertchinsk, en date du 26 Octobre, et il ajoute, que «les huit individus précités sont installés à l'usine de «Blagodatsk, qu'aucun d'eux ne sait de métier en dehors du Russe et «des autres sciences faisant partie de la noble éducation; quelques-uns «savent les langues étrangères et avaient entre les mains quelques docu«ments écrits en ces langues et signés par eux que j'ai l'honneur «d'adjoindre contresignés par moi» (sic). Avec cela Tchernigovtseff présente une liste des objets que chacun d'eux possédait: une image, un évangile, des croix «pectorales», du linge, des vêtements en petite quantité, des pelisses non recouvertes; quelques-uns avaient des crucifix en fer de fonte; en fait de livres, des calendriers etc. Une partie des objets leur a été laissée; le reste, avec un peu d'argent, a été pris et mis en sûreté. Quant à leur entretien et à la manière de les employer aux travaux, le chef des usines Bournacheff reçut du gouverneur Zeidler, en date du 27 Août 1826, des instructions afin «que «ces criminels soient, ainsi qu'il convient, employés aux travaux, qu'ils «soient traités, sous tous les rapports, selon les règlements établis pour «les forçats, qu'un employé sûr soit nommé, afin d'exercer sur eux une «surveillance continuelle, et que chaque mois, à leur sujet, rapport soit

[1]) Archives de la III-ème Section de la Chancellerie particulière de S. M. I.

XIII.

Отправленные изъ Иркутска восемь человѣкъ прибыли въ Нерчинскіе заводы и 25-го октября 1826 года были помѣщены въ Благодатскомъ рудникѣ, въ 12 верстахъ отъ главнаго Нерчинскаго завода. Управляющій горною конторою и всѣми рудниками, маркшейдеръ Черниговцевъ, доноситъ объ этомъ начальнику Нерчинскихъ заводовъ 26-го октября, прибавляя, что «всѣ означенные восемь человѣкъ раз«мѣщены по принадлежности на Благодатскомъ рудникѣ, что всѣ они «ремесла никакого за собой не имѣютъ, кромѣ Россійскаго языка и «прочихъ наукъ, входящихъ въ курсъ Благороднаго воспитанія; нѣко«торые знаютъ иностранные языки, на каковыхъ написаны ими самими «за подпискою прописи, которыя съ засвидѣтельствомъ моимъ при «семъ также представляются». При этомъ Черниговцевъ представляетъ перепись вещамъ каждаго изъ нихъ, въ которыхъ находятся, между прочимъ, у каждаго: образъ, Евангеліе, «грудные» кресты, бѣлье, платье, въ ограниченномъ количествѣ, нагольные тулупы, у нѣкоторыхъ чугунныя распятія; изъ книгъ: календари и пр. Часть вещей при нихъ оставлена, другая, въ томъ числѣ деньги, въ ничтожномъ количествѣ, отобраны на храненіе. Относительно ихъ содержанія и употребленія въ работы, сдѣлано губернаторомъ Цейдлеромъ, 27 августа 1826 года, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, распоряженіе начальнику заводовъ Бурнашеву, «чтобы сіи преступники были упо«требляемы, какъ слѣдуетъ, въ работу, и поступлено было съ ними «во всѣхъ отношеніяхъ по установленному для каторжныхъ положенію, «чтобы былъ назначенъ для неослабнаго за ними смотрѣнія надежный «чиновникъ, и чтобы о состояніи ихъ ежемѣсячно доносилось въ «собственныя руки Его Величества черезъ Главный Штабъ». При этомъ губернаторъ Цейдлеръ указываетъ, между прочимъ, чтобы рудникъ былъ для нихъ избранъ въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ и не близко къ границѣ «Китайской», и чтобы содержаніе ихъ было обезпечено, дабы не допускать ихъ «до свободы, которую каторжные по «окончаніи работъ имѣютъ для снисканія себѣ вольными работами «средствъ къ содержанію подкрѣпленія» [1]).

---

[1]) Архивъ III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

«fait à Sa Majesté par voie de l'Etat-Major». Avec cela, le gouverneur Zeidler ordonnait que choix soit fait pour eux d'un puits de mine, éloigné des grandes routes et pas trop près de la frontière Chinoise; que leur entretien soit suffisamment assuré, afin de «ne pas leur concéder cette «liberté dont les forçats, une fois le travail de la journée fini, profitent «pour suppléer à leurs moyens d'existence par des travaux particuliers» [1]).

Les fers aux pieds, les prisonniers travaillaient dans les puits souterrains; ils y descendaient à cinq heures du matin et y restaient jusqu'à onze heures avant midi.

La norme du travail était de trois poudes de minerai pour chacun. Une norme, comparativement plus légère, fut établie, en Novembre 1826, à la suite d'un ordre du gouverneur général de la Sibérie Orientale, transmis à Bournacheff par le gouverneur Zeidler qui disait: «Je trouve «nécessaire d'apporter des modifications à l'ordre actuel de leur emploi «aux travaux; on prendra des dispositions pour qu'ils soient employés «dans les mines, une fois par jour; on évitera d'excéder leurs forces «et on leur accordera les jours de repos ordinaires, mais on redoublera «la surveillance».

Donnons quelques détails pris dans les notes que les surveillants de prison présentaient, avec leurs rapports, à Bournacheff, chef des mines de Nertchinsk. Ces rapports hebdomadaires étaient accompagnés d'un «Journal quotidien de la conduite, des occupations et de la santé des condamnés politiques» qui dépeint d'une manière très vive leur existence pendant cette période. «Ils se sont conduits», est-il dit dans le «Journal», «convenablement pendant les travaux, n'ont prononcé «aucune parole révolutionnaire, ont montré de l'obéissance à leurs sur-«veillants, fait preuve de douceur, dans leurs appartements n'ont élevé «aucun murmure d'aucune sorte, n'ont prononcé que des paroles sensibles «(sic), exprimant le remords des crimes accomplis». En Décembre 1826: «Serge Troubetskoy est atteint d'un mal intérieur et d'une maladie de «poitrine, apparemment la phthisie: il crache le sang et éprouve une «grande faiblesse dans la poitrine». Le 16 Février 1827: «Serge Trou-«betskoy et Serge Wolkonsky, depuis l'arrivée de leurs femmes, sont «devenus visiblement plus gais». Le 1 Avril 1827: «Depuis le 22 Mars,

---

[1]) Archives de la IIIème section de la Chancellerie particulière de Sa Majesté l'Empereur.

Закованные въ кандалы, арестанты работали въ подземныхъ шахтахъ, спускаясь въ нихъ въ пять часовъ утра и оставаясь до одиннадцати дня. Норма выработки руды полагалась въ три пуда на каждаго. Эта работа, сравнительно облегченная, была установлена въ ноябрѣ 1826 года, по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири, сообщенному Т. С. Бурнашеву губернаторомъ Цейдлеромъ, который писалъ: «Нынѣшній порядокъ объ употребленіи ихъ въ ра-«боту признаю нужнымъ перемѣнить, и потому распорядиться, чтобы «они были употреблены въ работу одну смѣну въ сутки, посылать «ихъ безъ изнуренія, и съ обыкновенными льготными днями, но над-«зоръ за ними усугубить».

Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, взятыя изъ отмѣтокъ, представляемыхъ ближайшими тюремными надзирателями начальнику Нерчинскихъ заводовъ Бурнашеву, при особыхъ рапортахъ. Послѣдніе посылались, по его распоряженію, еженедѣльно, съ приложеніемъ составлявшихся ежедневно «Списковъ о поведеніи, занятіяхъ и здоровьѣ государственныхъ преступниковъ», которые ярко рисуютъ жизнь и занятія ихъ за этотъ періодъ времени. «Вели себя», говорится въ одномъ изъ списковъ, «добропорядочно, при производствѣ работъ «были прилежны и ничего противнаго не говорили, къ поставлен-«нымъ надъ ними смотрителямъ были послушны, характеръ показывали «скромный, въ квартирахъ своихъ никакихъ въ чемъ-либо ропотныхъ «словъ не говорили, кромѣ словъ чувствительныхъ, раскаяніе въ своихъ «преступленіяхъ изъявляющихъ». Въ декабрѣ 1826 года: «Сергѣй «Трубецкой одержимъ грудною и внутреннею болѣзнью, какъ кажется, «чахоткою, одержимъ кровохарканіемъ, чувствуетъ великую слабость «въ груди». 16-го февраля 1827 года: «Сергѣй Трубецкой и Сергѣй «Волконскій»,—съ пріѣздомъ женъ,—«сдѣлались примѣрно веселы». 1-го апрѣля 1827 года: «Съ 22-го марта Сергѣй Волконскій былъ «нездоровъ простудной горячкой». Мартъ 1827 года: «Сергѣй Тру-«бецкой и Сергѣй Волконскій навыкаютъ къ роду нынѣшней жизни, «больше бываютъ спокойны, но Волконскій по слабому здоровью чаще «задумчивъ». 1-го Апрѣля 1827 года, противъ имени Артамона Муравьева: «Съ полученіемъ имъ письма (27-го марта) отъ его жены «душевно страдаетъ» [1]). 28-го февраля: «Сергѣй Волконскій, для сви-

---

[1]) Извѣстно, что жена А. З. Муравьева за нимъ въ Сибирь не послѣдовала.

«Serge Wolkonsky était malade de la fièvre typhoïde». En Mars 1827: «Serge Troubetskoy et Serge Wolkonsky s'accoutument au régime actuel, «mais Wolkonsky, à cause de sa mauvaise santé, est souvent pensif». En date du 1 Avril 1827, nous lisons, en face du nom d'Artamon Mouravieff: «Depuis la lettre de sa femme (reçue le 27 Mars) souffre «moralement» [1]). Le 28 Février: «Serge Wolkonsky eut une entrevue avec «sa femme et, ce jour-là, ne fut pas envoyé aux travaux». «Serge Trou-«betskoy et Serge Wolkonsky ne furent pas envoyés aux travaux le «14 courant et eurent, ce jour-là, une entrevue avec leurs femmes». «Les 17 et 20 du mois de Mars, Troubetskoy et Wolkonsky eurent des «entrevues avec leurs femmes». En face du nom d'Alexandre Yacoubo-vitch: «Se plaint souvent de maux de tête» (à cause d'une blessure au crâne reçue au Caucase) «et de maux à la poitrine, mais va aux travaux «sans murmurer; triste, quelquefois gai, mais avec grand effort». Au mois de Mars: «Serge Wolkonsky et d'autres travaillèrent dans la montagne «au fond de la crevasse Krestchensky, avec application, tâchaient d'être «gais et faisaient leur travail avec grande patience». Sur les frères Borissoff souvent il est dit: «Toujours tristes, silencieux et supportant «avec grande patience leur sort». Sur Basile Davidoff le journal constate souvent: «Gai quelquefois, mais très rarement». Souvent on trouve, appliquée à tous, la remarque suivante: «S'occupant surtout à lire les Ecritures». Au mois de Mars, également, il est dit à propos de tous: «Très amis entre eux; ont les vivres et le tabac à fumer «en commun, qui leur sont fournis par les princesses Troubetskoy et «Wolkonsky, de même, souvent, les vêtements; ils font bourse com-«mune» [2]). Toutes les remarques sont dans ce genre, pas une mention défavorable.

Sur la santé des détenus nous avons, entre autres, un rapport de l'intendant de la partie médicale, le médecin Vladzimirsky, qui dit: «Trou-«betskoy souffre d'un mal à la gorge et crache le sang. Wolkonsky est «faible de poitrine; Davidoff est faible de poitrine et a des plaies qui «s'ouvrent; Obolensky est atteint du scorbut et souffre des dents; Yacou-

---

[1]) La femme d'A. Mouravieff, comme on sait, ne le suivit pas en Sibérie.

[2]) Tiré des rapports présentés au chef des usines de Nertchinsk par le Schichtmeister (conducteur de mines) Rick, le Berg Geschworene (mineur juré) Kotlevsky et l'enseigne Rézanoff (Archives de la IIIème section de la Chancellerie particulière de Sa Majesté l'Empereur).

«данія съ женою, въ работу посылаемъ не былъ». «Сергѣи Трубецкой «и Сергѣй Волконскій, 14-го числа сего марта, для свиданія съ же-«нами, въ работу не посылались». «17-го и 20-го числа марта Трубец-«кой и Волконскій съ женами ихъ имѣли свиданія». «23-го, 26-го и «29-го числа марта, Трубецкой и Волконскій съ ихъ женами имѣли «свиданія». Противъ имени Александра Якубовича: «Часто жалуется «на боль въ головѣ» (отъ раны въ черепѣ, полученной на Кавказѣ) «и груди, но въ работу ходитъ безъ ропота, унылъ, иногда и «бываетъ веселъ, но съ большимъ принужденіемъ». Въ мартѣ мѣсяцѣ: «Сергѣй Волконскій и другіе работали въ горѣ въ Крещенскомъ «провалѣ прилежно и старались быть веселыми, работали съ великимъ «терпѣніемъ». О братьяхъ Борисовыхъ повторяются слѣдующіе отзывы: «Всегда печальны, тихи, молчаливы и съ большимъ терпѣніемъ пере-«носятъ свое состояніе». О Василіи Давыдовѣ частая отмѣтка: «Хотя «и бываетъ веселъ, но очень рѣдко». Часто попадается слѣдующая отмѣтка, относящаяся ко всѣмъ: «Занимаются болѣе чтеніемъ свя-«щенныхъ книгъ». То же въ мартѣ мѣсяцѣ сказано обо всѣхъ во-обще: «Между собой очень дружны; харчевые припасы и табакъ «курительный употребляютъ общій, которые доставляются имъ отъ «княгинь Трубецкой и Волконской, и нерѣдко одежныя вещи безъ «всякаго въ деньгахъ учета» [1]). Всѣ остальныя помѣтки въ этомъ родѣ; нигдѣ нѣтъ дурного отзыва.

Относительно здоровья осужденныхъ, имѣется, между прочимъ, рапортъ, отъ 27-го февраля 1827 года, управляющаго медицинскою частью, лѣкаря Владимірскаго, гдѣ говорится, что «Трубецкой стра-«даетъ болью горла и кровохарканіемъ. Волконскій слабъ грудью; «Давыдовъ слабъ грудью, и у него открываются раны; у Оболенскаго «цынготная болѣзнь съ болью зубовъ; Якубовичъ отъ увѣчьевъ стра-«даетъ головой и слабъ грудью; Борисовъ Петръ здоровъ, Андрей «страдаетъ «помѣшательствомъ въ умѣ» [2]). Прибавимъ отъ себя, что это тихое помѣшательство осталось у А. И. Борисова на всю жизнь. Онъ покончилъ самоубійствомъ въ деревнѣ Разводной подъ

---

[1]) Рапорты и списки, представляемые начальнику Нерчинскихъ горныхъ заводовъ шихтмейстеромъ Рикомъ, бергъ-гешвореномъ Котлевскимъ и прапорщикомъ Резановымъ. (Архивъ III Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи).

[2]) Архивы: III Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи и Нерчинскихъ горныхъ заводовъ.

«bovitch, par suite de ses blessures, souffre de la tête et est faible de «poitrine; Borissoff Pierre se porte bien, André est atteint d'aliénation «mentale» [1]). Ajoutons que cette maladie mentale ne le quitta plus jamais; il finit par se suicider au village de Razvodnaïa, près d'Irkoutsk, le 30 Septembre 1854, en voyant son frère mourir subitement d'un anévrisme.

A propos des fers portés par les condamnés, nous trouvons dans les archives des usines de Nertchinsk, le rapport suivant [2]):

Au Comptoir des Mines de Nertchinsk.
Le Mineur-juré Kotlevsky.

Rapport.

Mr le Chef des Usines de Nertchinsk, avec un ordre, en date du 24 Mars courant, № 82, me fit parvenir huit paires de fers pour les pieds, exécutés dans les usines de Nertchinsk selon le nouveau modèle, munis de cadenas et d'une même clef pour tous; ces fers étant destinés aux condamnés, Mr le Chef des usines m'ordonne de les enregistrer et de les porter en recette pour la somme de 2 roubles $15\frac{3}{8}$ de copeques pièce; le poids de chaque paire est de 5 livres. J'ai l'honneur de porter cela à la connaissance du Comptoir central de Nertchinsk.

30 Mars 1827.

Mineur-juré Kotlevsky.

Le séjour et les travaux dans les mines de Blagodatsk durèrent jusqu'au 13 Septembre 1827, onze mois à peu près.

Le général Léparsky qui avait été chargé du choix d'un lieu de détention pour les dékabristes, s'arrêta sur le village de Tchita et y fit construire une grande prison. Le 9 Septembre, se trouvant à Nertchinsk, il donna l'ordre suivant: «On annoncera aux princesses Wol«konsky et Troubetskoy qu'elles auront à partir, le 11 Septembre, à des«tination de Tchita, accompagnées du sous-officier Makavéeff; à celui-ci «on donnera une lettre ouverte afin que, pour la sécurité des deux prin«cesses, deux ou trois paysans, à cheval et armés, les accompagnent de «station en station. Le 13 Septembre, on expédiera les huit condamnés

[1]) Archives de la III-ème section de la Chancellerie particulière de S. M. l'Empereur.

[2]) Documents des Archives des usines de Nertchinsk communiqués à l'«Istoritchesky Viestnik» («Messager Historique») par P. Trouneff (Août 1897, t. LXIX).

Иркутскомъ, 30-го сентября 1854 г., при видѣ брата, скончавшагося внезапно отъ разрыва сердца.

Относительно носимыхъ заключенными оковъ, имѣется въ дѣлахъ Архива Нерчинскихъ горныхъ заводовъ слѣдующій рапортъ [1]).

Въ Нерчинскую Горную Контору
бергъ-гешворена Котлевскаго

Рапортъ.

Его высокородіе господинъ начальникъ Нерчинскихъ заводовъ и кавалеръ, при повелѣніи отъ 24-го сего марта, за № 82, препроводилъ ко мнѣ восемь паръ ножныхъ оковъ, сдѣланныхъ при Нерчинскомъ заводѣ по новому образцу съ замками, съ однимъ у всѣхъ ключемъ, для государственныхъ преступниковъ, въ коемъ предписать изволилъ—тѣ оковы записать при дистанціи на приходъ цѣною каждыя по 2 рубля $15\frac{3}{8}$ копѣекъ, а вѣсомъ оказались каждыя по 5 фунтовъ, о чемъ Нерчинской главной конторѣ къ свѣдѣнію симъ донесть честь имѣю. Марта 30 дня 1827 года.

Бергъ-гешворенъ Котлевскій.

Пребываніе въ Благодатскомъ рудникѣ и работы въ немъ продолжались до 13-го сентября 1827 года, всего около одиннадцати мѣсяцевъ. Генералъ Лепарскій, усмотрѣнію котораго было предоставлено избрать мѣсто для содержанія декабристовъ, остановилъ свой выборъ на с. Читѣ и распорядился постройкою тамъ большого острога. 9-го сентября, находясь въ Нерчинскомъ заводѣ, онъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: «Княгинямъ Волконской и Трубецкой объ«явить, чтобы онѣ отправились 11-го сентября и слѣдовали бы въ Читу «въ сопровожденіи унтеръ-офицера Макавеева, которому дать открытое «предписаніе, чтобы отъ станціи до станціи давали для безопаснаго «проѣзда княгинь по два или по три человѣка конныхъ вооружен«ныхъ крестьянъ. Затѣмъ, 13-го сентября отправить всѣ восемь че«ловѣкъ государственныхъ преступниковъ и везти ихъ по указанному «маршруту при командѣ изъ унтеръ-офицера и 12-и казаковъ, на«ходившихся при нихъ въ рудникѣ». Отъ станціи до станціи назна-

---

[1]) Документы, взятые изъ Архива Нерчинскихъ горныхъ заводовъ и сообщенные въ Ист. Вѣстн. П. Труневымъ. (Августъ 1897 г., т. LXIX).

«politiques et les conduira, selon l'itinéraire indiqué, sous escorte du sous-«officier et des 12 cosaques qui leur avaient été préposés dans le puits de «mines». De station en station, on assignait 5 paysans à cheval et armés; aux endroits de couchage, des paysans à pied étaient adjoints aux cosaques. En cas de rencontre avec d'autres déportés, ordre était donné de les éloigner de la grande route. «L'ordre du convoi de charrettes» avait été établi comme suit: «Sur la première charrette, le sous-officier, puis «deux charrettes de cosaques, puis deux charrettes de condamnés, deux «charrettes de cosaques, la dernière charrette sera celle de Mr l'officier. «Les paysans à cheval iront: un en tête du convoi et deux à chaque «côté des charrettes des condamnés. On ne permettra aux détenus de «parler à personne durant le trajet, on n'admettra personne en leur «proximité, quand même ce serait des employés civils ou militaires».

En même temps le général Léparsky écrit à Bournacheff: «En «inspectant hier les condamnés politiques dans le puits de Blagodatsk, «j'ai trouvé que Wolkonsky avait maigri le plus et était, à ce qu'il m'a «paru, passablement faible; comme pendant le trajet il n'est pas à pré-«voir que l'on rencontre, en cas de nécessité, aucun secours médical, «j'ai l'honneur de vous demander l'autorisation, pour l'officier qui les «accompagnera, de prendre à la princesse Wolkonsky deux bouteilles «de madère et une d'eau-de-vie, afin que ration soit faite à Wolkonsky «de deux petits verres par jour de l'une de ces boissons» [1]).

L'ordre suivant du chef des usines caractérise la façon dont s'exerçait l'inspection et la conservation des effets saisis aux condamnés:

«Au Comptoir des usines de Nertchinsk.

«Déférant à la prière de la femme du condamné politique, Serge «Wolkonsky, la princesse Wolkonsky, j'ordonne au Comptoir de prendre, «parmi les objets appartenant à Wolkonsky et déposés dans ce Comp-«toir, un manteau ouaté de drap fin avec col de castor et une pipe «d'écume de mer; après avoir enlevé la monture d'argent de celle-ci et «l'avoir remise au dépôt avec ce qui a été déposé dans ce Comptoir, «on expédiera ces objets à l'usine de Blagodatsk au nom de l'enseigne «Rézanow; le manteau sera remis à la princesse Wolkonsky afin d'être

[1]) Archives de la IIIème section de la Chancellerie part. de S. M. I.

чалось по 5-и конныхъ вооруженныхъ крестьянъ, а на ночлегахъ по 6-и пѣшихъ въ помощь казакамъ. При встрѣчѣ на пути партій ссыльныхъ, предписывалось удалять ихъ на нѣкоторое разстояніе отъ большой дороги. «Порядокъ похода на подводахъ» предписано было наблюдать слѣдующій: «Впереди на одной повозкѣ ѣхать унтеръ-«офицеру, а за нимъ двумъ повозкамъ казаковъ, двумъ повозкамъ съ «арестантами, двумъ съ казаками, и взамкѣ ѣхать послѣдней повозкѣ «г-на офицера; крестьянамъ верховымъ ѣхать одному впереди, а по «два по сторонамъ противъ повозокъ арестантскихъ. На пути арестан-«тамъ ни съ кѣмъ не позволять говорить и никого къ нимъ не впу-«скать, хотя бы то были земскіе или военные чиновники». Одновременно съ этимъ, генералъ Ленарскій пишетъ Бурнашеву: «При осмотрѣ «вчерашняго числа на Благодатскомъ рудникѣ государственныхъ пре-«ступниковъ, я нашелъ, что изъ нихъ Волконскій, болѣе всѣхъ поху-«дѣвшій, и довольно (какъ мнѣ показался) слабъ, а какъ при пере-«ѣздѣ ихъ не встрѣтится на пути, на случай надобности въ лѣкар-«ствахъ, никакой помощи медицинской, потому прошу Вашего Высо-«кородія дозволить получить отъ княгини Волконской тому г. офи-«церу, кто отправится съ преступниками, двѣ бутылки вина мадеры и «одну водки, чтобы производить, по усмотрѣнію его, Волконскому «порцію по двѣ рюмки въ сутки одного изъ сихъ напитковъ [1]).

Относительно досмотра и сбереженія вещей, отобранныхъ у заключенныхъ, можно привести слѣдующее характерное предписаніе начальника горныхъ заводовъ:

Нерчинской горной конторѣ.

По просьбѣ жены государственнаго преступника Сергѣя Волконскаго, княгини Волконской, предписываю горной конторѣ, изъ вещей, принадлежащихъ Волконскому, хранящихся при оной конторѣ, отослать на Благодатскій рудникъ къ прапорщику Резанову шинель тонкаго сукна, подбитую ватой, съ бобровымъ воротникомъ и пѣнковую трубку, снявъ съ оной серебряную оправу и оставивъ сію послѣднюю на храненіи съ прочими вещами при сей конторѣ; шинель отослать княгинѣ Волконской на перешивку оной собственно для нея, а трубку для употребленія преступникомъ Волконскимъ, которыя и

---

[1]) Архивъ III Отдѣленія Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи.

«refait pour son usage personnel; la pipe sera laissée à l'usage du con-«damné Wolkonsky. Ces objets seront en conséquence exclus de la liste «des effets en dépôt du condamné Wolkonsky» [1]).

10 Juin 1827, № 160.

Signé: T. Bournacheff.

Le rapport suivant concerne l'entretien et les gages [2]):

Au Comptoir des mines de Nertchinsk, le poste de Blagodatsk.

Rapport.

Conformément à l'ordre du Comptoir, daté d'aujourd'hui, № 4064, concernant la distribution des gages et des vivres aux huit condamnés politiques, le poste a l'honneur de soumettre au Comptoir des mines de Nertchinsk le calcul ci-joint jusqu'au 20 de ce mois.

19 Septembre 1827, № 948.

Mineur-juré Kotlevsky.

Scribe Mylnikow.

Dû aux condamnés politiques pour le mois d'Août:

à Serge Troubetskoy	— r.	63½	cop.
„ Serge Wolkonsky	— „	65½	„
„ Artamon Mouravieff	— „	76	„
„ Alexandre Yakoubovitch	1 „	09	„
„ Eugène Obolénsky.	1 „	89½	„
„ André Borissoff I	— „	95½	„
„ Pierre Borissoff II	1 „	93	„
„ Basile Davidoff	— „	69½	„
en tout. . . .	8 r.	61½	cop.
Pour Septembre	4 „	6	„
Total . . .	12 r.	67½	cop.

Signé: Kotlevsky et Mylnikow.

---

[1]) Documents des Archives des usines de Nertchinsk communiqués à l'«Istoritchesky Viestnik» («Messager Historique»), par P. Trouneff (Août 1897, t. LXIX).

[2]) Ibid.

исключить изъ описи вещей преступника Волконскаго. 10-го Іюня 1827 г., № 160 [1]).

Т. Бурнашевъ.

Относительно выдававшагося содержанія и жалованія приводимъ слѣдующій рапортъ [2]):

Въ Нерчинскую горную контору
Благодатской дистанціи

Рапортъ.

Во исполненіе предписанія оной конторы отъ сего числа, за № 4064, о выдачѣ денежной платы и провіанта восьми человѣкамъ государственнымъ преступникамъ, при семъ Нерчинской горной конторѣ дистанція представить честь имѣетъ расчетъ по 20-е число сего мѣсяца.

Сентября 19-го дня 1827 года, № 948.

Бергъ-гешворенъ Котлевскій.
Горный писарь Мыльниковъ.

За Августъ мѣсяцъ слѣдуетъ государственнымъ преступникамъ жалованья:

Сергѣю Трубецкому	— р.	63¼	к.
Сергѣю Волконскому	— „	65½	„
Артамону Муравьеву	— „	76	„
Александру Якубовичу	1 „	09	„
Евгенію Оболенскому	1 „	89½	„
Андрею Борисову 1-му	— „	95½	„
Петру Борисову 2-му	1 „	93	„
Василію Давыдову	— „	69½	„
Итого	8 р.	61½	к.
За Сентябрь	4 „	6	„
Всего	12 р.	67½	к.

Подписали: Котлевскій и Мыльниковъ.

---

[1]) Документы, взятые изъ Архива Нерчинскихъ горныхъ заводовъ и сообщенные въ Историческій Вѣстникъ П. Труневымъ. (Авг. 1897 г., т. LXIX).

[2]) Ibid.

XIV.

Dans l'instruction Impériale, donnée au Commandant major-général Léparsky, il est dit, entre autres choses, sur la correspondance des condamnés politiques et de leurs femmes: — «Il est interdit aux condamnés «aux travaux forcés d'écrire ou d'envoyer des lettres à qui que ce soit. «Leurs femmes sont autorisées à écrire à leurs parents ou à d'autres per«sonnes, mais elles doivent présenter leurs lettres ouvertes à Mr le Com«mandant qui les enverra au gouverneur civil pour l'expédition ultéri«eure. Les lettres simples, ainsi que les plis d'argent ou les colis postaux, «arrivant de Russie, au nom des condamnés aux travaux forcés et de «leurs femmes, seront mis entre les mains du gouverneur civil qui aura «le droit de les ouvrir; les lettres qui ne contiendraient rien de subver«sif, seront remises ouvertes à leurs adresses respectives par le Comman«dant. C'est à ce dernier aussi que seront remis l'argent et les colis» [1]).

XV.

Nous croyons à propos de citer sur le général Léparsky quelques mots du dékabriste A. Rosen: «Notre Commandant Stanislas Roma«novitch Léparsky, vieux célibataire, avait commandé pendant plus de vingt «ans le régiment Séversky qui avait pour chef l'Empereur, alors «Grand-Duc. Lorsqu'il arrivait quelque incident fâcheux parmi des offi«ciers de la garde, entrainant des transférements dans des régiments «d'armée, on faisait passer les «incommodes» au régiment de Léparsky, «qui avait le don de s'arranger avec tout le monde et de vivre sans se «faire d'ennemis... Bien qu'ayant passé un demi-siècle dans le service «actif, dans les manèges, en exercices, en campagnes, on voyait bien que, «dans sa jeunesse, il avait reçu une instruction soignée. Il avait été «élève des Jésuites à Polotsk, savait le latin, parlait et écrivait couram«ment le français et l'allemand, lisait les classiques dans ces langues, «mais surtout il était foncièrement honnête et avait un cœur bon. S'il «se trouvait quelqu'un parmi mes compagnons de prison qui ne serait

---

[1]) Archives de l'Administration Centrale de la Sibérie Orientale.

XIV.

Въ Высочайшей инструкціи, данной коменданту, ген.-маіору Лепарскому, относительно переписки государственныхъ преступниковъ и ихъ женъ, между прочимъ, сказано: «Преступникамъ, осужденнымъ «въ каторжную работу, воспрещается вовсе писать и посылать отъ «себя письма кому бы то ни было. Женамъ же ихъ позволено посы«лать отъ себя письма къ родственникамъ ихъ и къ другимъ лицамъ, «но таковыя письма должны онѣ доставлять открытыя г. Коменданту, «который обязанъ препровождать ихъ къ Гражданскому Губернатору «для дальнѣйшаго отправленія. Письма простыя, а также съ деньгами «и посылками, ежели слѣдовать будутъ изъ Россіи на имя осужден«ныхъ въ каторжную работу и ихъ женъ, то, по доставленіи ихъ къ «Гражданскому Губернатору, который имѣетъ право раскрывать ихъ, «и тѣ, въ коихъ не найдетъ ничего противнаго, доставлять къ нимъ «по адресамъ, открытыя черезъ Коменданта, отсылая къ нему также «деньги и посылки» [1]).

XV.

Считаемъ умѣстнымъ привести о генералѣ Лепарскомъ нѣсколько словъ декабриста А. Е. Розена. «Комендантъ нашъ, г.-м. Станиславъ «Романовичъ Лепарскій, пожилой холостякъ, командовалъ слишкомъ «двадцать лѣтъ Сѣверскимъ Конно-Егерскимъ полкомъ, котораго ше«фомъ былъ Императоръ, бывъ еще Великимъ Княземъ. Когда въ пол«кахъ гвардіи случались непріятности между офицерами, вслѣдствіе «коихъ приходилось перевести ихъ въ другіе полки армейскіе, то такъ «называемыхъ безпокойныхъ перемѣщали въ полкъ Лепарскаго, который «умѣлъ обходиться со всѣми, умѣлъ жить, не наживая себѣ личныхъ «враговъ»... «Хотя онъ полвѣка провелъ въ строевой службѣ, въ ма«нежахъ, на ученіяхъ и въ походахъ, но видно было, что онъ въ «юности получилъ хорошее образованіе. Онъ былъ питомцемъ іезуитовъ «въ Полоцкѣ, зналъ языкъ латинскій, свободно и правильно выражался «и писалъ по-французски и по-нѣмецки, читалъ классическихъ писа«телей на этихъ языкахъ, но главное дѣло—онъ былъ честный чело«вѣкъ вполнѣ и имѣлъ доброе сердце. Если кто изъ моихъ соузниковъ

[1]) Архивъ Главнаго Управленія Восточной Сибири.

«pas de cette opinion, les faits que je vais relater plus loin prouveront «la vérité de mes paroles». Mais les compagnons de prison ne pouvaient pas ne pas adopter ce jugement: si bon était le souvenir qu'ils gardaient de Léparsky, que chacun plus tard avait un portrait de lui fait à l'aquarelle en grand nombre d'exemplaires par N. Bestoujeff. On disait que Léparsky avait été choisi par l'Empereur lui-même et avait reçu des instructions personnelles pour traiter les condamnés sévèrement, mais non sans humanité. Quoi qu'il en soit, ce qui est certain, c'est que, quelle que fut la chose dont s'occupât Léparsky—que ce fut les mines, que ce fut Tchita ou les usines de Pétrowsk—partout le ton grossier des subordonnés devenait poli, et, au milieu de la plus sévère observation des règlements établis, des adoucissements à leur peine étaient accordés aux condamnés dans les limites du possible [1]).

Avec toutes ces qualités, le Commandant Léparsky, ainsi qu'en témoigne l'auteur des «Mémoires», avait à l'excès la crainte de se compromettre, mais il est juste de remarquer, à ce propos, que les circonstances, à cette époque, exigeaient une telle prudence, que facilement elle pouvait être prise même pour de la poltronnerie.

XVI.

Ivan Ivanovitch Poustchine, élève du Lycée Alexandre, camarade de Pouchkine, ami de celui-ci et de tous les hommes de lettres formant la pléïade Pouchkine, avait été fonctionnaire civil et portait le grade d'assesseur de collège. Classé par le tribunal dans la première catégorie, il fut condamné à 20 ans de travaux forcés et à la déportation à vie. Rappelé en 1856.

XVII.

Les noms omis par l'auteur peuvent difficilement être reconstitués, d'autant moins que le nombre de détenus à Tchita variait. Ainsi A. E. Rosen dit dans ses mémoires: «D'abord nous étions 84 à Tchita, puis, «après l'expédition des condamnés de la 6-ème catégorie à leur lieu de

---

[1]) «Mémoires de S. G. Wolkonsky», pp. 469, 470 (Appendices).

«безусловно не согласится съ выраженнымъ мнѣніемъ моимъ, то дѣй-«ствія Лепарскаго, о коихъ упомяну далѣе, докажутъ правильность «словъ моихъ». Но соузники не могли не признать правдивости этого отзыва и до такой степени, что каждый изъ нихъ имѣлъ впослѣдствіи, на память о Лепарскомъ, портретъ его, сдѣланный акварелью Н. А. Бестужевымъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Сохранилось преданіе, что Лепарскій былъ избранъ самимъ Императоромъ и получилъ отъ него указаніе относиться къ преступникамъ строго, но въ то же время сердечно. Во всякомъ случаѣ, гдѣ только Лепарскій ни прикладывалъ свою руку — въ рудникахъ ли, въ Читѣ или Петровскомъ заводѣ,—вездѣ грубый тонъ подчиненныхъ переходилъ въ вѣжливый, и допускались для осужденныхъ возможныя въ ихъ положеніи льготы, при строгомъ въ то же время соблюденіи установленныхъ законоположеній [1]). При всѣхъ этихъ качествахъ, комендантъ Лепарскій былъ, какъ и свидѣтельствуетъ авторъ Записокъ, весьма боязливъ, но нельзя по этому поводу не сказать, что въ то время обстоятельства требовали такой осторожности, что она естественно могла казаться боязливостью.

XVI.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ, воспитанникъ Александровскаго лицея, товарищъ Пушкина, другъ его и литераторовъ, составлявшихъ пушкинскую плеяду, былъ на гражданской службѣ въ чинѣ коллежскаго асессора. По суду причисленъ къ первому разряду осужденныхъ и приговоренъ къ 20-лѣтней каторжной работѣ и пожизненной ссылкѣ въ Сибири. Возвращенъ въ 1856 году.

XVII.

Имена, пропущенныя авторомъ, представляется затруднительнымъ установить, тѣмъ болѣе, что число содержавшихся въ Читѣ измѣнялось. Такъ, А. Е. Розенъ говоритъ въ своихъ Запискахъ: «Сначала «было насъ въ Читѣ 84 человѣка, а по отъѣздѣ 6-го разряда на по-«селеніе—Толстого въ Грузію и Корниловича въ Петропавловскую «крѣпость, осталось насъ 70 человѣкъ. Вновь прибывшихъ, осужден-«ныхъ не вмѣстѣ съ нами, но особымъ судомъ, привезли къ намъ:

---

[1]) «Записки С. Г. Волконскаго», стр. 469 и 470 (Приложенія).

«déportation, après le départ de Tolstoy pour la Géorgie et celui «de Kornilovitch pour la forteresse de Pierre et Paul (à St-Pétersbourg), nous restâmes 70. Lorsqu'arrivèrent ceux qui avaient été «condamnés après nous, par un tribunal spécial, on les mit avec «nous. C'étaient: Igelstrom, Véguéline, Roukiévitch, et trois ex-«officiers du régiment de Tchernigow, le Baron Solovieff, Mosgalevsky «et Bystritsky».

De notre côté nous pouvons nommer les personnes suivantes comme ayant été à Tchita: S. Wolkonsky, S. Troubetskoy, B. Davidoff, E. Obolénsky, A. Mouravieff, A. et P. Borissoff, A. Yakoubovitch, S. Krivtsoff, A. Entaltzeff, N. et M. Mouravieff, Th. Wadkovsky, Z. Tchernicheff, M. Narichkine, F. Wolff, A. Poggio, A. Sutthof, M. Lounine, I. Povalo-Schveikovsky, P. et N. Bobristcheff-Pouchkine, Mosgane, A. Arbousoff, N. et M. Bestoujeff, P. Fahlenberg, A. Kornilovitch, M. Mitkoff, P. Svistounoff, A. et N. Krioukoff, D. Stchépine-Rostovsky, P. Moukhanow, A. Odoïévsky, V. et M. Kuchelbecker, D. Zavalichine, P. Froloff, A. Youchnevsky, N. Répine, I. Kiréieff, N. Zagaretsky, C. Torson, M. Von-Wiesen, J. Poustchine, J. Annenkoff, V. Tolstoy, Igelstrom, Véguéline, A. Roukiévitch, V. Solovieff, N. Mosgalevsky, A. Bystritsky, P. Avramoff, I. Yakouchkine, B. Ivacheff, A. Bariatinsky, A. Rosen.

XVIII.

Détails plus précis sur Kornilovitch. Alexandre Kornilovitch, capitaine en second, fut condamné en quatrième catégorie, à quinze ans de travaux forcés et à la déportation. A. E. Rosen, dans ses mémoires, en parlant de lui dit: «Un feld-jäger emmena de Tchita Kornilovitch. On «l'incarcéra de nouveau à la forteresse Pierre et Paul, où, de nou-«veau, on l'interrogea sur les sociétés secrètes de Pologne; enfin on «l'expédia au Caucase comme soldat». Nommé dans l'armée de Géorgie, Kornilovitch fut expédié, le 17 Novembre 1832, de St-Pétersbourg, à Tiflis; inscrit au régiment du Maréchal prince de Varsovie comte Paskiévitch d'Erivan, il mourut simple soldat le 30 Août 1834 [1]).

[1]) Archives de la IIIème section de la Chancellerie particulière de S. M. I.

Съ акварели Н. А. Бестужева 1828 г.

D'après une aquarelle par N. A. Bestougeff (1828).

Княгиня Волконская въ Читѣ.

La princesse Wolkonsky à Tchita.

«Игельстрома, Вегелина, Рукевича и трехъ бывшихъ офицеровъ Чер-«ниговскаго полка: барона Соловьева, Мозгалевскаго и Быстрицкаго». Съ своей стороны, мы можемъ дать слѣдующія имена лицъ, бывшихъ въ Читѣ: С. Волконскій, С. Трубецкой, В. Давыдовъ, Е. Оболенскій, А. Муравьевъ, А. и П. Борисовы, А. Якубовичъ, С. Кривцовъ, А. Ентальцевъ, Н. и М. Муравьевы, Ѳ. Вадковскій, З. Чернышевъ, М. Нарышкинъ, Ф. Вольфъ, А. Поджіо, А. Сутгофъ, М. Лунинъ, И. Повало-Швейковскій, П. и Н. Бобрищевы-Пушкины, Мозганъ, А. Арбузовъ, Н. и М. Бестужевы, П. Фаленбергъ, А. Корниловичъ, М. Митьковъ, П. Свистуновъ, А. и Н. Крюковы, Д. Щепинъ-Ростовскій, П. Мухановъ, А. Одоевскій, В. и М. Кюхельбеккеры, Д. Завалишинъ, П. Фроловъ, А. Юшневскій, Н. Репинъ, И. Кирѣевъ, Н. Загорѣцкій, К. Торсонъ, М. Фонъ-Визинъ, И. Пущинъ, И. Анненковъ, В. Толстой, Игельстромъ, Вегелинъ, А. Рукевичъ, В. Соловьевъ, Н. Мозгалевскій, А. Быстрицкій, П. Аврамовъ, И. Якушкинъ, В. Ивашевъ, А. Барятинскій, А. Розенъ.

XVIII.

Болѣе точныя свѣдѣнія о Корниловичѣ заключаются въ слѣдующемъ. Штабсъ-капитанъ Александръ Корниловичъ, осужденный по четвертому разряду къ ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе. А. Е. Розенъ въ «Запискахъ Декабриста» говоритъ о немъ слѣдующее: «Фельдъ-егерь увезъ отъ насъ (изъ Читы) «Корниловича. Его вновь заключили въ Петропавловскую крѣпость, «гдѣ снова допрашивали по дѣлу польскихъ тайныхъ обществъ, и, «наконецъ, отправили его на Кавказъ солдатомъ». Назначенный въ войска Грузіи, Корниловичъ отправленъ изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ 17-го ноября 1832 г. и зачисленъ рядовымъ въ пѣхотный полкъ фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго; умеръ въ этомъ званіи 30-го августа 1834 г. [1]).

XIX.

Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (1783—1844 г.) въ 1798 году былъ произведенъ въ прапорщики л.-гв. Се-

[1]) Архивъ III Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи.

XIX.

Le comte Alexandre de Benckendorff (1783—1844) fut nommé en 1798 enseigne au régiment de Sémenovsky et aide de camp de l'Empereur Paul. Il fit les campagnes de 1806, 1807, 1809, 1811. Pendant la guerre de 1812, il commanda d'abord l'avant-garde du détachement du général Winzengerode, puis, après le départ de Napoléon de Moscou, il fut nommé commandant de la capitale. Pendant la poursuite de l'ennemi, il était dans le détachement du lieutenant-général Koutouzoff. En 1813, il commanda un camp volant et prit part aux batailles de Gross-Beeren et de Dennevitz. A la bataille de Leipzig il commandait le flanc gauche de la cavalerie du baron Winzengerode. A la tête d'un détachement, il fut expédié en Hollande et opéra l'évacuation de ce pays. En Belgique, il prit les villes de Louvain et Mechelen (Malines) et enleva aux Français 24 canons. En 1824, il se distingua sous Liège; à St-Dizier, il commanda d'abord le flanc gauche, puis l'arrière-garde du même corps d'armée (Dictionnaire encyclopédique de Brockhaus et Efron). Fils de l'amie d'enfance de l'Impératrice Marie Féodorovna, Anna Schilling, que l'Impératrice amena avec elle de Wurtemberg et qu'elle maria en Russie, il approcha, dès son enfance, la famille impériale; il jouit d'une bienveillance particulière et de l'amitié personnelle de l'Empereur Nicolas, qui, en 1826, le nomma chef des gendarmes, commandant le quartier général de l'Empereur et chef de la troisième section de la Chancellerie particulière de S. M. I. Il accompagna l'Empereur pendant la campagne de Turquie, lorsque, en 1828, celui-ci se rendit sur le théâtre de la guerre. En 1829, il fut nommé général de cavalerie; en 1832, le titre de comte lui fut conféré. Comme chef de la IIIème section de la Chancellerie particulière de S. M. I., le comte Benckendorff se montrait plein d'égards envers les dékabristes et d'autres criminels politiques; il tâchait d'adoucir leur sort autant que les conditions d'alors le permettaient et était, en général, d'un caractère droit et noble.

La seconde fille du comte Benckendorff et de la comtesse Elisabeth (née Donetz-Zaharjevsky), la comtesse Marie, était mariée au prince Sérénissime Grégoire Wolkonsky (fils du maréchal prince Pierre). Leur fille, la princesse Elisabeth, épousa le prince Michel Wolkonsky, fils du dékabriste et de la princesse Marie, auteur des ces «Mémoires».

меновскаго полка и назначенъ флигель-адъютантомъ къ Императору Павлу; участвовалъ въ войнахъ 1806—1807, 1809 и 1811 гг. Во время Отечественной войны 1812 г. сначала командовалъ авангардомъ въ отрядѣ генерала Винценгероде, а по оставленіи Наполеономъ Москвы былъ назначенъ комендантомъ столицы. При преслѣдованіи непріятеля дѣйствовалъ въ отрядѣ ген.-лейтенанта Кутузова; въ кампанію 1813 г. начальствовалъ летучимъ отрядомъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Гросъ-Беренѣ и Денневицѣ. Въ битвѣ подъ Лейпцигомъ командовалъ лѣвымъ крыломъ кавалеріи барона Винценгероде. Затѣмъ, съ отдѣльнымъ отрядомъ, былъ отправленъ въ Голландію и очистилъ ее отъ непріятеля. Въ Бельгіи взялъ города Лувенъ и Мехельнъ и отбилъ у французовъ 24 орудія. Въ кампанію 1824 г. отличился въ дѣлѣ подъ Люттихомъ; при Сенъ-Дизье начальствовалъ сперва лѣвымъ крыломъ, а потомъ арьергардомъ. (Энц. словарь Брокгаузъ и Ефронъ). Сынъ друга дѣтства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Анны Шиллингъ, которую она привезла съ собой изъ Вюртемберга и выдала замужъ въ Россіи, — онъ, съ раннихъ лѣтъ, былъ близокъ къ Императорской семьѣ и пользовался особымъ благоволеніемъ и личной дружбой Императора Николая, назначившаго его въ 1826 г. шефомъ жандармовъ, командующимъ Императорскою Главною квартирою и начальникомъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Въ 1828 г., при отъѣздѣ Государя къ дѣйствующей арміи въ Турцію, Бенкендорфъ сопровождалъ его; въ 1829 г. онъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а въ 1832 г. возведенъ въ графское достоинство. Стоя во главѣ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, графъ Бенкендорфъ относился сердолюбиво къ декабристамъ и другимъ политическимъ преступникамъ, смягчая ихъ участь, насколько позволяли обстоятельства того времени, и, вообще, отличался благородствомъ и прямотою характера. Вторая дочь графа Бенкендорфа и графини Елизаветы Андреевны, рожденной Донецъ-Захоржевской, графиня Марія Александровна была за свѣтлѣйшимъ княземъ Григоріемъ Петровичемъ Волконскимъ (сыномъ фельдмаршала Петра Михайловича). Ихъ дочь, княжна Елизавета Григорьевна, вышла за князя Михаила Сергѣевича, сына декабриста Сергѣя Григорьевича и княгини Маріи Николаевны, автора настоящихъ «Записокъ».

XX.

Les Bestoujeff, condamnés à vingt ans de travaux forcés et exilés en Sibérie, étaient trois frères [1]). Alexandre, écrivain sous le nom de Marlinsky, capitaine en second aux dragons, fut déporté à Iakoutsk et bientôt après transféré au Caucase, comme soldat. Ses travaux littéraires, son service au Caucase et sa mort sur le champ de bataille sont suffisamment connus. Nicolas, capitaine en second, fut envoyé aux travaux de Tchita et des usines de Pétrowsk; plus tard, domicilié près de la ville de Séleneguinsk, en Transbaïkalie; d'une rare intelligence, supérieurement instruit et cultivé, il possédait en outre du talent pour la peinture; tous les portraits, toutes les vues qui nous restent d'alors sont de son pinceau et de son crayon; il était de plus excellent mathématicien et habile mécanicien. Il mourut à Séleneguinsk, en 1885. Leur frère cadet, Michel, qui ne s'était jamais séparé de son frère, subit les mêmes châtiments et fut installé à demeure dans ce même Séleneguinsk. Seul des trois frères, il vécut assez longtemps pour voir l'amnistie et mourut à Moscou. En 1847, leurs trois sœurs non mariées, Hélène, Marie et Olga, vinrent s'établir avec eux à Séleneguinsk.

XXI.

Constantin Torson, capitaine en second, condamné à vingt ans de travaux forcés, fut aussi installé à Séleneguinsk, avec les Bestoujeff et lui aussi fut rejoint par une sœur non mariée, Catherine, venue partager l'exil de son frère.

XXII.

Les Poggio étaient deux frères: Joseph Victorovitch, l'aîné, était allié à la princesse Marie Wolkonsky, par sa seconde femme Marie Andreievna, née Borosdine. Capitaine en second, il fut, par décret du 22 Août 1826, condamné en 5-ème catégorie, à huit ans de travaux forcés; mais, par un décret spécial, en Octobre de l'année suivante, il fut

---

[1]) Leurs frères Paul et Pierre, quoique cités devant le même tribunal, ne furent pas exilés.

XX.

Бестужевыхъ, осужденныхъ и приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ и сосланныхъ въ Сибирь, было три брата [1]): Александръ Александровичъ (писатель Марлинскій), л.-гв. Драгунскаго полка штабсъ-капитанъ, былъ поселенъ въ Якутскѣ и вскорѣ затѣмъ переведенъ солдатомъ на Кавказъ; его литературная дѣятельность, кавказская служба и смерть въ бою всѣмъ извѣстны. Николай Александровичъ, капитанъ-лейтенантъ, былъ на работахъ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ. Затѣмъ поселенъ близъ города Селенгинска въ Забайкальѣ; широкаго ума, прекрасно образованный и начитанный, онъ, при этомъ, хорошо рисовалъ; всѣ сохранившіеся отъ того времени виды и портреты принадлежатъ его кисти и карандашу; кромѣ того, онъ былъ отличный математикъ и механикъ. Скончался въ Селенгинскѣ въ 1855 году. Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, младшій изъ братьевъ, никогда съ нимъ не разстававшійся, прошелъ чрезъ тѣ же наказанія и былъ поселенъ въ Селенгинскѣ же; онъ единственный изъ трехъ братьевъ дожилъ до помилованія и умеръ въ Москвѣ. Къ нимъ въ Селенгинскъ пріѣхали въ 1847 году и жили съ ними три незамужнія сестры: Елена, Марія и Ольга Александровны.

XXI.

Константинъ Петровичъ Торсонъ, капитанъ-лейтенантъ, приговоренный къ 20-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, былъ тоже поселенъ въ Селенгинскѣ, вмѣстѣ съ Бестужевыми, и къ нему, какъ и къ нимъ, пріѣхала раздѣлить его изгнаніе незамужняя сестра его, Екатерина Петровна.

XXII.

Поджіо, два брата: Іосифъ Викторовичъ, старшій, былъ свойственникомъ княгини М. Н. Волконской по своей второй женѣ Маріи Андреевнѣ, рожденной Бороздиной, двоюродной ея племянницѣ. Штабсъ-капитанъ гвардіи, указомъ 22-го августа 1826 года, осужденъ по V разряду на 8 лѣтъ каторжной работы, но, по особому Высочайшему повелѣнію, въ октябрѣ слѣдующаго же 1827 года, заклю-

---

[1]) Привлеченные къ дѣлу ихъ братья, Павелъ и Петръ, въ Сибирь не были сосланы.

incarcéré pour le même terme, à la forteresse de Schlusselbourg; le 9 Juillet 1834, il fut expédié dans la Sibérie Orientale à destination du village d'Oust-Kouda, à 26 verstes d'Irkoutsk, au confluent de la Kouda et de l'Angara; il y arriva le 11 Août 1834 [1]). Durant sa réclusion, il lui avait été permis d'avoir des livres. Il mourut à Irkoutsk, le 8 Janvier 1848, dans la maison des Wolkonsky, où il était arrivé deux jours avant, souffrant d'une méningite et presque sans connaissance. Pendant ses années de réclusion, sa femme et sa vieille mère Magdeleine Iossifovna, désireuses de le suivre en exil s'informaient constamment de son lieu de déportation, mais, invariablement, il leur était répondu qu'on ne le savait pas [2]). Seulement après son arrivée à Oust-Kouda, on fit droit à leur demande, mais les circonstances avaient changé: Magdeleine Iossifovna était morte et sa femme ne le suivit pas; elle épousa le prince Gagarine, tué plus tard au Caucase. Joseph Poggio ne put jamais se résigner à son indifférence et en souffrit toute sa vie.— L'autre frère, Alexandre Victorovitch, colonel en retraite, appartenait à la «Société du Midi», fut classé dans la 1-ère catégorie et condamné, par décret du 22 Août, à 20 ans de travaux forcés; il entra aux mines de Nertchinsk le 4 Janvier 1827; après la réduction de la durée des travaux à 13 ans, il fut expédié à Oust-Kouda auprès de son frère [3]). Il survécut à l'amnistie et mourut dans le domaine de Voronky au gouvernement de Tchernigow. C'était un homme remarquablement instruit, possédant admirablement les langues étrangères et excellent pédagogue. N. Bélogolovy en parle beaucoup dans ses mémoires.

XXIII.

Gabriel Stepanovitch Batenkoff, lieutenant-colonel, classé dans la 5-ème catégorie, fut condamné à 20 ans de travaux forcés et, par décret de l'année 1826, à 15 ans de la même peine avec déportation à vie, mais il passa 20 ans à la forteresse et fut expédié à Tomsk, son lieu de naissance. On disait que d'abord on avait craint de l'envoyer en Sibérie, sa patrie, que plus tard tout bonnement on l'oublia dans sa

---

[1]) Archives de la IIIème section de la Chancellerie particulière de S. M. I.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

ченъ на такой же срокъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и оставался до 9-го іюля 1834 года—дня отправленія на поселеніе въ Восточную Сибирь, въ селеніе Усть-Куду, въ 26 верстахъ отъ Иркутска, при впаденіи рѣки Куды въ Ангару; прибылъ туда 11-го августа 1834 г. [1]). Во время заключенія ему дозволялось пользоваться книгами. Скончался въ Иркутскѣ 8 января 1848 года въ домѣ Волконскихъ, куда пріѣхалъ за два дня до смерти больной, съ воспаленіемъ мозга и почти безъ памяти. Во время его заточенія, жена его, намѣреваясь слѣдовать за нимъ въ ссылку, а равно и старуха-мать, Магдалина Іосифовна, постоянно спрашивали о мѣстѣ его поселенія, но получали неизмѣнно въ отвѣтъ, что послѣднее неизвѣстно [2]). Только по пріѣздѣ его въ Усть-Куду, былъ полученъ объ этомъ отвѣтъ утвердительный, но обстоятельства измѣнились: Магдалина Іосифовна умерла, а жена его не послѣдовала за нимъ и вышла замужъ за князя Гагарина, предательски убитаго потомъ на Кавказѣ. Іосифъ Викторовичъ не могъ примириться съ ея равнодушіемъ и всю жизнь страдалъ отъ него.—Другой братъ, Александръ Викторовичъ, отставной подполковникъ, принадлежалъ къ южному обществу, былъ причисленъ къ I разряду и осужденъ, указомъ 22-го августа, въ каторжныя работы на 20 лѣтъ; поступилъ въ каторжныя работы Нерчинскихъ рудниковъ 4-го января 1827 года; за сокращеніемъ срока работъ до 13 лѣтъ, отправленъ 10-го іюля 1839 г. на поселеніе къ брату, въ Усть-Куду [3]); дождался помилованія и умеръ въ с. Воронкахъ Черниговской губерніи. Былъ человѣкъ весьма образованный, прекрасно владѣвшій иностранными языками и отличный педагогъ. О немъ много говоритъ въ своихъ Запискахъ Н. А. Бѣлоголовый.

XXIII.

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ, подполковникъ, отнесенный къ III разряду преступниковъ, былъ приговоренъ къ 20-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, а по указу 1826 года, къ 15-лѣтнимъ, съ оставленіемъ затѣмъ на поселеніи, но, вмѣсто того, пробывъ болѣе 20 лѣтъ

---

[1]) Архивъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

prison, par suite d'une erreur de registres, et que le comte Orloff, qui l'avait connu de près, avait fait prendre des renseignements sur lui; sans cette circonstance, Batenkoff aurait probablement fini ses jours en prison. — Nous tenons sur lui de sources officielles des détails qui ne sont pas dénués d'intérêt, mais la cause de sa réclusion à la forteresse demeure non éclaircie. Ne devrait-on pas plutôt l'attribuer à son état mental temporaire? En 1826, il fut envoyé à la forteresse de Swartholm; en Juin 1827, il fut ramené à la forteresse de Pierre et Paul et incarcéré dans le «Ravelin-Alexis», où il passa tout son temps de réclusion. Le commandant de la forteresse, Soukine, rapporte, en 1835, qu'il est atteint de maladie mentale, qu'il qualifie toutefois de passagère; en effet, un long mémoire de Batenkoff se rapportant à cette époque, en donne une preuve incontestable; mais après cela on ne trouve plus dans les documents aucune trace de cette maladie dont le commencement n'est pas nettement établi. En 1846, le général Skobéleff, commandant de la forteresse, porte à la connaissance du comte Orloff que Batenkoff est «tout à fait bien portant». Il est hors de doute que le comte Orloff s'intéressa vivement au détenu; il s'informa de lui, lui fit remettre une Bible et la «Lecture Chrétienne» qu'il avait demandées, et il entama enfin la question de sa déportation. — «Ce détenu», répond le général Skobéleff aux questions du comte, «mérite des soins particuliers surtout «à cause de sa tranquillité, de sa douceur et de sa soumission exemplaire». A la suite de cela, le 25 Janvier 1846, le comte Orloff lui demande: «Comment faudrait-il agir avec lui sans nuire aux intérêts publics après «sa mise en liberté?» — «Lui permettre le séjour des villes de l'inté-«rieur», répond Skobéleff, «ne serait pas prudent, à cause de l'effet que «produiraient ses récits sur sa réclusion de 20 ans; par contre, à Tobolsk «ou à Tomsk, rendu à la liberté, mais sous la surveillance de la police, «il serait parfaitement à sa place». — A la suite d'un rapport du comte Orloff, approuvé par l'Empereur en Janvier 1846, la ville de Tomsk lui fut assignée comme séjour. Il partit en Février de la même année. Après l'amnistie, il eut l'autorisation, en 1856, de demeurer dans les environs de Moscou; en 1859, la surveillance policière fut levée, et sur ce finissent les données officielles [1]).

---

[1]) Archives de la IIIème section de la Chancellerie particulière de S. M. I.

въ крѣпости, былъ сосланъ въ г. Томскъ на свою родину. Говорили, что сначала его боялись сослать въ Сибирь, гдѣ онъ родился, а что потомъ онъ былъ просто забытъ въ тюрьмѣ, вслѣдствіе ошибки въ спискахъ, и что графъ Орловъ, близко его знавшій, занявъ постъ шефа жандармовъ, приказалъ навести о немъ справку; безъ этого обстоятельства Батенковъ, вѣроятно, окончилъ бы жизнь въ заточеніи. Изъ офиціальныхъ источниковъ мы имѣемъ о немъ слѣдующія, не лишенныя интереса свѣдѣнія, но вопросъ о причинѣ его задержанія въ крѣпости остается невыясненнымъ. Не слѣдуетъ ли объяснить это его временнымъ помѣшательствомъ? Въ 1826 году онъ былъ отосланъ въ Свартгольмскую крѣпость, а въ іюнѣ 1827 года возвращенъ въ Петропавловскую и заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ, въ которомъ и оставался затѣмъ все время своего заточенія. Комендантъ крѣпости Сукинъ свидѣтельствуетъ въ 1835 году о его умопомѣшательствѣ, которое называетъ временнымъ, и, дѣйствительно, въ дѣлѣ имѣется записка Батенкова того года, несомнѣнно это доказывающая, но затѣмъ слѣдъ этой болѣзни совершенно исчезаетъ. Въ 1846 году, комендантъ крѣпости, генералъ Скобелевъ, доводитъ до графа Орлова, что Батенковъ «совершенно здоровъ». Не подлежитъ сомнѣнію, что графъ Орловъ принималъ большое участіе въ заключенномъ; онъ наводилъ о немъ справки, приказалъ передать ему Библію и Христіанское чтеніе, о чемъ тотъ ходатайствовалъ и, наконецъ, поднялъ вопросъ объ отправкѣ его на поселеніе. «Арестантъ «этотъ», отвѣчаетъ генералъ Скобелевъ на запросъ графа, «въ особенности заслуживаетъ попеченія о немъ тихимъ, кроткимъ поведеніемъ «и примѣрною покорностью». Затѣмъ графъ Орловъ, 25-го января 1846 года, спрашиваетъ его: «Какъ поступить съ нимъ безъ вреда «общественнаго, если освободить его изъ крѣпости»? — «Дозволить «жить во внутреннихъ городахъ Россіи», отвѣчаетъ Скобелевъ, «неловко, по вліянію, какое могутъ имѣть его разсказы о 20-лѣтнемъ за«ключеніи, но, пользуясь свободой въ Тобольскѣ или Томскѣ, подъ при«смотромъ полиціи, онъ будетъ на своемъ мѣстѣ». По всеподданнѣйшему докладу, въ январѣ 1846 г., разрѣшено отправить его на жительство въ г. Томскъ, куда онъ и выѣхалъ въ февралѣ того же года. Доживъ до помилованія, онъ, въ 1856 году, получилъ разрѣшеніе жить въ окрестностяхъ Москвы, а въ 1859 году съ него снятъ полицейскій надзоръ, и на этомъ оканчиваются офиціальныя о немъ свѣ-

Il fut collaborateur intime du comte Spéransky, surtout en Sibérie. Remarquablement intelligent et instruit il laissa à Tomsk des souvenirs durables et reconnaissants; il mourut dans la terre de Petristchévo, sur la frontière des gouvernements de Toula et Kalouga, dans la maison de ses amis Elaguine. Quant à ses parents, il ne lui en restait plus, après sa sortie de la forteresse.

XXIV.

Michel Serguéïévitch Lounine, lieutenant-colonel aux chevaliers-gardes. Homme profondément religieux et très instruit, possédant huit langues, qui, pendant son séjour au village d'Ourik, où lui fut expédiée sa précieuse bibliothèque, lisait les auteurs latins et grecs et les actes des Saints-Pères, dans le texte original. «Il était», dit son proche ami S. G. Wolkonsky, «d'un esprit très vif et d'une vaste érudition; «avec cela, comme tout le monde à cette époque, il avait l'esprit aven-«tureux. Plus tard, en Sibérie, il fit preuve d'une remarquable suite dans «les idées et d'une grande énergie dans ses actes. Il mourut en Sibérie; «sa mémoire m'est sacrée, d'autant plus que je jouis de son amitié et «de sa confiance, et son tombeau doit être cher à tout cœur de vrai «russe». Pendant son séjour à Ourik Lounine fut arrêté; on s'empara de lui pendant la; nuit on fit une perquisition et on l'emmena au delà du Baïkal, dans les mines d'Akatouï; c'est là qu'il mourut de la rupture d'un anévrisme, le 3 Décembre 1845. Voici un extrait des «Remarques» de S. P. Troubetskoy, sur les mémoires de V. B. Steinheil. «Lounine «était en correspondance suivie avec sa sœur E. S. Ouvaroff. Dans ses «lettres, qui passaient par la troisième section, il parlait des mesures et «des dispositions du gouvernement sans épargner les personnes occupant «les postes les plus élevés; jamais pourtant il ne toucha aux person-«nages Augustes. On lui défendit d'écrire pendant une année «pour ses «raisonnements et sa jactance déplacés». Au bout d'un an, après que le «terme de l'interdiction fut passé, Lounine reprit sa correspondance «avec sa sœur, toujours dans le même sens. Il donna à lire une collec-«tion de ces lettres, recueillies dans un cahier, au dékabriste Gromnitsky; «celui-ci la remit à l'officier de cosaques Tchérépanoff. Un employé pour «missions spéciales auprès du gouverneur-général Roupert, Ouspensky

дѣнія [1]). Онъ былъ близкимъ человѣкомъ и сотрудникомъ графа Сперанскаго, работалъ съ нимъ и въ Сибири. Отличался замѣчательнымъ умомъ и начитанностью; оставилъ по себѣ въ Томскѣ живую и признательную память и скончался въ селѣ Петрищевѣ на границѣ Тульской и Калужской губерній, въ дружеской семьѣ Елагиныхъ; родственниковъ же, по выходѣ изъ крѣпости, у него уже не оставалось.

XXIV.

Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ, подполковникъ Л.-Гв. Гродненск. гусарск. полка. Человѣкъ глубоко вѣрующій и образованный, владѣвшій восемью языками, читавшій во время пребыванія въ с. Урикѣ, куда ему выслана была его драгоцѣнная библіотека, латинскихъ и греческихъ авторовъ и дѣянія Святыхъ Отцовъ въ подлинникахъ. «Онъ былъ», говоритъ о немъ близкій другъ его, С. Г. Волконскій, «весьма бой-«каго ума, при большой образованности, но бойкой и молодеческой «жизни, къ которой въ то время общая была наклонность. Впослѣд-«ствіи, во время своей ссылки въ Сибирь, выказалъ замѣчательную «послѣдовательность въ мысляхъ и энергію въ дѣйствіяхъ. Онъ умеръ «въ Сибири; память его для меня священна, тѣмъ болѣе, что я «пользовался его дружбой и довѣріемъ, а могила его должна быть «близка сердцу каждаго русскаго». Въ бытность свою на поселеніи въ с. Урикѣ, Лунинъ былъ арестованъ. Его схватили ночью, сдѣлавъ въ квартирѣ его обыскъ, и увезли за Байкалъ въ Акатуевскій рудникъ, гдѣ онъ и умеръ отъ разрыва сердца 3-го декабря 1845 года. Приводимъ извлеченіе изъ «Замѣчаній С. П. Трубецкого на записки В. Б. Штейнгеля». «Лунинъ», говоритъ онъ, «былъ въ постоянной «перепискѣ съ сестрой своей, Е. С. Уваровой. Въ письмахъ своихъ, «пересылаемыхъ черезъ III Отдѣленіе, онъ разсуждалъ о правитель-«ственныхъ мѣрахъ и распоряженіяхъ, не щадя лицъ, занимавшихъ «высшія правительственныя мѣста, но не задѣвая никогда Высочайшей «Особы. Ему запрещено было распоряженіемъ III Отдѣленія писать въ «продолженіе цѣлаго года «за неумѣстныя разсужденія и самохваль-«ство». Когда годъ запрещенія минулъ, Лунинъ снова продолжалъ эти «письма къ сестрѣ такого же содержанія, какъ и прежнія. Собранныя

---

[1]) Архивъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

«l'ayant appris, dénonça Lounine à Roupert qui, à ce moment, se trou-«vait à St-Pétersbourg; celui-ci en rapporta à la IIIème Section, et Lounine «fut arrêté et incarcéré dans les mines d'Akatouï. Roupert, revenu à «Irkoutsk, chercha à écarter tout reproche. L'enquête toutefois continua. «Lounine fut accusé de propager ses lettres; Gromnitsky fut incarcéré «dans la chancellerie du commandant de la place et n'en sortit qu'au bout «de six mois. On a cherché aussi à mettre en cause N. M. Mouravieff». Ces détails du récit de Troubetskoy, sur l'arrestation de Lounine, sont exacts, sauf l'assertion que ce furent les lettres à sa sœur Ouvaroff qui déterminèrent sa seconde arrestation. En réalité, elle eut pour cause son mémoire: «Coup d'œil sur la Société secrète russe 1816—1826». Il appert des documents [1]) qu'il avait écrit ce mémoire étant encore aux usines de Pétrowsk pour le commandant Léparsky; que, plus tard, il l'avait communiqué aux dékabristes Ivanoff et Gromnitsky, domicilié au village de Belsk. A cela se bornait la «propagation» dont il fut accusé. Le mémoire fut remis par Gromnitsky à un professeur de gymnase Jouravleff qui, après en avoir pris copie, en fit lecture au commissaire Tchérépanoff, au prêtre Dobrosserdoff et au chef de police Vassilévsky. L'affaire fut découverte et engagée par l'employé Ouspensky; c'est lui qui dirigea la perquisition faite chez Lounine, au cours de laquelle on trouva: 1) le mémoire susmentionné: «Coup d'œil sur la Société secrète russe 1816—1826», en français; 2) un mémoire en anglais, également écrit par lui: «Examen du rapport de la commission d'enquête sur les condamnés politiques 1826» (ces deux mémoires furent plus tard publiés en russe à l'étranger); 3) un court manuscrit: «Considérations religieuses et politiques, remarques sur les lois et différentes mesures gouvernementales»; 4) une lettre du dékabriste Zavalichine demandant un secours d'argent; 5) un mémoire historique «sur la prison d'Anadyr, pendant un demi siècle»; 6) un ouvrage historique sur l'ancienne Grèce, et 7) quelques poésies politiques, copiées de la main de Lounine.

Pour ce qui est de la première sentence portée contre Lounine, il fut classé dans la 2ème catégorie et condamné aux travaux forcés à perpétuité; par décret du 10 Juillet 1826, ce terme fut réduit à 20 ans

---

[1]) Archives de la IIIème section de la Chancellerie particulière de S. M. I.

«въ тетрадку письма онъ далъ читать декабристу Громницкому, а тотъ «казачьему офицеру Черепанову. Чиновникъ особыхъ порученій при «генералѣ Рупертѣ, Успенскій, узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ на Лунина «доносъ Руперту, бывшему тогда въ Петербургѣ, а Рупертъ сообщилъ «III Отдѣленію, и Лунинъ былъ схваченъ и отвезенъ въ заточеніе въ Ака«туевскій рудникъ. Рупертъ, возвратясь въ Иркутскъ, старался разными «доводами отклонить отъ себя нареканіе. Слѣдствіе, однакоже, продол«жалось. Лунинъ былъ обвиненъ въ распространеніи своихъ писемъ. «Громницкій былъ посаженъ въ Ордонансъ-Гаузъ, откуда выпущенъ «лишь по истеченіи полугода. Старались привлечь къ дѣлу и Н. М. Му«равьева». Эти свѣдѣнія объ арестѣ Лунина, сообщенныя С. П. Трубецкимъ, справедливы, за исключеніемъ того, что поводомъ ко вторичному его преслѣдованію послужили письма его къ сестрѣ, Е. С. Уваровой; въ дѣйствительности же поводомъ къ этому была его рукопись: «Взглядъ на русское тайное общество 1816 — 1826 гг.». Изъ дѣла о немъ видно [1]), что эту записку онъ написалъ еще въ Петровскомъ заводѣ для коменданта Лепарскаго; впослѣдствіи же, въ Урикѣ, сообщилъ ее декабристамъ Иванову и Громницкому, поселенному въ с. Бѣльскѣ. Этимъ сообщеніемъ ограничилось съ его стороны «распространеніе» записки, въ которомъ онъ былъ обвиненъ. Послѣднюю получилъ уже отъ Громницкаго учитель гимназіи Журавлевъ, снялъ съ нея копію и читалъ приставу Черепанову, священнику Добросердову и полиціймейстеру Василевскому. Дѣло было раскрыто и поднято чиновникомъ Успенскимъ, руководившимъ и обыскомъ, произведеннымъ у Лунина, при которомъ найдены: 1) указанная рукопись: «Взглядъ на русское тайное общество 1816—1826 гг.», на французскомъ языкѣ; 2) записка на англійскомъ языкѣ: «Разборъ донесенія Слѣдственной Комиссіи надъ государственными преступниками 1826 г.», его же (обѣ эти записки напечатаны впослѣдствіи за границей на русскомъ языкѣ); 3) краткая рукопись: «Мысли религіозныя и политическія — замѣчанія о законахъ и разныхъ мѣрахъ правительственныхъ»; 4) письмо декабриста Завалишина, просящаго о пособіи; 5) историческая записка «объ Анадырскомъ острогѣ за полъ-вѣка назадъ»; 6) историческое сочиненіе о древней Греціи, и 7) нѣсколько стихотвореній политическаго содержанія, переписанныхъ Лунинымъ.

---

[1]) Архивъ III Отдѣленія Собственной Его Импер. Велич. Канцеляріи.

et par décret du 22 Août—à 15; il entra aux travaux le 11 Avril 1828, dans les mines de Nertchinsk; à la suite d'un décret, en date du 14 Décembre 1835, il fut libéré des travaux forcés et installé à domicile au village d'Ourik, où il demeura jusqu'à sa seconde arrestation et sa déportation à Akatouï en Février 1841.

La justesse des portraits flatteurs que font de Lounine l'auteur des «Mémoires», ainsi que tous ceux qui l'ont connu, peut être confirmée par l'épisode de sa première arrestation, dont le souvenir demeurait parmi ses camarades. Le mouvement du 14 Décembre 1825, auquel il n'avait pas pris part, le trouva à Varsovie, attaché à la personne du Grand-Duc Constantin, commandant en chef des troupes du royaume de Pologne. Celui-ci aimait et appréciait Lounine. Ayant appris qu'il était impliqué dans l'affaire de la «Société secrète», il le fit venir et lui remit un passeport pour l'étranger, préparé d'avance, afin de lui permettre d'échapper au jugement. Profondément touché d'une conduite si généreuse, Lounine remercia le Grand-Duc, mais lui rendit le passeport avec ces mots: «J'ai partagé les convictions de mes camarades, je partagerai le «châtiment». Inutile d'insister: cet épisode dépeint les deux individus.

XXV.

La condition exigée des parents dont parle l'auteur, était le changement obligatoire du nom de famille de leurs enfants. Voici l'exposé de toute l'affaire et les documents y référant, puisés, pour la plupart, aux archives de la IIIème section de la Chancellerie particulière de S. M. I.

Au commencement de l'année 1841, sur l'initiative du comte Benckendorff, en vue du mariage du Grand-Duc Alexandre, héritier du Trône, l'ordre fut donné de procéder à un examen sur «les enfants nés «en Sibérie de parents exilés pour crimes politiques et ayant contracté «mariage en condition de noblesse, avant leur condamnation». Cela nécessita des informations préalables, et les renseignements suivants furent donnés: Serge Wolkonsky: fils Michel, fille Hélène;—Nikita Mouravieff: fille Sophie; – Serge Troubetskoy: filles Alexandra, Elisabeth, Zénéïde;—Alexandre Mouravieff: fils Nikita;—Basile Davidoff: fils Basile, Jean et Léon, filles Alexandra et Sophie;—Jean Annenkoff: fille Olga et fils

Что касается первоначальнаго суда надъ нимъ, то онъ былъ причисленъ ко 2-му разряду и осужденъ на безсрочныя каторжныя работы; указомъ 10 іюля 1826 г. этотъ срокъ сокращенъ на 20 лѣтъ, а указомъ 22 августа—на 15; онъ поступилъ въ работы въ Нерчинскіе рудники 11-го апрѣля 1828 года; указомъ 14-го декабря 1835 года, отъ нихъ освобожденъ и поселенъ въ с. Урикѣ, гдѣ и оставался до вторичнаго арестованія и перевода въ Акатуй въ февралѣ 1841 года.

Справедливость хорошихъ отзывовъ о Лунинѣ со стороны, какъ автора «Записокъ», такъ и всѣхъ, его знавшихъ, можетъ засвидѣтельствовать сохранившееся между его товарищами сказаніе объ его арестѣ. Движеніе 14-го декабря 1825 года, въ которомъ онъ не участвовалъ, застало его въ Варшавѣ, состоящимъ при Главнокомандующемъ войсками въ Царствѣ Польскомъ, Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ. Послѣдній любилъ и уважалъ Лунина. Получивъ свѣдѣніе о причастности его къ дѣлу Тайнаго общества, онъ призвалъ его къ себѣ и вручилъ ему заготовленный заранѣе заграничный паспортъ, чтобы дать ему возможность спастись отъ суда. Глубоко растроганный такимъ поступкомъ, Лунинъ благодарилъ Великаго Князя, но возвратилъ ему паспортъ со словами: «Я раздѣлялъ съ товарищами ихъ «убѣжденія, раздѣлю и наказаніе», и тутъ же былъ арестованъ. Нечего говорить о томъ, насколько этотъ эпизодъ характеризуетъ обоихъ.

XXV.

Условіе, о которомъ говоритъ авторъ, поставленное родителямъ, заключалось въ обязательной перемѣнѣ фамиліи ихъ дѣтей. Вотъ изложеніе обстоятельствъ и относящіеся къ нимъ документы, взятые преимущественно изъ Архива III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Въ началѣ 1841 года, по почину графа Бенкендорфа, по случаю предстоявшаго бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, послѣдовала Высочайшая воля о разсмотрѣніи, въ видахъ Монаршаго милосердія, вопроса «о дѣтяхъ, рожденныхъ въ Сибири «отъ сосланныхъ туда государственныхъ преступниковъ, вступившихъ «въ бракъ въ дворянскомъ состояніи до постановленія о нихъ при«говора». Для этого потребовались предварительныя справки, и были доставлены слѣдующія свѣдѣнія: у Сергѣя Волконскаго—сынъ Михаилъ и дочь Елена, у Никиты Муравьева—дочь Софія, у Сергѣя

Wladimir, Jean et Nicolas; — Basile Ivacheff (mort): fils Pierre, filles Marie et Olga.

De tous ces enfants, seuls ceux de S. Wolkonsky, N. Mouravieff, S. Troubetskoy et B. Davidoff répondaient aux conditions exigées dans l'ordre Impérial (Plus tard la mesure fut étendue aux enfants de A. Rosen). C'est ainsi que le décida aussi le gérant du Ministère de la Justice, comte Panine, dans sa réponse au comte Benckendorff, qui lui demandait quelle espèce de mesures il croyait prendre pour satisfaire à l'Auguste volonté. Il croyait que les mesures suivantes conviendraient: 1) «Les «enfants mâles, ayant atteint l'âge de pouvoir entrer à l'école militaire, «seront placés, si les parents le désirent, au corps des cadets; ils ne «seront réintégrés dans les droits de noblesse qu'à la sortie du corps, s'ils «arrivent à mériter cette faveur par une conduite louable, de bons principes «et des progrès dans leurs études. 2) Les filles de même, les parents «le désirant, seront, à l'âge convenable, placées dans des établissements «d'éducation, inspectés par le Gouvernement. 3) Les enfants des deux «sexes ne seront pas autorisés à porter les noms de famille dont leurs «parents ont été dépouillés à jamais, mais prendront le nom du père— «Serguéieff, Nikitine, Wassilieff» [1]). Le chef de la IIème section de la Chancellerie particulière de S. M. I., le conseiller privé actuel Bloudoff, consulté à ce sujet, se prononça en faveur de l'avis du comte Panine. Dans l'ordre Impérial, qui suivit le rapport collectif fait par Bloudoff, le comte Panine et le comte Benckendorff, du 21 Février 1842, et que le comte Benckendorff communiqua au gouverneur général Roupert, ces conditions sont répétées textuellement [2]).

Les exilés de Sibérie acceptèrent la volonté du Monarque comme une grâce insigne, mais une des conditions produisit non seulement sur eux et leurs parents, mais sur tous ceux en Sibérie qui en eurent connaissance, une impression profonde: c'était la clause d'après laquelle leurs enfants devaient changer de nom. Dans cette clause, ils virent l'intention de détruire dans les générations à venir, jusqu'à ce dernier lien avec

---

[1]) Lettre du comte Panine au comte Benckendorff du 14 Janvier 1842. Archives de la IIIème section de la Chancellerie particulière de S. M. I.

[2]) Le ministre de la Guerre et les autres ministres furent avertis que cet ordre Impérial, concernant l'appellation des enfants de criminels politiques, à leur entrée à l'école, devait être accepté et appliqué comme une loi permanente.

Трубецкого—дочери: Александра, Елизавета и Зинаида, у Александра Муравьева—сынъ Никита, у Василія Давыдова—сыновья: Василій, Иванъ и Левъ, дочери: Александра и Софія, у Ивана Анненкова—дочь Ольга и сыновья: Владиміръ, Иванъ и Николай, у Василія Ивашева (умершаго)—сынъ Петръ и дочери: Марія и Ольга.

Изъ перечисленныхъ здѣсь только дѣти С. Г. Волконскаго, Н. М. Муравьева, С. П. Трубецкого и В. Л. Давыдова подходили подъ вышеозначенную категорію лицъ, указанныхъ въ Высочайшемъ повелѣніи [1]). Такъ опредѣлилъ это и управляющій Министерствомъ Юстиціи, графъ Панинъ, въ отвѣтѣ своемъ графу Бенкендорфу, спрашивавшему его о томъ, какія бы онъ полагалъ принять мѣры по исполненію Высочайшей воли. Что же касается сихъ послѣднихъ, то графъ Панинъ высказалъ, что онъ полагалъ бы возможнымъ принять слѣдующія: «1) дѣтей мужескаго пола, достигшихъ возраста, въ который они могутъ поступить въ «военноучебныя заведенія, отдать, буде того пожелаютъ родители, въ «кадетскій корпусъ, съ тѣмъ, что они утверждены будутъ въ правахъ дво«рянства токмо по выпускѣ изъ корпуса, если заслужатъ сей милости «нравственнымъ поведеніемъ, хорошими правилами и успѣхами въ на«укахъ; 2) дѣтей женскаго пола, равнымъ образомъ, по желанію родите«лей и по достиженіи установленнаго возраста, отдать въ учебныя заве«денія, состоящія подъ надзоромъ правительства, и 3) дѣтямъ обоего «пола не дозволять носить фамиліи, коей невозвратно лишились ихъ отцы, «но именоваться по отчеству, т.-е. Сергѣевыми, Никитиными и Василье«вымн» [2]). Спрошенный по этому предмету управляющій 2-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, д. т. с. Блудовъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ графа Панина. Въ Высочайшемъ повелѣніи, послѣдовавшемъ за симъ по общему всеподданнѣйшему докладу Блудова, графа Панина и графа Бенкендорфа 21-го февраля 1842 года и сообщенномъ графомъ Бенкендорфомъ генералъ-губернатору Руперту къ исполненію, эти условія повторены буквально [3]).

---

[1]) Впослѣдствіи мѣра эта была распространена и на дѣтей А. Е. Розена.

[2]) Письмо графа Панина къ графу Бенкендорфу 14-го января 1842 г. (Архивъ III Отдѣленія Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи).

[3]) О томъ, чтобы это Высочайшее повелѣніе о наименованіи дѣтей государственныхъ преступниковъ, при опредѣленіи ихъ въ учебныя заведенія, всегда принималось общимъ закономъ, сообщено также военному и другимъ министрамъ. (Архивъ III Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи).

leurs pères et leurs ancêtres. On attribua cette mesure à une dureté de cœur, dont les uns accusaient l'Empereur et les autres le comte Benckendorff, qui fit le rapport. Il apparait des documents cités, que l'initiative en retombe sur le comte Panine.

Le gouverneur général Roupert fit venir Wolkonsky, Mouravieff, Troubetskoy et, leur faisant part de la volonté Impériale, insista pour qu'ils l'acceptassent sans réserve; il exigea en même temps une réponse, par écrit, de chacun d'eux. Mais un seul se décida à accepter la proposition, ce fut B. Davidoff, domicilié à Krasnoïarsk, qui, outre les quatre enfants laissés à Pétersbourg, en avait encore cinq, dont l'éducation, en Sibérie, offrait de grandes difficultés [1]); les trois autres refusèrent. N. Mouravieff, dans son refus, adressé au général Roupert, dit: «Son Altesse «Impériale, le Grand-Duc Cézarévitch, célébrant son mariage, daigna «jeter un regard attendri sur le sort de nos enfants et voulut bien que «des prières ferventes des mères, des pères et des orphelins montassent «pour lui au Trône de l'Eternel. Sa Majesté l'Empereur chargea un «comité de rechercher les moyens pour réaliser la magnanime pensée «du Cézarévitch, mais les membres de ce comité ne furent point animés «des sentiments si chrétiens et si élevés qui remplissaient sa jeune âme. «La spoliation de ma fille de mon nom de famille frappe un être «innocent et jette une ombre sur la mémoire d'une mère et d'une «épouse» [2]). S. Troubetskoy écrivait au général Roupert: «L'âme «pleine d'un sentiment de vive gratitude pour la sollicitude Auguste à «l'égard de nos femmes et de nos enfants, j'ose espérer que Sa Majesté «l'Empereur, dans sa miséricorde, n'admettra pas qu'on souille le front «des mères d'une tache, qu'elles n'ont pas méritée, et ne voudra pas, «par la privation des enfants du nom de famille de leurs pères, les «classer parmi les illégitimes» [3]). Tous les deux refusaient la grâce Impériale [4]). Nous citons la lettre de S. Wolkonsky au général Roupert

---

[1]) Ses fils, plus tard, furent élevés dans des corps de cadets sous le nom de Wassilieff, et ce n'est qu'en 1856 qu'ils reçurent leur vrai nom de famille.

[2]) Lettre du 19 Avril 1842, village d'Ourik.

[3]) Lettre du 19 Avril 1842, village d'Oïek.

[4]) A quelque temps de là, après la mort de Nikita Mouravieff, décédé à Ourik le 28 Avril 1843, sa fille, devenue orpheline, fut acceptée à l'«Institut Catherine», de Moscou, sous le nom de Nikitina; les deux filles de Troubetskoy entrèrent à l'institut de demoiselles d'Irkoutsk, où toutefois elles gardèrent leur nom.

Сосланные въ Сибирь отнеслись къ Монаршей волѣ, какъ къ великой милости, но одно изъ условій произвело не только на нихъ и родственниковъ, но и на всѣхъ лицъ, узнавшихъ о томъ въ Сибири, удручающее впечатлѣніе, а именно: требованіе отъ дѣтей ихъ перемѣны фамиліи. Въ немъ они видѣли желаніе уничтожить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ даже и эту связь съ отцами и предками. Приписывалось это жестокосердію, которое одни относили къ самому Государю, а другіе обвиняли докладчика, графа Бенкендорфа. Изъ приведенныхъ документовъ видно, что починъ этой мѣры принадлежалъ графу Панину.

Генералъ-губернаторъ Рупертъ вызвалъ къ себѣ Волконскаго, Муравьева и Трубецкого и, объявляя имъ Высочайшую волю, настаивалъ на безусловномъ ея принятіи, при чемъ потребовалъ отъ каждаго изъ нихъ письменнаго отзыва. Но рѣшился принять сдѣланное предложеніе только поселенный въ г. Красноярскѣ В. Л. Давыдовъ, имѣвшій, кромѣ четверыхъ дѣтей, оставленныхъ въ Петербургѣ, еще пятерыхъ, воспитаніе которыхъ въ Сибири встрѣчало большія затрудненія [1]); остальные трое отказались. Н. М. Муравьевъ, въ отзывѣ на имя генерала Руперта, высказалъ: «Его Императорское Высочество «Наслѣдникъ Цесаревичъ, при торжествованіи своего брака, обратилъ «умиленные взоры на участь дѣтей нашихъ и пожелалъ, чтобы пла«менныя молитвы матерей, отцовъ и сиротъ вознеслись за него къ «престолу Божьему. Государь Императоръ поручилъ комитету изыски«вать средства къ осуществленію великодушной мысли Цесаревича, «но члены онаго не были одушевлены христіанскимъ высокимъ чув«ствомъ юной души. Отнятіе у дочери моей фамильнаго ея имени по«ражаетъ существо невинное и бросаетъ тѣнь на священную память «матери и супруги» [2]). С. П. Трубецкой писалъ генералу Руперту, между прочимъ, слѣдующее: «До глубины души исполненный чув«ствомъ живѣйшей признательности къ вниманію, Всемилостивѣйше «обращенному на женъ и дѣтей нашихъ, смѣю уповать, что Государь «Императоръ, по милосердію своему, не допуститъ наложить на чело «матерей незаслуженное ими пятно и, лишеніемъ дѣтей фамильнаго «имени отцовъ, не причислитъ ихъ къ незаконнорожденнымъ» [3]). При

---

[1]) Сыновья его воспитывались впослѣдствіи въ корпусахъ, подъ именемъ Васильевыхъ, и только въ 1856 году получили обратно принадлежащее имъ имя.

[2]) Письмо 19-го апрѣля 1842 года, село Урикъ.

[3]) Письмо 19-го апрѣля 1842 года, село Оёкъ.

en entier: «De fréquentes et graves maladies dérangèrent complètement «la santé de mon fils. Dans ces conditions, non seulement sa destination «au service militaire, mais le voyage seul de Sibérie en Russie lui sera, «sans aucun doute, funeste. Ma fille est une enfant encore, et qu'est-ce «qui peut lui remplacer les soins vigilants de sa mère? L'existence de ma «femme est si complètement confondue avec la félicité et la vie de ses «enfants, que l'idée seule d'une séparation possible lui est devenue une «torture. Mes enfants devront-ils entrer dans la vie avec l'amère convic-«tion que leur père acheta les avantages de leur position sociale au prix «de nouveaux tourments et de la vie même de leur mère? C'est au «cœur déjà si plein d'amour et de vertu du Grand-Duc Héritier et «Cézarévitch que je confie la destinée de ma femme et de mes enfants, «et c'est par son intercession compatissante que je sollicite la faveur de «ne pas voir mes enfants privés d'un nom qui leur est transmis par la «sainteté du mariage de leurs parents, d'un nom qu'on ne saurait détruire «dans leur mémoire sans détruire en même temps leur amour filial. «Telle est la réponse que j'ai l'honneur de soumettre à la proposition qui «m'a été faite par Votre Excellence» [1]). L'accueil que fit le général Roupert à la franchise de sentiments, qui avait dicté les lettres précitées, apparaît dans le document suivant: «Je fis venir», écrit-il au comte Benckendorff, «les condamnés politiques domiciliés près d'Irkoutsk: «Wolkonsky, Mouravieff et Troubetskoy, et leur fis part moi-même de «l'indulgence infinie et de la haute et ineffable clémence qu'il a plu à «Sa Majesté l'Empereur de témoigner en rappelant leurs enfants de la «Sibérie et en se chargeant de leur éducation; je leur exposai en même «temps d'une façon détaillée tous les avantages qui doivent accompagner «cette faveur insigne de notre paternel Monarque. Mais, à mon grand «regret et chagrin, je ne puis pas ne pas remarquer que la grâce et la «miséricorde de Sa Majesté ne trouvèrent pas le moindre écho dans le «cœur de ces égoïstes froids et invétérés. Au lieu de l'attendrissement, «de l'entière obéissance, au lieu de la gratitude et de la dévotion, avec «lesquels il aurait convenu d'accepter et d'accomplir la volonté si clé-«mente du Tsar, ils ne montrèrent que la vanité, l'inconséquence et le «vague de leurs désirs, de sorte que je dus enfin leur dire de rentrer,

---

[1]) 19 Avril 1842, village d'Ourik (Archives de famille).

этомъ оба отъ милости Царской отказывались [1]). Приводимъ цѣликомъ письмо С. Г. Волконскаго къ генералу Руперту: «Частыя и сильныя «болѣзни сына моего совершенно разстроили его здоровье. Въ поло«женіи семъ, не только предназначеніе къ военной службѣ, но и самое «путешествіе его изъ Сибири въ Россію будетъ для него несомнѣнно «пагубнымъ. Дочь моя еще ребенокъ, и что можетъ ей замѣнить за«ботливое попеченіе матери? Существованіе жены моей такъ совершенно «слито съ благополучіемъ и жизнью ея дѣтей, что одна мысль о воз«можности разлуки сдѣлалась для нея мученіемъ. Должны ли дѣти мои «вступить въ свѣтъ съ горькою увѣренностью, что отецъ ихъ купилъ «имъ житейскія выгоды новыми страданіями и самою жизнію ихъ ма«тери? На сердце, уже полное любви и добродѣтели, Государя Цеса«ревича и Наслѣдника, возлагаю я нераздѣльную судьбу жены и дѣтей «моихъ и, чрезъ сердобольное ходатайство Его, испрашиваю милости не «лишать дѣтей моихъ имени, переданнаго имъ святостью брака роди«телей, имени, которое изгладить въ ихъ памяти можно только съ «уничтоженіемъ сыновней въ нихъ любви. Симъ отзывомъ имѣю честь «отвѣтствовать на предложеніе, сдѣланное мнѣ чрезъ Ваше Высоко«превосходительство» [2]).

Генералъ Рупертъ слѣдующимъ образомъ отнесся къ искренности чувствъ, выраженныхъ въ приводимыхъ письмахъ: «Я приглашалъ къ «себѣ», пишетъ онъ графу Бенкендорфу, «поселенныхъ вблизи Иркутска «государственныхъ преступниковъ: Волконскаго, Муравьева и Трубец«кого и лично объявилъ имъ то безконечное снисхожденіе и высокую, «неизреченную милость, которую угодно было явить Государю Импе«ратору относительно возвращенія изъ Сибири и воспитанія дѣтей «ихъ, изложивъ при томъ подробно всѣ выгоды, имѣющія сопрово«ждать сіе безпредѣльное благодѣяніе къ нимъ Отца-Монарха; но, къ «крайнему огорченію и прискорбію, не могъ не замѣтить, что настоя«щая милость и состраданіе Его Величества не нашли ни малѣйшаго «отголоска въ сердцахъ этихъ холодныхъ, закоренѣлыхъ эгоистовъ.

---

[1]) Вскорѣ затѣмъ, послѣ смерти Н. М. Муравьева, скончавшагося въ Урикѣ 28-го апрѣля 1843 года, его дочь, ставшая круглою сиротой, была принята въ Московскій Екатерининскій институтъ съ фамиліей «Никитина», а двѣ дочери С. П. Трубецкого—въ Иркутскій дѣвичій институтъ, гдѣ онѣ сохранили, однако, свое имя.

[2]) 19-го апрѣля 1842 г., селеніе Урикъ. (Семейный архивъ).

«de consulter leurs femmes et de mettre leurs réponses par écrit, dans «l'espace de 48 heures. Ces réponses écrites, j'ai l'honneur de les sou-«mettre ci-jointes au jugement de Votre Excellence avec celle du déporté «Davidoff, domicilié à Krasnoïarsk, que je me suis fait envoyer par le «gouverneur civil de Iénisseïsk. Par ces documents, Votre Excellence «verra que seul Davidoff a su comprendre et entièrement réaliser toute «la grâce de l'indulgence et de la miséricorde de notre bon Empereur, «et que seul, par conséquent, il est digne de profiter de la haute faveur Impé-«riale. Pour ce qui est de Wolkonsky, de Mouravieff et de Troubetskoy, le «peu d'empressement qu'ils ont montré à en profiter, obéissant à une obsti-«nation et à un égoïsme incompréhensible, devrait, à mon avis, les priver à «jamais de tout droit à quelqu'espèce d'indulgence de la part du Gouverne-«ment» [1]).

Il suffit de comparer les lettres des trois dékabristes avec cette attestation du général Roupert leur fermant l'accès à «toute espèce d'indulgence de la part du gouvernement» même dans l'avenir, pour se convaincre, combien véridique et consciencieux était le rapport du gouverneur général. A St-Pétersbourg, heureusement, autant qu'il est permis d'en juger d'après les consequences, ce rapport ne semble pas avoir particulièrement impressionné.

Voici une lettre de la princesse M. N. Wolkonsky à son frère A. N. Raïévsky se rapportant au même sujet, dans laquelle elle fait semblant de ne pas croire à la possibilité d'une séparation violente avec ses enfants, tandis que de cruelles appréhensions percent à travers ces paroles. Elle est écrite en français après l'arrivée de St-Pétersbourg d'une lettre, lui annonçant la grave maladie de son beau-frère, M. F. Orloff [2]).

«Mon cher Alexandre, quand mon âme est émue, je fais un retour «sur moi-même et sur ceux qui me sont chers, et tout ce que je demande «à ce Dieu de bonté, c'est de conserver leurs jours; qu'Il accorde la «santé et une conscience pure à mes enfants; que je ne sois jamais «séparée d'eux. Voilà mon unique vœu, et je me repose sur Sa Divine «bonté pour leur avenir. C'est au milieu de ces craintes pour la vie de

---

[1]) Lettre du 11 Mai 1842. Archives de la IIIème section de la Chancellerie particulière de S. M. I.

[2]) Archives de famille.

«Вмѣсто умиленія, безусловной покорности, благодарности и благого-«вѣнія, съ коими бы слѣдовало принять и исполнить милосердую «волю Царя, они обнаружили лишь одну суетность, противорѣчіе и «неопредѣленность своихъ желаній, такъ что я вынужденъ былъ, на-«конецъ, приказать имъ, посовѣтовавшись съ женами, изложить отвѣты «свои въ продолженіе 48-и часовъ, на письмѣ. Эти письменные отзывы «имѣю честь почтительнѣйше представить у сего на благоусмотрѣніе «Вашего Сіятельства вмѣстѣ съ вытребованнымъ мною чрезъ г. Ени-«сейскаго гражданскаго губернатора таковымъ же отъ поселеннаго въ «Красноярскѣ преступника Давыдова.

«Изъ нихъ Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что одинъ «только Давыдовъ умѣлъ понять и вполнѣ почувствовалъ всю благодать «снисхожденія и милосердія добраго Государя, и потому одинъ достоинъ «воспользоваться настоящею высокою Монаршею милостію. Что же ка-«сается до Волконскаго, Муравьева и Трубецкого, то обнаруженная ими «неготовность къ принятію ея, вслѣдствіе какого-то неизъяснимаго упрям-«ства и себялюбія, по мнѣнію моему, должна навсегда лишить ихъ вся-«каго права на какое бы то ни было снисхожденіе Правительства» [1]).

Достаточно сравнить приведенныя выше три письма съ этою оцѣнкою со стороны генерала Руперта, закрывающаго, для подписавшихъ, двери «къ какому бы то ни было снисхожденію Правительства», даже и въ будущемъ,—чтобы убѣдиться, насколько справедливъ и добросовѣстенъ отзывъ генералъ-губернатора. Къ счастію, подобный отзывъ не имѣлъ, сколько можно судить по послѣдствіямъ, особеннаго значенія въ Петербургѣ.

Приводимъ и письмо княгини М. Н. Волконской по тому же предмету къ своему брату, А. Н. Раевскому, въ которомъ она дѣлаетъ видъ, что не вѣритъ возможности насильственнаго разлученія съ дѣтьми, между тѣмъ какъ опасенія сквозятъ въ ея словахъ. Оно писано по полученіи изъ Петербурга извѣстія о тяжкой болѣзни зятя, М. Ѳ. Орлова [2]).

«Дорогой мой Александръ. Когда душа моя болитъ, я остана-«вливаюсь на самой себѣ и на тѣхъ, кто мнѣ дорогъ, и одного прошу

---

[1]) Письмо 11-го мая 1842 г. (Архивъ III Отдѣленія Собств. Его Импер. Велич. Канцеляріи).

[2]) Семейный архивъ.

«notre cher Michel [1]), que le 16 de ce mois, Serge a reçu une communi-
«cation d'un papier dans lequel nous voyons une nouvelle preuve de
«la bonté de cœur du Grand-Duc Héritier, qui veut associer, autant
«que possible, à toutes les phases heureuses de son existence, les êtres
«qui souffrent. C'est donc, à son intercession que l'on propose aux
«mères, qui ont suivi leurs maris en Sibérie, de prendre leurs enfants,
«afin de placer les garçons aux corps des cadets et les filles aux insti-
«tuts, mais avec la clause de leur faire renoncer à jamais au nom de
«leur père et de ne s'appeler que Сергѣевы, Никитины (Serguéieff,
«Nikitine), ainsi de suite, selon l'individu. Avant de vous dire mon opi-
«nion sur cette dernière condition, je dois vous exprimer les sentiments
«de reconnaissance qui remplissent mon cœur, en voyant que Sa Majesté
«l'Empereur condescend à faire consulter notre amour maternel, dans un
«cas aussi grave. Ce procédé délicat est profondément apprécié par moi:
«si je le dis, c'est que je le sens; je n'aime pas les phrases, vous le
«savez. Ce n'est ni dans mon caractère, ni dans la dignité du malheur.
«Maintenant venons au fait: renier le nom d'un père est une humiliation
«que je ne puis prendre sur moi d'imposer à mes enfants. Ne seraient-ils
«pas en droit de me le reprocher un jour? En conscience, devant Dieu
«et les hommes, je ne le dois pas: ce serait les stygmatiser aux yeux
«de tous, leur donner une apparence d'illégitimité qu'aucune mère ne
«saurait supporter. Mon cher Alexandre, vous qui me connaissez, ne voyez,
«de grâce, ni amertume, ni amour-propre blessé dans mes paroles; c'est
«le cri de mon cœur. Ne sais-je point combien il y a de difficultés à
«allier le bien que l'on veut nous faire avec la position où nous nous
«trouvons. Confions-nous donc à Dieu, qui est témoin des tourments,
«par lesquels mon cœur a passé ces trois derniers jours. Il prendra
«pitié de moi. Mon fils ne peut avoir aucune part à la question qui
«s'agite, car non seulement il ne m'est pas donné de songer à une car-
«rière pour lui, mais je ne suis pas sûre de conserver ses jours: dès sa
«naissance, c'était un être faible et chétif, au point que lorsque l'ordre
«de nous coloniser est venu, mon premier mouvement a été d'écrire à
«Mr le comte Benckendorff, pour le prier de nous placer avec notre
«camarade, le ci-devant docteur Wolff, en quelque endroit qu'il fût jeté
«par le sort. Voilà la mesure de mes craintes et de ma confiance dans

[1]) Orloff.

«я у благости Божіей, сохраненія ихъ дней, да пошлетъ Онъ здоровье и «чистую совѣсть дѣтямъ нашимъ, да не допуститъ Онъ никогда моей «разлуки съ ними; это единственное мое желаніе, и я полагаюсь на ми«лость Его относительно ихъ будущаго. Въ минуты нашихъ тревогъ за «жизнь нашего дорогого Михаила [1]), Сергѣй получилъ, 16-го числа этого «мѣсяца, бумагу, изъ которой мы видимъ новое доказательство сердеч«ной доброты Великаго Князя Наслѣдника, который хочетъ пріобщить, «насколько возможно, ко всѣмъ радостнымъ событіямъ своей жизни «тѣхъ, кто страждетъ. Благодаря его посредничеству, предлагается мате«рямъ, послѣдовавшимъ въ Сибирь за ихъ мужьями, отдать ихъ дѣтей «для помѣщенія мальчиковъ въ кадетскіе корпуса и дѣвочекъ въ инсти«туты, но съ условіемъ заставить ихъ отказаться навсегда отъ фамиліи «ихъ отцовъ и называться просто Сергѣевыми, Никитиными и т. д., «смотря по имени отца. Прежде чѣмъ сказать вамъ мое мнѣніе объ этомъ «послѣднемъ условіи, я должна выразить чувство благодарности, напол«няющей мое сердце, за то, что Его Императорское Величество пору«частъ обратиться къ нашему материнскому чувству въ такомъ серіоз«номъ вопросѣ. Такое сердечное отношеніе глубоко меня трогаетъ; если «я это говорю, то, значитъ, чувствую: фразъ я не люблю, вы это знаете. «Это не согласно ни съ моимъ характеромъ, ни съ высотой несчастія.

«Теперь обратимся къ факту. Отказаться отъ имени отца, это «такое униженіе, подвергнуть которому своихъ дѣтей я не могу; не «будутъ ли они въ правѣ поставить мнѣ это когда-либо въ упрекъ? По «совѣсти, передъ Богомъ и людьми, я не должна этого дѣлать; это «было бы заклеймить ихъ въ глазахъ каждаго, дать имъ видъ незаконно«рожденности, чего ни одна мать не могла бы вынести. Дорогой мой «Александръ, вы, который меня знаете, не приписывайте этого, умоляю «васъ, ни горечи, ни оскорбленному самолюбію, это лишь крикъ моего «сердца. Развѣ я не знаю, какъ трудно соединить добро, которое «хотятъ намъ дѣлать, съ положеніемъ, въ которомъ мы находимся; «ввѣримся же Богу, свидѣтелю страданій, чрезъ которыя прошло мое «сердце въ послѣдніе три дня. Онъ сжалится надо мною. Мой сынъ «не можетъ принять участія въ рѣшеніи этого вопроса, такъ какъ мнѣ «не дано права мечтать о его карьерѣ, но я даже не увѣрена въ со«храненіи его жизни; отъ самаго рожденія онъ былъ существомъ сла-

---

[1]) Михаила Ѳедоровича Орлова.

«l'art de celui qui lui a tant de fois sauvé la vie. Actuellement encore, «je suis loin d'être tranquille sur son état: l'été dernier il a manqué «m'être enlevé par une maladie grave; sa faiblesse était telle que ses «yeux en souffrent encore et sa santé est chancelante. Nellinka est trop «petite encore pour que l'on songe à son éducation; d'ailleurs que lui «faudrait-il de plus que les soins de sa mère? Si Dieu la lui a conservée, «pourquoi les hommes l'en priveraient-ils? En un mot, vivre avec et «pour mes enfants est une condition de mon existence; nous séparer, «serait prononcer mon arrêt.

«Mon cher Alexandre, je suis trop émue en ce moment pour «continuer d'écrire; l'état de Michel Orloff me tourmente aussi au der«nier point; il me tarde d'avoir un mot de rassurant sur lui; je n'ose «rien dire à Catherine [1]), mais je la comprends, je la vois, je partage «ses angoisses. Que Dieu la soutienne et vous tous; j'embrasse et je «bénis votre chère enfant» [2]).

Les appréhensions de la princesse, heureusement, étaient vaines; mais les agitations morales par lesquelles elle passa en ces circonstances et la peur que, malgré le refus des parents, les enfants quand même pourraient lui être enlevés, l'ébranlèrent au point qu'elle en fit une longue et dangereuse maladie qui lui laissa des traces, sa vie durant. Jamais plus elle ne reconquit sa robuste santé d'autrefois.

XXVI.

Julien Sabinsky fut mêlé, en 1839, à la certaine «affaire Konarsky». Condamné à 20 années de travaux forcés qui plus tard furent réduites à 10, il fut exilé dans la Sibérie Orientale, en même temps que Olizar, Iarjina, Routsinski, Rochkovski, Kissel, les Mihalski, père et fils, Kossakovski et Némirovski. En 1843, la liberté lui fut rendue, et le village Granovskoïe de l'arrondissement d'Irkoutsk lui fut assigné comme domicile. Gracié en 1856, il partit, l'année suivante, pour le gouvernement de Kaménets-Podolsk, où il prit part à des manifestations anti-gouvernementales en 1861. On voulut le transférer dans le gouvernement de Tamboff, mais, pour cause de maladie, on le laissa à Tchernigoff,

---

[1]) Catherine Orloff, sa sœur.

[2]) Alexandrine Raïévsky, mariée plus tard au comte Nostitz.

«бымъ и хилымъ до того, что когда пришло повелѣніе выпустить насъ «на поселеніе, то первымъ моимъ порывомъ было написать графу Бен-«кендорфу и просить его поселить насъ вмѣстѣ съ бывшимъ докто-«ромъ Вольфомъ, куда бы судьба ни забросила этого послѣдняго; вотъ «мѣра моихъ опасеній и моей вѣры въ науку того, который столько «разъ спасъ жизнь моего сына. И теперь еще я далеко не успокоена «за него; прошедшимъ лѣтомъ его чуть не унесла тяжелая болѣзнь; «его слабость такъ велика, что глаза до сихъ поръ страдаютъ, и здо-«ровье колеблется. Неллинька еще слишкомъ мала, чтобы можно было «думать о ея воспитаніи; да и что же ей нужно, кромѣ ухода матери? «Если Богъ сохранилъ ей мать, то за что же люди лишатъ ее матери? «Словомъ, жить съ моими дѣтьми и для нихъ—это условіе моей соб-«ственной жизни, разлучить насъ значило бы произнести приговоръ «надо мною. Дорогой мой Александръ, я слишкомъ взволнована въ «эту минуту, чтобы продолжать писать; состояніе здоровья Михаила «Орлова меня также крайне мучаетъ; съ нетерпѣніемъ жду успокои-«тельнаго о немъ слова; я не смѣю писать Катенькѣ [1]), но я ее понимаю, «ее вижу, раздѣляю всѣ ея муки. Богъ да поддержитъ ее и всѣхъ «васъ. Цѣлую и благословляю вашего дорогого ребенка» [2]).

Опасенія княгини Волконской были, къ счастью, напрасны, но душевныя волненія, черезъ которыя она прошла при этихъ обстоятельствахъ, и боязнь, что, несмотря на отказъ родителей, дѣти все-таки будутъ отъ нея отняты, такъ потрясли ее, что она впала въ продолжительную и опасную болѣзнь, оставившую на здоровьѣ ея тяжелый слѣдъ на всю жизнь. Съ тѣхъ поръ она постоянно хворала и не могла болѣе вернуть своего крѣпкаго здоровья.

XXVI.

Юліанъ Сабинскій участвовалъ въ дѣлѣ Конарскаго и въ 1839 г. приговоренъ къ 20-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, сокращеннымъ впослѣдствіи на 10 лѣтъ, и сосланъ былъ въ Восточную Сибирь одновременно съ Олизаромъ, Яржиной, Рупинскимъ, Ронковскимъ, Киселемъ, Михальскими, отцомъ и сыномъ, Косаковскимъ и Немировскимъ. Въ 1843 году освобожденъ и поселенъ въ с. Грановскомъ

---

[1]) Е. Н. Орлова, сестра ея.

[2]) А. А. Раевская, впослѣдствіи вышедшая замужъ за графа Ностица.

où il mourut à l'âge de 76 ans, au printemps de l'année 1868. C'était un homme très érudit, possédant dans la perfection les langues anciennes et plusieurs langues modernes.

XXVII.

En 1846, Serge Grigoriévitch et sa femme se décidèrent à solliciter la permission de placer leur fils au gymnase d'Irkoutsk. La princesse Wolkonsky s'adressa au comte Orloff dans une lettre du 25 Février, dont voici un passage: «Monsieur le comte, je n'ai plus de parents, vous «le savez, personne pour intercéder en ma faveur; c'est à vous que je «m'adresse et vous prie de me soutenir dans la pénible circonstance où «je me trouve. Souffrant, depuis plusieurs années et sans cesse, d'une «maladie de cœur, craignant d'y succomber, ma seule préoccupation est «de ne pouvoir donner une bonne éducation à mon fils, et, d'autre part, «me séparer de lui serait un coup mortel pour moi, dans l'état précaire «de ma santé. Voilà pourquoi je désire vivement lui faire suivre un cours «d'études au gymnase d'Irkoutsk, où, sous les auspices d'un établissement «public, il s'assurerait une existence tranquille. Je vous conjure donc, «Monsieur le comte, d'obtenir de Sa Majesté l'Empereur sa bienveillante «autorisation afin que mon fils soit admis, comme externe, au gymnase «d'Irkoutsk, et je devrai à Sa Majesté le repos du reste de mes jours. «Monsieur le comte, ce n'est point une pétition officielle que je vous «adresse, c'est la prière d'une mère qui vous parle avec toute la con«fiance et l'espoir de son cœur» [1]).

Le général Roupert appuya cette demande qui, selon lui, «mérite «une attention bienveillante, d'autant plus que l'éducation publique est «le meilleur moyen de donner à un jeune esprit une direction conforme «aux vues du gouvernement». Le comte Orloff obtint l'autorisation de l'Empereur et en fit part au ministre de l'Instruction Publique, comte Ouvaroff, aux ministres de la Guerre et de l'Intérieur et au général Roupert [2]). Il ne fut plus question de changement de nom.

---

[1]) Archives de famille.

[2]) Archives de la IIIème section de la Chancellerie particulière de S. M. I.

Иркутскаго округа. Помилованный, онъ выѣхалъ въ 1857 году въ Каменецъ-Подольскую губернію, гдѣ принялъ участіе въ противоправительственныхъ манифестаціяхъ 1861 года; за это долженъ былъ быть высланъ на жительство въ Тамбовскую губернію, но, по болѣзни, оставленъ въ г. Черниговѣ и скончался въ этомъ городѣ 76 лѣтъ отъ роду, весною 1868 года. Былъ человѣкъ весьма образованный, отлично знавшій древніе и нѣсколько новыхъ языковъ.

XXVII.

Въ 1846 году Сергѣй Григорьевичъ и его жена рѣшили ходатайствовать о помѣщеніи сына ихъ въ Иркутскую гимназію. Княгиня Волконская отнеслась къ графу Орлову 25-го февраля съ письмомъ, изъ котораго приводимъ слѣдующее:

«Графъ! у меня нѣтъ болѣе родителей, вы это знаете, нѣтъ никого, «кто бы могъ за меня ходатайствовать; я обращаюсь къ вамъ и прошу «поддержать меня въ томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ «нахожусь. Страдая уже нѣсколько лѣтъ постоянной болѣзнью сердца и «боясь не перенести ея, я озабочена мыслью, что не даю достаточно хо«рошаго образованія сыну, а, съ другой стороны, разлука съ нимъ на«несла бы смертельный мнѣ ударъ при такомъ состояніи моего здоровья. «Вотъ почему я желала бы, чтобы онъ прошелъ курсъ гимназіи въ Ир«кутскѣ, гдѣ, воспитаніемъ въ общественномъ учебномъ заведеніи, онъ «обезпечилъ бы себѣ спокойную будущность. Итакъ, я умоляю васъ, «графъ, исходатайствовать милостивое соизволеніе Государя Импера«тора на разрѣшеніе сыну моему поступить приходящимъ ученикомъ въ «Иркутскую гимназію, и я буду обязана Его Величеству спокойствіемъ «остальныхъ дней моей жизни. Графъ! не съ формальнымъ прошеніемъ «обращаюсь я къ вамъ, а съ просьбою матери, которая говоритъ вамъ «со всею искренностью и упованіемъ своего сердца». (Семейный архивъ).

Генералъ Рупертъ поддержалъ это ходатайство, которое, по мнѣнію его, «заслуживало уваженія, тѣмъ болѣе, что публичное во«спитаніе есть лучшее средство дать юному уму направленіе, согласное «съ видами правительства». Графъ Орловъ испросилъ на это Высочайшее соизволеніе и сообщилъ о томъ министру Народнаго просвѣщенія, графу Уварову, министрамъ военному и внутреннихъ дѣлъ и генералу Руперту [1]). О перемѣнѣ имени не было рѣчи.

---

[1]) Архивъ III Отдѣленія Собственной Его Импер. Велич. Канцеляріи.

XXVIII.

«A la princesse Marie Wolkonsky, née Raïévsky».

«O Toi, qui vins te reposer dans ma demeure! Toi que je n'ai connue que pendant trois jours et que j'ai nommée mon amie! Le reflet de ton image est resté dans mon âme. Mes yeux te voient encore: ta haute taille se déploie devant moi comme une grande pensée, et tes mouvements gracieux me semblent former la mélodie que les anciens prêtaient aux étoiles du ciel. Tu as les yeux, la chevelure et le teint d'une fille du Gange, et ta vie, comme la sienne, porte le sceau du devoir et du sacrifice. Tu es jeune... et cependant le passé dans ton existence s'est entièrement détaché du présent; le jour a cessé pour toi, et une douce soirée n'a point amené la sombre nuit. Elle est venue comme l'hiver de nos climats, et la terre, encore brûlante, s'est couverte de neige.... Autrefois, me disais-tu, ma voix était sonore, mais les souffrances l'ont éteinte.... Et cependant j'ai entendu tes chants: ils durent encore; ils ne cesseront jamais; car tes paroles, ta jeunesse, ton regard ont des sons qui retentissent dans l'avenir.—Comme tu nous écoutais, quand nous formions des chœurs autour de toi!... *encore, encore,* répétais-tu sans cesse, *encore!...* demain, ni jamais, je n'entendrai plus de musique.... Mais aujourd'hui tu me demandes ta harpe: appuie-la sur ton cœur brisé, fais vibrer ses cordes. et que chaque son, chaque accord soit comme la voix d'un ami. Enveloppe-toi bien d'harmonie, respire-la, chante, chante toujours... Ta vie n'est-elle pas un hymne?... (Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Wolkonsky, née princesse Bélosselsky, Paris, 1865, pp. 253, 254)».

XXVIII.

«Княгинѣ Маріи Волконской, рожденной Раевской».

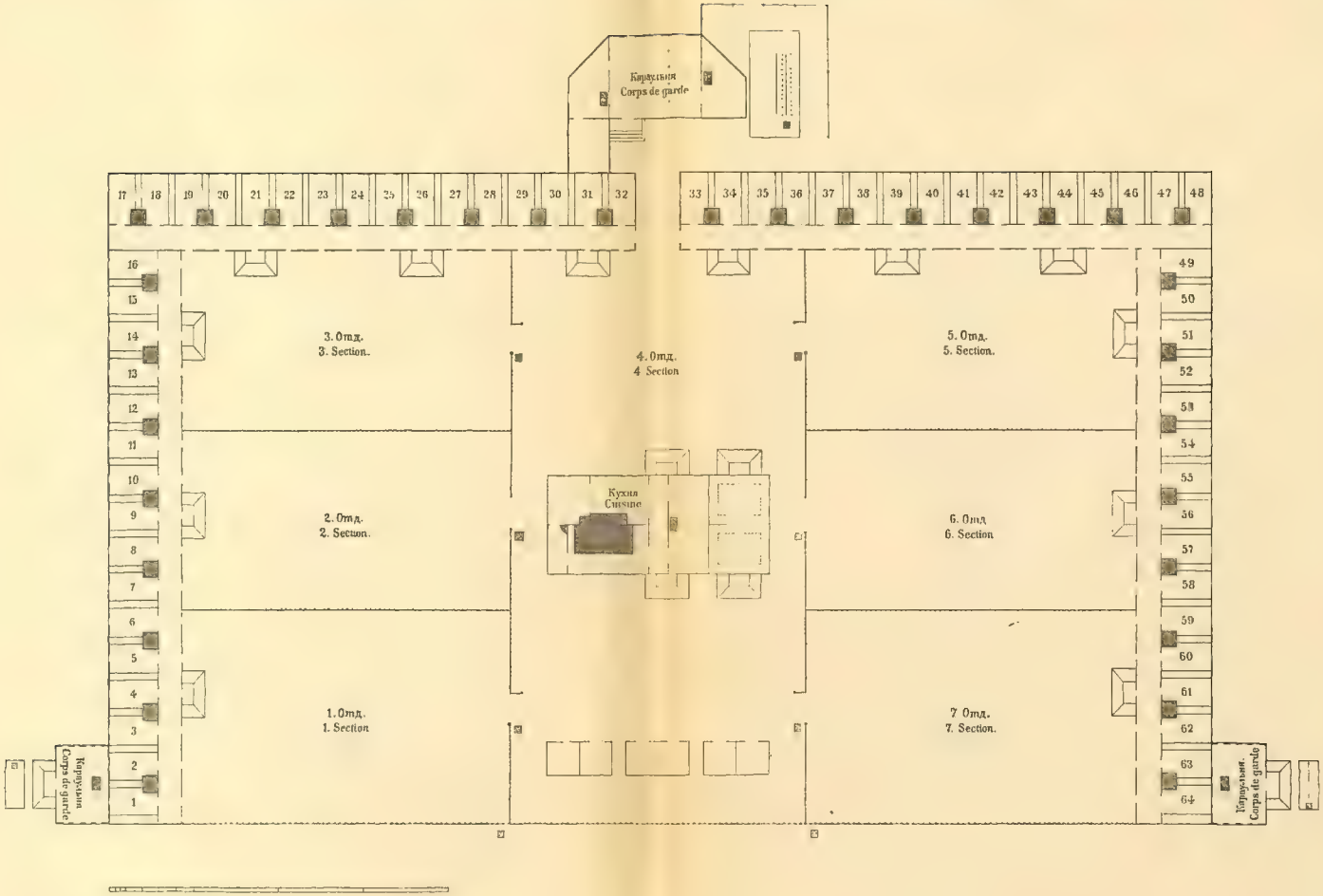
«О Ты, вошедшая отдохнуть ко мнѣ! Ты, которую я знала всего три дня и которую назвала своимъ другомъ! Отраженіе твоего образа осталось въ моей душѣ. Мой взоръ еще видитъ тебя: твой высокій станъ встаетъ передо мной, какъ высокая мысль, и твои красивыя движенія какъ будто сливаются въ мелодію, которую древніе приписывали звѣздамъ небеснымъ. У тебя глаза, волосы, цвѣтъ лица — какъ у дѣвы Ганга, и, подобно ей, жизнь твоя запечатлѣна долгомъ и жертвою. Ты молода.... а въ твоей жизни прошлое уже совершенно оторвалось отъ настоящаго; день для тебя прошелъ, и тихій вечеръ не привелъ темной ночи. Она пришла, какъ зима нашего сѣвера, — и земля, еще горячая, покрылась снѣгомъ... Прежде, говорила ты мнѣ, мой голосъ былъ звученъ, но онъ исчезъ отъ страданій... А, между тѣмъ, я слышала твои пѣсни: онѣ еще продолжаются, онѣ никогда не смолкнутъ, такъ какъ твои рѣчи, твоя молодость, твой взоръ имѣютъ звуки, раздающіеся въ будущемъ. — Какъ ты насъ слушала, когда мы пѣли вокругъ тебя!... *Еще, еще,* все повторяла ты, *еще!...* вѣдь я никогда не услышу болѣе музыки... Но теперь ты просишь у меня свою лиру: прижми ее къ своему разбитому сердцу, ударь по ея струнамъ, и да будетъ для тебя каждый звукъ, каждый аккордъ ея голосомъ друга. Окружи себя всю гармоніей, дыши ею, пой, пой всегда... развѣ жизнь твоя не гимнъ? — (Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Wolkonsky, née princesse Bélosselsky, Paris, 1865, pp. 253, 254)».

Къ плану каземата въ Петровскомъ заводѣ.

№№ темницъ.	Имена.
1.	*М. С. Лунинъ*
2.	*Сторожъ*
3.	*А. П. и П. П. Бѣляевы*
4.	*Ф. Ф. Вадковскій*
5.	*А. Н. Сутговъ*
6.	*Н. М. и А. М. Муравьевы*
7.	*М. А. Фонвизинъ*
8.	*М. М. Нарышкинъ*
9.	*Сторожъ*
10.	*С. П. Трубецкой*
11.	*А. Е. Розенъ*
12.	*Е. П. Оболенскій*
13.	*В. И. Штейнгель*
14.	*И. И. Пущинъ*
15.	*Н. И. Лореръ*
16.	*И. Д. Якушкинъ*
17.	*В. А. Бечасный*
18.	*А. И. Мазгалевскій*
19.	*В. Н. Соловьевъ*
20.	*П. Н. Свистуновъ*
21.	*А. А. Быстрицкій*
22.	*Д. А. Щепинъ-Ростовскій*
23.	*Н. А. Пановъ*
24.	*М. И. Рукевичъ*
25.	*И. И. Завалишинъ 2-й*
26.	*И. М. Спиридовъ*
27.	*И. С. Швейковскій*
28.	*Н. А. Крюковъ 2-й* *В. П. Колесниковъ*
29.	*Д. И. Завалишинъ 1-й*
30.	*А. А. Крюковъ 1-й*
31.	*Я. М. Андреевичъ*
32.	*А. И. Вегелинъ*
33.	*П. Д. Мазганъ*
34.	*И. Ф. Шимковъ*
35.	*И. В. Кирѣевъ*
36.	*А. П. Арбузовъ*
37.	*Н. В. Басаргинъ*
38.	*М. Ф. Митьковъ*
39.	*Н. А. Бестужевъ 1-й*
40.	*М. А. Бестужевъ 3-й*
41.	*К. Е. Ингельстромъ*
42.	*А. И. Тютчевъ*
43.	*А. И. и П. И. Борисовы*
44.	*П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ*
45.	*П. Ф. Громницкій*
46.	*К. П. Торсонъ*
47.	*А. И. Одоевскій* *М. Н. Глѣбовъ*
48.	*А. А. Кучевскій*
49.	*А. З. Муравьевъ*
50.	*П. В. Абрамовъ* *П. И. Фаленбергъ*
51.	*Аптека*
52.	*А. Ф. Фроловъ*
53.	*Ф. Б. Вольфъ*
54.	*С. Г. Волконскій*
55.	*П. А. Мухановъ*
56.	*А. С. Пестовъ*
57.	*И. А. Анненковъ*
58.	*В. П. Ивашевъ*
59.	*В. Л. Давыдовъ*
60.	*А. И. Якубовичъ*
61.	*И. И. Ивановъ*
62.	*А. В. Поджіо*
63.	*И. И. Горбачевскій*
64.	*А. П. Юшневскій*

Планъ каземата въ Петровскомъ заводѣ.

Plan de la prison à l'usine de Pétrovsk.



Explication du plan de la prison à l'usine de Pétrovsk.

№№ des cellules.	Noms.
1.	*M. Lounine*
2.	*Surveillant*
3.	*A. et P. Bélaieff*
4.	*T. Wadkovsky*
5.	*A. Southof*
6.	*N. et A. Mouravieff*
7.	*M. Von Wiesen*
8.	*M. Narischkine*
9.	*Surveillant*
10.	*S. Troubetskoy*
11.	*A. Rosen*
12.	*E. Obolensky*
13.	*W. Steinheil*
14.	*I. Poustchine*
15.	*N. Lorère*
16.	*I. Iakouschkine*
17.	*W. Bétchasnoy*
18.	*A. Masgalevsky*
19.	*W. Solovieff*
20.	*P. Svistounoff*
21.	*A. Bistritsky*
22.	*D. Stchépine-Rostovsky*
23.	*N. Panoff*
24.	*M. Roukévitch*
25.	*I. Zavalichine 2*
26.	*I. Spiridoff*
27.	*I. Schweicofsky*
28.	*N. Krukoff 2* *W. Kolesnicoff*
29.	*D. Zavalichine 1*
30.	*A. Krukoff*
31.	*I. Andréevitch*
32.	*A. Véguéline*
33.	*P. Masgan*
34.	*I. Schimcoff*
35.	*I. Kiréeff*
36.	*A. Arbousoff*
37.	*N. Bassarguine*
38.	*M. Mitkoff*
39.	*N. Bestougeff 1*
40.	*M. Bestougeff 3*
41.	*C. Igelstrom*
42.	*A. Tutcheff*
43.	*A. et P. Borissoff*
44.	*P. Bobristcheff-Pouchkine*
45.	*P. Gromnitsky*
46.	*K. Torson*
47.	*A. Odoïevsky* *M. Gléboff*
48.	*A. Koutchefsky*
49.	*A. Mouravieff*
50.	*P. Abramoff* *P. Falenberg*
51.	*Pharmacie*
52.	*A. Froloff*
53.	*F. Wolff*
54.	*S. Wolkonsky*
55.	*P. Moukhanoff*
56.	*A. Pestoff*
57.	*I. Annenkoff*
58.	*W. Ivacheff*
59.	*B. Davidoff*
60.	*A. Iakoubovitch*
61.	*I. Ivanoff*
62.	*A. Poggio*
63.	*I. Gorbatchefsky*
64.	*A. Youschnevsky*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		страницы.
1.	Предисловіе издателя	I—XXXV
2.	Записки княгини М. Н. Волконской	1—112
3.	Приложенія	114—188
4.	Оглавленіе рисунковъ	196
5.	Указатель собственныхъ именъ	202—212

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

стр.

1. Княгиня Марія Николаевна Волконская. Офортъ В. Унгера въ Вѣнѣ, съ посмертнаго портрета масляными красками работы Н. Гордиджіани (1872 г.), по фотографіямъ 1860 года I
2. Княгиня Марія Николаевна Волконская съ сыномъ Николаемъ на рукахъ. Офортъ В. Унгера въ Вѣнѣ, съ акварели работы Соколова, 1826 года 1
3. Князь С. Г. Волконскій. Фототипія съ портрета масляными красками работы Г. Дау. Этотъ портретъ, находившійся въ Зимнемъ дворцѣ, въ галлереѣ генераловъ Отечественной войны, былъ въ 1826 году, по Высочайшему повелѣнію, изъ нея исключенъ; разысканный въ складахъ дворца, онъ, черезъ 77 лѣтъ, возвращенъ въ 1903 году на прежнее мѣсто. На портретѣ надпись: G. Dawe, R. A. ad vivum pinxit 1822 3
4. Благодатскій рудникъ. Гора, въ шахтахъ которой работали декабристы 44
5. Благодатскій рудникъ. Изба, въ которой жили княгини М. Н. Волконская и Е. И. Трубецкая 48
6. Чита. Видъ острога, съ рисунка того времени. 70
7. Чита. Внутренній видъ того же острога. 76
8. Княгиня Волконская въ Читѣ, съ акварели декабриста Николая Александровича Бестужева, сдѣланной въ 1828 г. 67
9. Большой Петровскій заводъ и казематъ 92
10. Планъ каземата въ Петровскомъ заводѣ 191

TABLE DES MATIÈRES.

PAGES.

1. Préface de l'éditeur . . . . . I—XXXIV
2. Mémoires de la princesse M. N. Wolkonsky . . . . 1—111
3. Appendices . . . . . 115—187
4. Table des illustrations. 200
5. Index des noms propres . . . . . 202—211

TABLE DES ILLUSTRATIONS.

PAGES.

1. Princesse Marie Wolkonsky. Eau-forte de W. Unger à Vienne, d'après un portrait posthume par N. Gordigiani (1872), pris sur des photographies de l'année 1860. I
2. Princesse Marie Wolkonsky, tenant dans ses bras son fils Nicolas. Eau-forte de W. Unger à Vienne, d'après une aquarelle de Sokoloff, 1826. 1
3. Prince Serge Wolkonsky. Phototypie d'après un portrait à l'huile par G. Dawe. Ce portrait qui se trouvait dans la galerie des généraux de l'année 1812 au Palais d'Hiver, en avait été éloigné, par ordre Impérial, en 1826; retrouvé dans les combles du palais 77 ans plus tard, il fut réintégré dans son cadre en 1903. Le portrait porte la signature suivante: G. Dawe, R. A. ad vivum pinxit 1822 . . . 3
4. Usine de Blagodatsk. Montagne, dans les puits de laquelle les exilés travaillaient 44
5. Usine de Blagodatsk. Cabane qu'habitaient les princesses Wolkonsky et Troubetskoy 48
6. Tchita. Vue de la prison, d'après un dessin de l'époque . . 70
7. Vue intérieure de la même prison 76
8. La princesse Wolkonsky à Tchita, d'après une aquarelle du dékabriste N. A. Bestougeff, faite en 1828 67
9. Grande usine et prison de Pétrowsk. 92
10. Plan de la prison de Pétrowsk 191

INDEX

des noms propres.

УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ.

A.

Aksakoff, Jean—XXII, 115.
Alexandre Ier, Empereur—19, 27, 119, 129, 131, 133, 137.
Alexandre II, Empereur—109, 171.
Andréeff, A.—XX.
Annenkoff, M-me (M-lle Paul) 73, 95.
Annenkoff, Jean—73, 157, 171.
Annenkoff, Olga, Wladimir, Jean et Nicolas—171—173.
Araktchéieff, Alexis, comte—139.
Arbousoff, A.—157.
Avramoff, Paul—157.

B.

Baratinsky, poète—139.
Bariatinsky, A., prince—157.
Barsoukoff, Jean—139.
Bassarguine, Nicolas—XX.
Batenkoff, Gabriel—101, 163, 165.
Bélaéff, frères—69.
Bélogolovy, Nicolas—XXIV, 163.
Bélosselsky, princesse. Voir Wolkonsky, princesse Zénéide.
Benckendorff, Alexandre, comte—XXVIII, 91, 93, 127, 133, 159, 171, 173, 177, 181.
Benckendorff, Marie, comtesse—159.
Benigsen, Léonce, comte—117.
Bernadotte—117.
Bestoujeff, Alexandre (Marlinsky)—XX, 161.
Bestoujeff, Michel—157, 161.
Bestoujeff, Nicolas—95, 155, 157, 161.
Bestoujeff, Hélène, Marie et Olga—161.
Bestoujeff, Paul et Pierre, frères—161.
Bestoujeff-Rumine, Michel 13.
Bibicoff, Michel—95.
Bloudoff, Dimitry, comte—173.
Bobristcheff-Pouchkine—157.
Borissoff, André—XX, 135, 147, 151.
Borissoff, Pierre—XX, 135, 147, 151.
Borissoff, frères—13, 49, 59, 145, 157.
Borosdine, Marie—161.
Boschniak—7, 129.
Bournacheff—43, 45, 47, 55, 57, 59, 63, 65, 67, 141, 143, 149, 151.
Bourtsoff—139.
Branicka, comtesse—7, 127.
Brockhaus—139, 159.
Bruloff, peintre—139.
Bruni, peintre—139.
Bystritsky—157.

C.

Catache. Voir Troubetskoy, princesse.
Catherine II, Impératrice—121.
Chakhovskoy, Praskovia, princesse—141.
Chévireff—139.
Constantin, Grand-Duc—171.
Constantinow, Sophie. Voir Raïévsky, Sophie.

D.

Davidoff, Alexandre—123.
Davidoff, Basile—XVI, XX, 7, 13, 47, 49, 121, 123, 135, 145, 151, 157, 171, 173, 179.
Davidoff, Basile, Jean, Léon, Alexandre et Sophie—171.
Davidoff, M-me—75.
Davidoff, Pierre 123.

А.

Аврамовъ, Павелъ Васильевичъ — 158.
Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ — XXIII, 116.
Александръ Николаевичъ, Императоръ — 110, 172.
Александръ Павловичъ, Императоръ — 22, 28, 120, 130, 132, 134, 138.
Андреевъ, А. — XXI.
Анненкова (М-lle Поль) — 74, 94.
Анненковъ, Иванъ — 74, 158, 174.
Анненковы, Ольга, Владиміръ, Иванъ и Николай Ивановичи — 174.
Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ — 140.
Арбузовъ, А. — 158.

Б.

Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ — 138.
Барсуковъ, Иванъ Платоновичъ — 140.
Барятинскій, князь, А. — 158.
Басаргинъ, Николай Васильевичъ — XXI.
Батенковъ, Гавріилъ Степановичъ — 102, 164, 166.
Бенкендорфъ, графиня Марія Александровна — 160.
Бенкендорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ — XXIX, 92, 94, 128, 134, 160, 172, 174, 176, 178, 184.
Беннигсенъ, графъ Леонтій Леонтіевичъ — 118.
Бернадотъ, 118.
Бестужевъ, Александръ (Марлинскій) - XXI, 162.
Бестужевъ, Михаилъ Александровичъ 158, 162.
Бестужевъ, Николай Александровичъ 96, 156, 158, 162.
Бестужевы, Елена, Марія и Ольга Александровны — 162.
Бестужевы, Павелъ и Петръ Александровичи — 162.
Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Павловичъ — 14.
Бибиковъ, Михаилъ Илларіоновичъ — 96.
Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ — 174.
Бобрищевы-Пушкины, П. и Н. — 158.
Борисовъ, А. И. — 136, 146, 152.
Борисовъ, П. И. — 136, 146, 152.
Борисовы, братья А. И. и П. И. — XXI, 16, 50, 60, 146, 158.
Бороздина, Марія Андреевна — 162.
Бошнякъ — 8, 130.
Браницкая, графиня — 8, 128.
Брокгаузъ — 140, 160.
Бруни, Ѳедоръ Антоновичъ — 138.
Брюловъ, Карлъ Павловичъ — 138.
Бурнашевъ, Тимоѳей Степановичъ — 42, 44, 46, 54, 58, 60, 62, 64, 66, 68, 142, 144, 150, 152.
Бурцовъ — 138.
Быстрицкій — 158.
Бѣлоголовый, Н. А. — XXV, 164.
Бѣлосельская-Бѣлозерская, княжна. См. Волконская, княгиня Зинаида Александровна.
Бѣляевы, братья — 70.

В.

Вадковскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ — 130, 158.

Délwig, baron, poète —139.
Dobrosserdoff, prêtre—169.
Donetz-Zaharjevsky, Elisabeth—159.

E.

Efron—139, 159.
Elaguine—167.
Elisabeth, Impératrice —9.
Entaltzeff, A. 157.
Entaltzeff, M-me—69, 71, 81, 85, 87, 89.
Euthyme 65.

F.

Fahlenberg, P.—157.
Fitinhoff 33.
Froloff, P.—69, 157.

G.

Gagarine, prince—139, 163.
Ganguébloff—135.
Galitzine, Alexandre, prince—129.
Galitzine, prince—XX.
Gorbatchewsky—XX.
Grabbe, Paul, comte —135.
Grétry—81.
Gromnitsky—167, 169.
Gromoff, Pierre, prêtre —35.

I.

Iarjina—183.
Igelstrom—157.
Ivacheff, M-me. Voir Le-Dantu, Camille.
Ivacheff, Basile—93, 157, 173.
Ivacheff, Pierre, Marie et Olga—173.
Ivanoff—169.

J.

Joukovsky, poète—139.
Jouravleff—169.

K.

Kahovsky—13.
Kamensky, Michel, comte—117.
Kiréieff—157.
Kiréevsky, frères 139.
Kissel—183.
Kisséleff, Paul, comte—27, 29, 139.
Konarsky—183.
Kornilovitch—77, 79, 81, 157.
Kosloff, poète—139.
Kossakovsky—183.
Kotlevsky—145, 147, 151.
Kotschoubey, Hélène. Voir Rachmanoff, Hélène.
Kotschoubey, Nicolas X, 1.
Koutouzoff, prince Sérénissime, Michel 117.
Krioukoff, A. et N.—157.
Krivtsoff, S.—81, 157.
Kuchelbecker, V. et M.—157.

L.

Lancastre—27.
Langeron, Alexandre, comte—117.
Laval-de, comte—71.
Laval-de, comtesse. Voir Troubetskoy, Catherine, princesse.
Le-Dantu, Camille (Ivacheff M-me)—93, 95.
Léparsky, Stanislas—67, 147, 149, 153, 155, 169.
Lévacheff, Basile, comte—127, 129.
Lihareff—7, 81.
Liprandi, Catherine XX.
Liprandi, Paul—XX.
Liprandi—XVIII.
Lissovsky—81.
Lomonossoff—121.
Lounine, Michel—101, 103, 105, 157, 167, 169, 171.

M.

Maïboroda—7, 131.
Makavéeff—147.
Malneff, Marie (Macha)—75.
Marie Féodorovna, Impératrice—159.
Marlinsky. Voir Bestoujeff, Alexandre.
Mestchersky, princesse. Voir Wolkonsky, Sophie, princesse.
Micha. Voir Wolkonsky, Michel, prince.
Michel Pavlovitch, Grand-Duc—129, 133.
Michelson, Jean—137.
Mihalski—183.
Mitkoff, Michel—157.
Mizkievicz, poète—139.
Moltchanoff, Dimitry—1.
Moltchanoff, Serge—1.
Moukhanow, P. —157.

Василевскій — 170.
Васильевы — 176.
Вегелинъ — 158.
Веденяпинъ — XXI.
Веневитиновъ, Дмитрій Владиміровичъ — XXXI, 22, 138.
Винценгероде, баронъ Фердинандъ Ѳедоровичъ—118, 160.
Виньи-де, Альфредъ — XVII.
Витгенштейнъ, графъ Петръ Христіановичъ—118.
Виттъ, графъ Иванъ Осиповичъ—130.
Владимірскій — 146.
Вогюэ-де, Мельхіоръ XVII, XIX, XXIII.
Волконская, княгиня Александра Николаевна — 118, 126, 132.
Волконская, княгиня Елисавета Григорьевна — 134, 160.
Волконская, княгиня Зинаида Александровна — XXIX, XXXI, XXXIII, XXXV, 20, 36, 132, 136, 138, 188.
Волконская, княжна Марія Михайловна — III.
Волконская, княгиня Марія Николаевна — III, V, VII, XI, XIII, XV, XVII, XIX, XXI, XXV, XXVII, XXIX, XXXI, XXXV, 74, 120, 122, 124, 126, 128, 134, 146, 150, 162, 164, 180, 184, 186, 188.
Волконская, свѣтлѣйшая княгиня Софія Григорьевна—12, 132, 136.
Волконская, княгиня Софія Семеновна—132.
Волконскіе, князья — 134.
Волконскій, свѣтлѣйшій князь Григорій Петровичъ — 160.
Волконскій, князь Григорій Семеновичъ — 118, 130, 132.
Волконскій, князь Михаилъ Сергѣевичъ—2, 94, 108, 110, 138, 160, 172.
Волконскій, князь Никита Григорьевичъ — 132, 138.
Волконскій, князь Николай Григорьевичъ (Репнинъ) — 132.
Волконскій, князь Николай Сергѣевичъ (младенецъ)—6, 84.
Волконскій, свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ — 18, 78, 132, 136, 160.
Волконскій, князь Семенъ Ѳедоровичъ — 130.
Волконскій, князь Сергій Григорьевичъ—III, XXI, XXV, XXVII, 4, 6, 8, 14, 18, 26, 28, 30, 32, 42, 46, 58, 60, 76, 84, 108, 116, 118, 120, 122, 126, 130, 132, 134, 136, 138, 144, 146, 150, 152, 156, 158, 160, 164, 168, 172, 176, 178, 180, 182, 186.
Вольфъ, Ѳ. Б. — XXVII, 84, 96, 100, 106, 158, 184.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ—138.

Г.

Гагаринъ, князь — 138, 164.
Гангебловъ — 134.
Голенищевъ-Кутузовъ, графъ Павелъ Васильевичъ—130, 160.
Голицынъ, князь Александръ Николаевичъ—130.
Голицынъ, князь—XXI.
Горбачевскій — XXI.
Граббе, графъ Павелъ Христофоровичъ—134.
Громницкій — 170.
Громовъ, о. Петръ — 36.
Гратри — 82.

Д.

Давыдова, А. И. — 74.
Давыдовъ, Александръ Львовичъ —124.
Давыдовъ, Василій Львовичъ — XVII, XXI, 8, 16, 46, 50, 122, 124, 136, 146, 152, 158, 174, 176, 180.
Давыдовъ, Петръ Львовичъ—122, 124.
Давыдовы, Василій, Иванъ, Левъ Васильевичи, Александра и Софія Васильевны—174.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ — 138.
Добросердовъ, священникъ — 170.
Донецъ-Захоржевская, Елисавета Андреевна — 160.

Е.

Елагины — 168.
Елизавета Алексѣевна, Императрица—12.
Ентальцева, А. В. — 68, 72, 82, 86, 88, 90.
Ентальцевъ, А. — 158.
Ефимъ — 64.
Ефронъ — 140, 160.

Ж.

Жуковскій, Василій Андреевичъ — 138.
Журавлевъ - 170.

Mouravieff, Alexandre 11, 73, 99, 139, 157, 171.
Mouravieff, Alexandrine—XXVI, 21, 39, 67, 69, 71, 75, 79, 81, 87, 89, 91, 95.
Mouravieff, André—139.
Mouravieff, Artamon—XX, 13, 49, 51, 135, 145, 151.
Mouravieff, Catherine—XXVI.
Mouravieff, M.—157.
Mouravieff, Nikita M.—71, 99, 103, 107, 157, 169, 171, 173, 175, 177.
Mouravieff, Nikita A.—171.
Mouravieff-Apostol, Serge—13, 85, 111.
Mouravieff, Sophie—95, 171, 175.
Mouravieff-Amoursky, Nicolas, comte—109, 139.
Mouravieff de Kars, Nicolas—139.
Mouravieff de Wilna, Michel, comte—139.
Mosgalevsky, N.—85, 87, 157.
Mosgane—157.
Mylnikow 151.

N.

Napoléon Ier—117, 121, 131, 137, 159.
Narichkine, M-me—69, 71, 73, 75, 87, 89, 95.
Narichkine, M.—157.
Nazimoff—135.
Nékrassoff, poète — XII, XIV, XVI, XVIII, 71.
Nelly. Voir Rachmanoff, Hélène.
Némirovsky—183.
Nicolas Ier, Empereur—XVIII, 5, 15, 81, 111, 127, 133, 159.
Nicolas. Voir Wolkonsky, Nicolas, prince.
Nikitina. Voir Mouravieff, Sophie.
Nono. Voir Mouravieff, Sophie.
Nostitz, Jean, comte—183.

O.

Obolénsky, Eugène, prince XX, 13, 45, 49, 135, 145, 151, 157.
Odoïévsky, Alexandre, prince—23, 95, 99, 139, 157.
Olizar 183.
Orloff, Alexis, comte—9, 25, 109, 165, 185.
Orloff, Catherine—11, 25, 31, 121, 127, 133, 183.
Orloff, Michel—9, 27, 29, 121, 123, 125, 127, 131, 179, 181.
Orloff—61, 63.
Ostermann-Tolstoy, Alexandre, comte—117.
Ouspensky—167, 169.
Ouvaroff, Serge, comte—185.
Ouvaroff, E.—167, 169.

P.

Paër—XXXI, XXXII.
Panine, Victor, comte—173.
Paskiévitch d'Erivan, Jean, comte—157.
Paul Ier, Empereur—119, 137, 159.
Paul, M-lle. Voir Annenkoff, M-me.
Pestel, Paul—3, 13, 139.
Poggio, Alexandre—157, 163.
Poggio, Joseph—7, 101, 161, 163.
Poggio, Magdeleine—163.
Potapoff, Alexis—XXVIII, 129.
Potiomkine, Grégoire, prince Sérénissime—119.
Pouchkine—19, 25, 83, 121, 133, 137, 139, 155.
Pougatcheff 25.
Poustchine, Jean—73, 155, 157.
Povalo-Schveikovsky, J.—157.

R.

Rachmanoff, Alexandre 1.
Rachmanoff, Hélène (Nelly)—1, 93, 119, 171, 183.
Raïévsky, Alexandre—7, 121, 123, 127, 129, 179, 181, 183.
Raïévsky, Alexandrine—183.
Raïévsky, Catherine. Voir Orloff.
Raïévsky, Hélène—121, 127.
Raïévsky, Marie. Voir Wolkonsky, Marie Nicolaïevna.
Raïévsky, Nicolas—VI, XXVI, 119, 121, 123, 127, 133.
Raïévsky, Nicolas, fils—121, 123, 127.
Raïévsky, Sophie (Constantinow) 121.
Raïévsky, Sophie—3, 19, 121.
Razoumowsky, comtesse. Voir Répnine, Barbe.
Répine, N.—157.
Répnine, Nicolas, prince—131, 137.
Répnine, Nicolas G., prince. Voir Wolkonsky, Nicolas.
Répnine, Alexandra. Voir Wolkonsky, Alexandra, princesse.
Répnine, Barbe, princesse—131.

З.

Заблоцкій-Десятовскій, А. П. — 140.
Завалишинъ, Дмитрій Иринарховичъ 158, 170.
Загорѣцкій, Н. — 158.
Закревскій, графъ Арсеній Андреевичъ — 104.

И.

Ивановъ — 170.
Ивашева. См. Ле-Дантю.
Ивашевъ, Василій Петровичъ — 94, 158, 174.
Ивашевы, Петръ Васильевичъ, Марія и Ольга Васильевны — 174.
Игельстромъ — 158.

К.

Каменскій, графъ Михаилъ Ѳедотовичъ — 118.
Каташа. См. Трубецкая, княгиня Екатерина Ивановна.
Каховской, Петръ Андреевичъ — 14.
Кирѣевскіе, Иванъ и Петръ Васильевичи — 138.
Кирѣевъ, И. — 158.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ — 28, 138.
Кисель — 184.
Козловъ, Иванъ Ивановичъ — 138.
Конарскій — 184.
Константинова, Софія Алексѣевна. См. Раевская, С. А.
Константинъ Павловичъ, Великій Князь — 172.
Корниловичъ — 78, 80, 82, 158.
Косаковскій — 184.
Котлевскій — 146, 148, 152.
Кочубей, Елена Сергѣевна. См. Рахманова, Е. С.
Кочубей, Николай Аркадіевичъ — XI, 2.
Кривцовъ, С. — 82, 158.
Крюковы, Александръ и Николай Александровичи — 158.
Кутузовъ, свѣтлѣйшій князь Михаилъ Илларіоновичъ — 118.
Кюхельбеккеры, В. и М. — 158.

Л.

Лаваль, графиня. См. Трубецкая, княгиня Екатерина Ивановна.
Лаваль, графъ — 72.
Ланжеронъ, графъ Александръ Ѳедоровичъ — 118.
Ланкастеръ — 28.
Левашевъ, графъ Василій Васильевичъ — 126, 130.
Ле-Дантю, Камилла (Ивашева) — 94, 96.
Лепарскій, Станиславъ Романовичъ 68, 148, 150, 154, 156, 170.
Липранди — XIX.
Липранди, Екатерина Петровна — XXI.
Липранди, Павелъ Петровичъ — XXI.
Лисовскій — 82.
Лихаревъ — 8, 82.
Ломоносовъ — 122.
Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ — 100, 104, 106, 158, 168, 170, 172.

М.

Майборода, Аркадій Ивановичъ — 8, 130.
Макавеевъ — 148.
Мальнева, Марія Матвѣевна (Маша) — 74.
Марлинскій. См. Бестужевъ, Александръ.
Мещерская, княжна. См. Волконская, княгиня Софія Семеновна.
Митьковъ, М. — 158.
Михаилъ Павловичъ, Великій Князь — 128, 134.
Михальскіе — 184.
Михельсонъ, Иванъ Ивановичъ — 138.
Мицкевичъ, Адамъ — 138.
Миша. См. Волконскій, князь Михаилъ Сергѣевичъ.
Мозгалевскій — 84, 88, 158.
Мозганъ — 158.
Молчановъ, Дмитрій Васильевичъ — 2.
Молчановъ, Сергѣй Дмитріевичъ — 2.
Муравьева, Александра Григорьевна — XXV, 24, 40, 66, 68, 70, 72, 76, 80, 82, 88, 90, 92, 96.
Муравьева, Екатерина Ѳедоровна — XXV.
Муравьева, Софія Никитишна — 96, 172, 178.
Муравьевъ, Александръ Николаевичъ — 40, 74, 100, 140, 174.
Муравьевъ, Андрей Николаевичъ — 140.
Муравьевъ, Артамонъ Захаровичъ XXI, 16, 50, 136, 144, 152, 158.
Муравьевъ, М. — 158.
Муравьевъ, Никита Александровичъ — 174.
Муравьевъ, Никита Михаиловичъ — 72, 100, 104, 106, 158, 170, 172, 176, 178, 180.

Rézanoff—59, 67, 145, 149.
Rick—57, 59, 145.
Riléieff, Quadrat—13.
Rochkovski—183.
Rosen, André, baron—XX, XXIV, XXVI, 133, 153, 155, 157, 173.
Rosen, baronne—89, 95.
Rossini—137.
Roukiévitch, A.—81, 157.
Roumiantseff, Pierre, comte—131.
Roupert—107, 109, 167, 173, 175, 177, 179, 185.
Routsinski—183.

S.

Sabinsky, Julien—109, 183.
Samoïlow, comtesse—121.
Schervood, Jean—7, 129.
Schilling, Anna—159.
Serge. Voir Wolkonsky, Serge, prince.
Skobeleff—165.
Smolianinoff—77.
Solovieff, V., baron—85, 87, 157.
Sophie. Voir Raïévsky, Sophie.
Soukine—165.
Soukhinine—85.
Souvoroff—117, 131.
Spéransky, Michel, comte—167.
Stchépine-Rostovsky, D., prince—157.
Steinheil, V.—167.
Svistounoff, Pierre—73, 157.
Sutthof, A.—157.

T.

Tatistcheff, Alexandre, comte—135.
Tchérépanoff—167, 169.
Tchernicheff, Alexandre, prince—5, 13, 129, 133, 135.
Tchernicheff, Alexandrine. Voir Mouravieff, Alexandrine.
Tchernicheff, Zachar, comte—XX, 81, 135, 157.
Tchernigovtseff—141.
Tchigeff, N.—XX.
Tolstoy, V.—157.
Tonia—127.
Torson, Catherine—161.
Torson, Constantin—95, 157, 161.
Troubetskoy, Alexandra, Elisabeth, Zénéide, princesses—171.
Troubetskoy, Catherine, princesse (Catache)—XII, XIV, XXVI, XXVIII, 9, 31, 35, 43, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 59, 61, 63, 65, 71, 75, 77, 79, 85, 87, 111, 145, 147.
Troubetskoy, Serge, prince—XX, 13, 45, 49, 57, 67, 107, 135, 139, 143, 145, 147, 151, 157, 167, 171, 173, 175, 177.
Troubetskoy, princes—XII.
Trouneff, P.—147, 151.

V.

Védéniapine—XX.
Véguéline—157.
Vigny-de, Alfred—XVI.
Vladzimirsky—145.
Vogüé-de, Melchior, vicomte—XVI, XVIII, XXII.
Von-Wiesen, M-me—73, 89, 95.
Von-Wiesen, M.—157.

W.

Wadkowsky, Théodor—129, 157.
Wassilévsky—169.
Wassilieff, frères—175.
Wénéwitinow—XXX, 19, 139.
Wériguine, Serge, prêtre—X.
Wiazemsky, Pierre, prince (poète)—139.
Winzengerode, Ferdinand, baron—117, 159.
Witgenstein, Pierre, prince Sérénissime—117.
Witt-de, Jean, comte—129.
Wolff—XXVI, 83, 95, 99, 107, 157, 181.
Wolkonsky, Alexandra, princesse—117, 125, 131, 133.
Wolkonsky, Elisabeth, princesse—133, 159.
Wolkonsky, Grégoire, prince Sérénissime—159.
Wolkonsky, Grégoire, prince—117, 131, 133.
Wolkonsky, Marie, princesse—II.
Wolkonsky, Marie Nicolaïevna, princesse—II, IV, VI, XII, XIV, XVIII, XX, XXIV, XXVI, XXVIII, XXX, XXXIV, 75, 119, 121, 123, 125, 127, 135, 145, 147, 149, 159, 161, 163, 179, 185.
Wolkonsky, Michel, prince (Micha)—1, 93, 109, 139, 159, 171.
Wolkonsky, Nicolas, prince (Répnine)—131.

Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Ивановичъ — 14, 86, 112.
Муравьевъ-Амурскій, графъ Николай Николаевичъ — 110, 140.
Муравьевъ (Виленскій), графъ Михаилъ Николаевичъ — 140.
Муравьевъ (Карскій), Николай Николаевичъ — 140.
Мухановъ, П. А. — 158.
Мыльниковъ — 152.

Н.

Назимовъ — 134.
Наполеонъ I — 118, 120, 122, 128, 160.
Нарышкина, Е. П. — 68, 72, 76, 88, 90, 96.
Нарышкинъ, М. — 158.
Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ — XIII, XV, XVII, XIX, XXI.
Нелли. См. Рахманова, Елена Сергѣевна.
Немировскій — 184.
Никитина. См. Муравьева, Софія Никитишна.
Николай Павловичъ, Императоръ — XIX, 6, 18, 82, 112, 128, 130, 134, 160.
Нонушка. См. Муравьева, Софія Никитишна.
Ностицъ, графъ Иванъ Григоріевичъ — 184.

О.

Оболенскій, князь Евгеній Петровичъ — XXI, 16, 46, 50, 136, 146, 152, 158.
Одоевскій, князь Александръ Ивановичъ — 24, 98, 138, 158.
Оливаръ — 184.
Орлова, Екатерина Николаевна — 12, 26, 32, 122, 128, 132, 184.
Орловъ, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ — 10, 26, 110, 166, 186.
Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ — 10, 28, 122, 124, 126, 128, 132, 182, 184.
Орловъ — 60, 62, 64.
Остерманъ-Толстой, графъ Александръ Ивановичъ — 118.

П.

Павелъ I, Императоръ — 120, 138, 160.
Панинъ, графъ Викторъ Никитичъ — 174, 176.
Паскевичъ-Эриванскій, графъ Иванъ Ѳедоровичъ — 158.
Пестель, Павелъ Ивановичъ — 4, 14, 138.
Повало-Швейковскій, И. — 158.
Поджіо, Александръ Викторовичъ — 164.
Поджіо, Іосифъ Викторовичъ — 8, 100, 158, 162, 164.
Поджіо, Магдалина Іосифовна — 164.
Поль, Mlle. См. Анненкова.
Потаповъ, Алексѣй Николаевичъ — XXIX, 130.
Потемкинъ, свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ — 120
Пугачевъ — 26.
Пушкинъ — 22, 26, 84, 122, 132, 138, 156.
Пущинъ, Иванъ Ивановичъ — 74, 156, 158.

Р.

Раевская, Александра Александровна — 184.
Раевская, Екатерина Николаевна. См. Орлова.
Раевская, Елена Николаевна — 122, 128.
Раевская, Марія Николаевна. См. Волконская.
Раевская, Софія Алексѣевна — 122.
Раевская, Софія Николаевна — 4, 22, 122.
Раевскіе — 120, 122.
Раевскій, Александръ Николаевичъ — 10, 122, 124, 128, 182, 184.
Раевскій, Николай Николаевичъ — VII, XXVII, 120, 122, 128, 132.
Раевскій, Николай Николаевичъ (сынъ предыдущаго) — 122, 124.
Разумовская, графиня. См. Репнина, княгиня Варвара Алексѣевна.
Рахманова, Елена Сергѣевна (Нелли) — 2, 94, 120, 172, 184.
Рахмановъ, Александръ Алексѣевичъ — 2.
Резановъ — 60, 66, 146, 150.
Репинъ, Н. — 158.
Репнина, княгиня Варвара Алексѣевна — 132.
Репнинъ, князь Николай Васильевичъ — 132, 138.
Репнинъ, князь Николай Григорьевичъ. См. Волконскій, князь Н. Г.
Репнины, князья — 132.
Рикъ — 56, 58, 60, 146.
Розенъ, баронесса — 90, 96.
Розенъ, баронъ Андрей Егоровичъ — XXI, XXV, XXVII, 134, 154, 158.
Рошковскій — 184.
Рукевичъ — 82, 158.

Wolkonsky, Nicolas, prince—5, 83.
Wolkonsky, Nikita, prince—131, 137, 139.
Wolkonsky, Pierre, prince Sérénissime—17, 77, 131, 133, 137, 159.
Wolkonsky, Serge, prince—II, XX, XXIV, XXVI, 3, 5, 7, 11, 17, 27, 29, 31, 43, 45, 57, 59, 75, 83, 107, 115, 117, 119, 121, 125, 129, 131, 133, 135, 139, 145, 149, 151, 155, 157, 163, 167, 171, 173, 175, 177, 179, 185.
Wolkonsky, Siméon, prince—131.
Wolkonsky, Sophie, princesse—131.
Wolkonsky, Sophie, princesse Sérénissime—9, 131, 133, 137.
Wolkonsky, Zénéïde, princesse—XXVIII, XXX, XXXII, XXXIV, 17, 35, 131, 137, 139, 187.
Wolkonsky, princes—133.

Y.

Yakoubovitch, Alexandre—XX, 13, 49, 135, 145, 151, 157.
Yakouchkine, Jean—XX, 157.
Yaszikoff, poète—139.
Youchnevsky, M-me—89.
Youchnevsky, A.—157.

Z.

Zablotsky-Dessiatovsky, A.—139.
Zagaretsky, N.—157.
Zakréwsky, Arsène, comte—105.
Zavalichine, D.—157, 169.
Zeidler—35, 135, 141, 143.

Румянцовъ, графъ Петръ Александровичъ — 132.
Рупертъ — 106, 110, 170, 176, 178, 180, 186.
Руцинскій — 184.
Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ — 14.

С.

Сабинскій, Юліанъ — 110, 184.
Самойлова, графиня — 122.
Свистуновъ, Петръ Николаевичъ — 74, 158.
Скобелевъ — 166.
Смольяниновъ — 78.
Соловьевъ, баронъ — 84, 86, 88, 158.
Софья. См. Раевская, Софія Николаевна.
Сперанскій, графъ Михаилъ Михаиловичъ — 168.
Суворовъ — 118, 132.
Сукинъ — 166.
Сутгофъ — 158.
Сухининъ — 84, 86, 88.

Т.

Татищевъ, графъ Александръ Ивановичъ — 136.
Толстой, В. — 156.
Тоня — 128.
Торсонъ, Екатерина Петровна — 162.
Торсонъ, Константинъ Петровичъ — 96, 158, 162.
Трубецкая, княгиня Екатерина Ивановна (Каташа) — XIII, XV, XXVII, XXIX, 10, 30, 36, 42, 48, 52, 54, 56, 58, 60, 62, 64, 66, 72, 76, 78, 80, 86, 112, 146, 148.
Трубецкіе, князья — XIII.
Трубецкія, княжны Александра, Елизавета и Зинаида Сергѣевны — 174.
Трубецкой, князь Сергѣй Петровичъ — XXI, 16, 46, 50, 58, 66, 106, 136, 138, 144, 146, 152, 158, 168, 170, 174, 176, 178, 180.
Труневъ, П. — 148, 152.

У.

Уварова, Е. С. — 168, 170.
Уваровъ, графъ Сергѣй Семеновичъ — 186.
Успенскій — 170.

Ф.

Фаленбергъ, П. — 158.
Фитингофъ — 34.
Фонъ-Визина, Н. Д. — 72, 90, 96.
Фонъ-Визинъ, М. — 158.
Фроловъ, П. — 70, 158.

Ц.

Цейдлеръ — 36, 136, 142, 144.

Ч.

Черепановъ — 170.
Черниговцевъ — 142.
Чернышева, графиня Александра Григорьевна. См. Муравьева, А. Г.
Чернышевъ, князь Александръ Ивановичъ — 8, 14, 130, 134.
Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ — XXI, 82, 134, 158.
Чижовъ, Н. — XXI.

Ш.

Шаховская, княжна Прасковья Михайловна — 140.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ — 138.
Шервудъ, Иванъ Васильевичъ — 8, 130.
Шильдеръ, Николай Карловичъ — 130.
Штейнгель, В. Б. — 168.

Щ.

Щепинъ-Ростовскій, князь Д. — 158.

Ю.

Юшневская, Марія Казиміровна — 90.
Юшневскій, А. — 158.

Я.

Языковъ, Николай Михаиловичъ — 138.
Якубовичъ, Александръ Ивановичъ — XXI, 16, 50, 136, 146, 152, 158.
Якушкинъ, Иванъ Дмитріевичъ — XXI, 158.
Яржина — 184.